

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Филология»

Ответственные редакторы

- О. Г. Щеглова канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Л. Н. Синякова д-р филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

- М. С. Берендеева канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

- Т. С. Борисова д-р филол. наук, PhD (Афинский национальный университет им. И. Каподистрии, Греция)
- Н. Н. Казанский академик РАН, д-р филол. наук, проф. (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)
- Н. Б. Кошкарева д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. А. Лукьянова д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- И. А. Мельчук д-р филологии, проф. (Монреальский университет, Канада)
- Л. Г. Панин д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Э. Стергиопулу д-р филологии, проф. (Афинский национальный университет, Греция)
- П. Энгель д-р наук (Европейский центр по консервации книг и бумаги, Хорн, Австрия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

O. D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

A. K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

S. M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

H. Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

P. Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

I. V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yu. V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Philology”

Executive Editors

- O. G. Shcheglova Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- L. N. Sinyakova Doctor of Sciences (Philology), Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

- M. S. Berendeeva Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- T. S. Borisova Dr Habil., PhD (National and Kapodistrian University of Athens, Greece)
- P. Engel Doctor of Sciences (European Research Centre for Book and Paper Conservation-Restoration, Horn, Austria)
- N. N. Kazanskiy Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Linguistic Studied of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation)
- N. B. Koshkareva Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. A. Lukyanova Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- I. A. Melchuk Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Montreal, Canada)
- L. G. Panin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- E. Stergiopoulou Doctor of Sciences (Philology), Professor (National University of Athens, Greece)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2023. Том 22, № 9: Филология

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

- Тихова А. М.* Сложные *nomina agentis* с низкой частотой использования в Тырновском издании Стишного пролога (на англ. яз.) 9
- Захарова Ю. Г.* Лакунарность и неология: диахронный аспект (на материале эпистолярных текстов русских писателей XIX века) 21
- Назайкин А. Н.* Современные подходы к оценке эффективности текста 31
- Петрова Н. Е., Комышкова А. Д.* Гендерная семантика номинаций *родитель – родительница – родители* в современном медийном дискурсе 41
- Сикацкая П. А., Реморов И. А.* Измерение семантической эквивалентности перевода поэтического текста 53
- Урманчиева А. Ю.* К этимологии презумптивного показателя энецкого языка *-to*: заимствование из нганасанского 64

Литературоведение

- Алякринская М. А.* К жанровой интерпретации сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Кисель» 74
- Андреева В. Г., Калюжная Л. В.* Переписка Л. Н. Толстого и Ю. Ф. Самарина: новые контексты и проблемы взаимоотношений двух современников 83
- Обатнина Е. Р.* Алексей Ремизов: учитель и его ученики (к истории смыслообраза «учитель музыки» в контексте нового искусства XX века) 98

<i>Донских О. А., Райхан Мд Тану. Семейная сага как жанр мировой литературы</i> (на англ. яз.)	109
---	-----

<i>Ковтун Н. В. Трикстер как герой фронта, или О механизмах выживания в хаосе</i>	120
---	-----

Рецензии

<i>Щеглова О. Г. На пути к эпистемологии лингвистики: создание терминологического гизауруса</i>	134
---	-----

Информация для авторов	139
------------------------	-----

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2023, vol. 22, no. 9: Philology

CONTENTS

Linguistics

- Tihova A. M.* Composite *nomina agentis* with Low Frequency Usage in the Tarnovo Revision of the Verse Prolog 9
- Zakharova Yu. G.* Lacunarity and Neology: Diachronic Aspect (Based on the Material of Russian Writers' Epistolary Texts of the 19th Century) 21
- Nazaykin A. N.* Modern Approaches to Assessing the Effectiveness of the Text 31
- Petrova N. E., Komysheva A. D.* Gender Semantics of Nominations *родитель – родительница – родители* in Modern Media Discourse 41
- Sikatskaya P. A., Remorov I. A.* Evaluating the Semantic Equivalence of a Poetic Text 53
- Urmanchieva A. Yu.* On the Etymology of the Enets Presumptive Marker *-to*: Borrowing from Nganasan 64

Literature

- Alyakrinskaya M. A.* On the Genre Interpretation of the Fairy Tale *Kissel* by Saltykov-Shchedrin 74
- Andreeva V. G., Kalyuzhnaya L. V.* Correspondence of L. N. Tolstoy and Yu. F. Samarin: New Contexts and Problems of Relations between Two Contemporaries 83
- Obatnina E. R.* Alexey Remizov: Teacher and His Pupils (On the History of the Meaning of Music Teacher in the Context of Modern Art of the 20th Century) 98

Donskikh O. A., Rayhan Md Tapu. Family Saga as a Genre of World Literature 109

Kovtun N. V. The Trickster as a Hero of the Frontier, or On Survival Mechanisms in Chaos 120

Reviews

Shcheglova O. G. Towards the Epistemology of Linguistics: Creating a Terminological Hypertext Thesaurus 134

Instructions to Contributors 139

Научная статья

УДК 811.163.1:81'373

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-9-20

Composite *nomina agentis* with Low Frequency Usage in the Tarnovo Revision of the Verse Prolog

Aneta M. Tihova

Shumen University "Episkop Konstantin Preslavski"

Shumen, Bulgaria

a.marinova@shu.bg, <https://orcid.org/0009-0007-9235-5392>

Abstract

Purpose. The paper focuses on some compound nominal entries from word-formation and semantic aspect with low frequency of occurrence, typical of the Tarnovo Revision of Verse Prolog. *Results.* I. Names of persons, whose occupation is connected to: writing hymns, to the icon painting, writing chronicles. II. Names of persons, whose occupation is connected to the stone, metal and fur processing. III. Names of persons from the ruler's circle, who have routine obligations; whose activities are related to trade. The specificity of the prolog passionaries makes it possible to highlight an interesting layer of lexis from semantic perspective, related to a number of professions and occupations during the Middle Ages.

Keywords

Verse prolog, compound nominal entries, rare lexemes

Acknowledgements

This publication has been written and realized under a project of LBL (literary Bulgarian language), № RA-08-136/1.03.2022

For citation

Tihova A. M. Composite *nomina agentis* with Low Frequency Usage in the Tarnovo Revision of the Verse Prolog. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-9-20

Сложные *nomina agentis* с низкой частотой использования в Тырновском издании Стишного пролога

Анета Маринова Тихова

Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского

Шумен, Болгария

a.marinova@shu.bg, <https://orcid.org/0009-0007-9235-5392>

Аннотация

Последовательно рассматриваются 16 сложных существительных с низкой частотностью фреквентности в Тырновской редакции Стишного пролога со словообразовательной и семантической точек зрения. Выделяются три группы имен: 1) лица, деятельность которых связана с созданием и исполнением гимнов, написанием икон, составлением летописей и письмом как профессией; 2) лица, деятельность которых связана с обработкой камня, металла или кожи; 3) лица из окружения правителя, имеющие домашние обязанности, деятельность которых связана с торговлей и странным хозяйством или с обеспечением пищей. Выяснилось: а) эти существительные имеют одинаковую структуру: (имя существительное + инфикс -o / -e- + глагольный корень + суффикс -ьць); б) три лексемы встречаются в проповедях Григория Цамблака, что поддерживает

мнение о том, что некоторые тексты в Тырновском издании Стишного пролога имеют среднеболгарский перевод; в) в современном болгарском языке сохранились: **живописец, риболовец, скорописец**; с измененной семантикой встречаются **животописец, хлебопродавец**; сегодня не употребляются **баснотворец, каменостръжец, ложеположец, песнословец**; лексемы **доброписец, каменосечец, песнотворец, усмошвец, странноприемец** отмечаются как книжные, устаревшие, а **кузнец** имеет диалектный характер; г) специфика проложных житий позволяет выделить в семантическом аспекте интересный пласт лексики, связанный с названиями ряда профессий и занятий в Средние века, который до сих пор не был предметом изучения. Исследование дает возможность представить динамику в развитии языка, поскольку некоторые лексемы сохранились до наших дней, а другие вышли из активного употребления, а также является вкладом в будущий исторический словарь болгарского языка.

Ключевые слова

Стишной пролог, составные существительные, редко встречаемые лексемы

Благодарности

Статья реализована по проекту кафедры болгарского языка Шуменского университета, № РД-08-136/1.03.2022

Для цитирования

Tihova A. M. Composite *nomina agentis* with Low Frequency Usage in the Tarnovo Revision of the Verse Prolog // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-9-20

The lexis in the texts of the calendar hagiographic collection *Verse Prolog* (= VsPr) has not been thoroughly examined. There are some cases of analysis on certain nominal words of dialectic character, derivative nouns with the prefix **-ице**, which refers to the lexis of naming wild animals and means of torture, lexical-semantic doublets, as well the thematic group of names/titles of artefacts [Spasova, 2009; Spasova, 2016; Tikhova, 2003; 2020; Krivchev, 2014; Shcheglova, 2012; Shcheglova, Goncharenko, 2022]. The lexical fund of the corpus of passionaries and verses in the Tarnovo revision of the *Verse prolog* contains a considerable number of entries, which are either missing, or rarely manifested in the old Bulgarian literary language.

The present study dwells on a set of compound nominal words / entries for persons of rare frequency and usage from a word-formation and semantic perspective, formed in a compositional-suffix manner with the suffix **-ыць**, which are identified in the texts of the Tarnovo revision of the *Verse prolog*¹: **баснотворыць, доброписыць, живописыць, животописыць, каменостръжыць, каменосъчыць, ложеположыць, пѣснословыць, рыболовыць, скорописыць, странноприкмыць, сьреброкоузыньць, оусмошьвыць, хлѣбопродавыць, шдописыць.**

The suffix **-ыць**, connected to the preverbal stem, is one of the most active in the formation of *nomina agentis* in the indication of persons, doers of the action. The meaning of these composite derivatives through the subject, is explicit in the pre-substantial motivating stem [Radeva, 1991, p. 82, 91–94]. In the examination of each one of the 16 compound nominal name derivatives with the suffix **-ыць**, titles of persons, the following model is adopted: lemmatized lexeme², the number of uses in the Verse prolog, grammatical characteristics, the meaning, the parallel word in Greek; the example in a minimal context in VsPr, where the semantics of the compound nominal entry becomes obvious. In the cited sample text the respective grammatical form is also cited, which refers to the compound nominal entry, if identified. The data regarding the exact lexeme from VsPr are also presented taken from the lexicographic reference books, and are further compared to the lexis of the classical old-Bulgarian records (= OBR) on the database from Dictionary of Old Bulgarian (= DoB) and from Старославянский словарь (Dictionary of Old Slavonic) (= DOS), as well as Fr. Miklosich's dictionaries (= Mikl) and I. I. Sreznevskiy (= Sr), with St. Mladenov's Dictionary of Etymology (= EtMl), with the dictionaries in Church Slavonic (= CSL) in DCSL and ECSL. There are further data taken from studies on the collections of Grigory Tsamblak (= GrTs). The

¹ The reviewed lexemes are excerpted from the lexical index appended to each volume, see [Petkov, Spasova, 2008–2014].

² The process of lemmatization according to the grammatical norms of Old-Bulgarian language.

presence of composite words in the modern Bulgarian language is examined following the Bulgarian monolingual dictionary (= BMD) and following the Dictionary of Bulgarian language (= DBL), while the etymology of the formative components is traced on the basis of the Bulgarian dictionary of etymology (BDE).

Compound nominal words, names / titles of persons according to their activities in the area of art (music, painting) and literature (church poetry)

1. Titles of persons, whose activities are connected to the creation and performance of songs (hymns). This group comprises compound words, for example, **пѣснословѣць** and **пѣснотворѣць**.

пѣснословѣць, -а (1) м. (singer, masculine) ‘writer and performer of eulogistic songs, praising God; of song panegyrics; song-singer, song-writer, psalm-singer’. In Greek, ὕμνολόγος. In VsPr: сѣи... вѣгодеи и вжѣтвении **пѣснословѣць** **иавлѣа** сѣ, this, pious and divine song-singer coming across to be ... 4th October, St. Hierotheos, Archbishop of Athens [vol. 2, p. 15: 15]³. Gr.⁴: ἐωράτο θεόληπτος καὶ θεῖος ὕμνολόγος φαινόμενος [Delehay, 1902, p. 103].

In OBR – ø. The nominal entry is observable in the Chronicles of Lavrentis from 6771 [Sr, vol. 2, p. 1787], is also met in Miklosich [Mikl, p. 761]. In CSL it means *song-singer* [ECSL, p. 529]. It is also included in Synotic Typicon № 91, Menaion for November, 1097 [Doseva, 2013, p. 157]¹²; in GrTs – ø. In BMD is missing. The lexeme is a loan translation of the Greek word *compositum* ὕμνολόγος.

пѣснотворѣць, -а (2) м. (song-writer, masculine), who writes songs, dedicated to God; compiler of eulogistic songs; song-scribe; song-creator. Greek ὕμνογράφος, μελοποιός, ὕμνωδός. In VrPr: днь прпоавнаго ѿца наше исповѣдника ѿсиѣа **пѣснотворѣца**, day of our venerable father and confessor Joseph song-creator, 3th April, Joseph the song-creator [vol. 8, p. 11: 24]. Gr. Ἰωσήφ ὁ Ὑμνογράφος [Ἑυστρατιάδης, 1960, p. 242];

In OBR – ø. The lexeme is indicated in Sr [vol. 2, p. 1787] and in Menaion for October with the meaning *compiler of songs* [ECSL, p. 529]. In Miklosich there are missing data in what types of records the lexeme is met [Mikl, p. 761]; in GrCh – ø. It is present in DBL with the marker *obsolete, literary, poetic*: **pesnopoets** (song-singer) [DBL, vol. 12, p. 294]. The Greek corresponding equivalents of song-creator are: ὕμνογράφος, μελοποιός and ὕμνωδός, when only song-creator is a calque to μελοποιός.

2. Names of persons, whose occupation is related to painting of icons and pictures. Here we can refer to the compound nominal entries of **живописѣць** and **животописѣць**.

живописѣць, -а (2) м. ‘artist, painter’ (masculine). Gr. ζωγράφος. In VsPr: на дѣска^x врѣменни^x ѡба отрока // разплати пишѣ ѡтроци **живописѣць**, On temporary boards two infants crucified, // the infants – painters paint¹⁵, 28th June, Two crucified infants⁵ [vol. 10, p. 66: 20].

In OBR – ø. The nominal entry is present in Sreznevski [Sr, vol. 1, p. 866], in Kramchaya from 16th c. [Mikl, p. 196]; also in Johannes [Sadnik, 1983, p. 672]; In GrChr – ø; in ECSL **живописѣць** [p. 171] (painter). It can also be seen in Novgorod menaion copies from 1095 and 1097 [Doseva, 2013, p. 156]. This composite is registered in the Slavonic translations of “Funeral oration for St. Basil of Caesarea” by Gregory the Theologian [Spasova, 2008, p. 164]. The lexeme is kept by now with the same meaning: *painter, artist, who works art* [BDE, vol. 5, p. 65], master of the brush [BND, p. 230].

³ The examined nominal entries are cited in the context, and in order to be complete the date and the martyr are indicated as well as the volume, page and the respective order in the edition of [Petkov, Spasova, 2008–2014].

⁴ In cases when there is a correspondence with [Delehay, 1902], or of [Ἑυστρατιάδης, 1960], when it is indicated.

⁵ The translation of the verses is made by Prof. M. Spasova, PhD.

животописецъ, -а (1) *м.* (life-writer, masculine) ‘who draws, depicts; painter, artist’. Gr. ζωγράφος. In VsPr: **памѧ прпоѧвнаго ѡца нѣшего лазара живописца**, memory of the Venerable Lasarus painter, 17th November, *Lasarus painter* [vol. 3, p. 62: 19]. Gr. Λάζαρος ὁστος ὁ ζωγράφος [Ἑυστρατιάδης, 1960, p. 269].

In OBR – ø; in Sr – ø. It is also present in Kramchaya from 1262, in Zlatoust from 1578, in the life of St. Sava from 16th c. [Mikl, p. 197]; in GrCh – ø. In CSL **животописецъ** means *painter or iconographer* [DCSL, p. 172; ECSL, p. 184]. Today the lexeme is preserved, but it is with different semantics: a person, who is depicting someone’s life, an author of life-description, a biographer [BMD, p. 230]; it is present in DBL with the marker *rarely* [vol. 5, p. 73].

3. Names of persons, whose occupation is related to the description or depiction of genealogy, to writing chronicles or legends, or fables. Here we can see the two rare composites **цѣдописецъ** and **васнотворецъ**.

цѣдописецъ, -а (1) *м.* (chronicler, masculine) ‘who describes the genealogy; chronicler’. In Greek γονογράφος. In VsPr: **Ѧлиакима авиудъ цѣдѣи пишетъ.// матѣи намъ извѣстныи цѣдописецъ**, Aviud was the father of Eliakim, // writes Matthew, the prominent genealogist ⁶, 16th December, *Eliakim, son of Aviud* [vol. 4, p. 29: 33]. Gr. Τὸν Ἐλιακεῖμ Ἀβιοῦδ γράφει γόνον // Ματαῖος ἡμῖν ἀκριβῆς γονογράφος [Ἑυστρατιάδης, 1960, p. 128].

In OBR – ø, in Sr – ø. In Miklosich the lexeme **штѣдописецъ** is fixed in Prolog from 1360 and in Menaion – Vuk. [Mikl, p. 1137]; in GrChr – ø. In BMD it is absent. The lexeme is a calque from Greek γονογράφος.

васнотворецъ, -а (1) *м.* (fable-writer, masculine) ‘who speaks or writes fabrications; fable-writer, fable-maker’. Greek μυθοποιός. In VsPr: **таковыя же бѣсовы раздѣлѣть... васнотворцемъ и ересеначалникомъ**, such demons split ... with fable-maker and with heresy-master, 19th January, *Sm. Venerable Macarius of Egypt and Macarius of Alexandria* [vol. 5, p. 46: 23].

In OBR – ø. The nominal entry is observable in Menologion [Mikl, p. 12] and in Georgios Amartolus with the meaning *writer of tales*; synonymous to **васносъставецъ** (fable-writer) [Sr, vol. 1, p. 44]. In the old-Bulgarian translation of Second and Third Word against the Arians from Athanasios of Alexandria we can find the nominal entries of **васнословесникъ** (fable-telling) (2) and **васнѣнотворъ** (fable-writer) (1) with the meaning *fiction* [Ilieva, 2018, p. 72]; in GrCh – ø. It is in the Dictionary of Church-Slavonic language – **васнотворецъ** (fable-writer) [DCSL, p. 28]. The lexeme is absent in modern Bulgarian language [BMD: ø].

4. Names of persons, whose occupation is writing, which in the Middle Ages was not only a profession, but also a form of art. Here the following nominals are identified **доброписецъ** and **скорописецъ**.

доброписецъ, -а (2) *м.* (who writes well, masculine) ‘a talented writer, a skillful copy-writer, a calligrapher; a person writing well’. Gr. καλλιγράφος. In VsPr: **трѣблаженыи и всеславныи дороѣи...не тѣчиѧ же о си^х. нѧ и ѡ прочѣихъ апѣлъ и многы^х стѣхъ. еце же и о сѣценны^х прѣкъ написа бѣше же стѣи... доброписецъ** **якоже ниѣ никто**, the triple-blessed and all-glorious Dorotheus ... not only for those, but also for the other apostles and many saints, also for the holy prophets he wrote ... the holy was a scrivener like no one else, 14th April, *St. Apostles from the 70, Aristarchus, Poudes and Trophimus* [vol. 8, p. 35: 12]. The fact that St.

⁶ The translation of the verses is made by M. Spasova, see [Petkov, Spasova, 2008–2014, vol. 4, p. 161].

Dorotheus wrote about the apostles, about many saints and prophets, proves that he had the gift to be a talented writer.

In OBR – ø. It is seen in Georgios Amartolos [Sr, vol. 1, p. 678] and in Prolog from 17th century [Mikl, p. 166]. M. Spasova observes the lexeme in the old Bulgarian translation in 16 words by Gregory the Theologian [Spasova, 1999, p. 158]. The compound nominal becomes explicit as a by-name of Gregorius Dobropisets (writing well), the author of The Life of Romilus of Vidin [Tsibranska, Karamfilova, 2007, p. 393]. In DCSL **доброрписецъ** is obvious with the meaning *calligrapher* in Prolog from July [p. 146]; in GrTs – ø. In BML ø, and in BDE it is indicated with the marker *obsolete, literary* and in the meaning ‘well-writing, calligrapher’ [vol. 4, p. 151].

скорописецъ, -а (3) *м.* (fast writing scrivener, masculine) ‘who can write fast, fast-writing scrivener, a scribe’. Gr. ὀξυγράφος, γραμματεὺς. In VsPr: **протеріе трѣстомъ заклаиъ бысть. // скорописецъ трѣсть сын на прѣлѣсть**, Proterius slayed with reed was he, the quill fast-writing against the fraud⁷, 28th February, St. Martyr Proterius, Archbishop of Alexandria [vol. 6, p. 76: 25]. Gr. Ὁ Προτέριος σφάττεται τοῖς καλάμοις. // ὀξυγράφου κάλαμος ὢν κατὰ πλάνης [Ἑυστρατιάδης, 1960, p. 406].

In OBR – ø. The word is fixed by Georgios Amartolos and in Short novel of the passed years from 6406 [Sr, vol. 3, p. 383]; it is also seen in Prolog from 17th century [Mikl, p. 847]; it is also evident in the Extended Passionary of Methodius and in GrChr with 2 cases [Spasova, 1999, p. 112, 141]. It is also present in the dictionary of Ch-Slavonic Language with the meaning of ‘clerk, scribe’ [ECSL] The meaning is connected to the speed, with which the scribe was writing as well as to the quality of writing. The lexeme is present in the Dictionary of Etymology by St. Mladenov [EtMl, p. 585]; now it is still preserved with its original meaning: speed-writer [BDE, p. 890].

Compound nonimal names, names of persons, whose occupation is connected to stone treatment, metal and fur hand-processing

1. Names of persons, whose occupation is related to stone treatment: **каменострѣжыць** and **каменосѣчыць**.

каменострѣжыць, -а (1) *м.* (stone-carver, masculine) ‘who carves stones, stonemason’. Gr. λιθοζόος. In VsPr: **си сѣи братиа бѣхъ близньци сѣци каменострѣжци хѣдо-жѣствомъ**, these holy brothers-twins, stone-masons in occupation, 18th August, St. martyrs Flor and Lavar [vol. 12, p. 49: 4]. Gr. Οὗτοι ἦσαν ἀδελφοὶ δίδυμοι. **Λιθοζόοι** τὴν τέχνην [Ἑυστρατιάδης, 1960, p. 468].

In OBR – ø, in Sr. – ø, in Mikl – ø. In Miklosich the following synonyms are met with the suffix **-никъ**: **каменостроу҃жыникъ**; **каменострѣжыникъ**. The lexeme is observable in Church Slavonic Language with the image of **каменострѣжець** with the meaning ‘who carves stones’ [DCSL, p. 229] as well as **каменосѣчець** ‘who cuts stones’ [ECSL, p. 243]. In BMD is absent.

каменосѣчыць, -а (1) *м.* (stone-cutter, masculine) ‘who carves stones, sculptor’. Gr. λιθοτόμας. In VsPr: **сѣи бы ѿ сирскыа страны каменосѣчець хытроствѣ**, he was from the Syrian area, master-stonecutter, 9th November, St. Martyr Anthony [vol. 4, p. 34: 4]. Gr. Κατήγετο ἐκ τῆς κόμης Ἀριβαζοῦ (τῆς δευτέρας Συρίας) καὶ ἦν τὴν τέχνην λιθοτόμος [Ἑυστρατιάδης, 1960, p. 48].

In OBR – ø. The nominal entry is indicated in Prolog from 16th century [Mikl. P. 281] and in Sr [vol. 1, p. 1185]. It is also observable in GrCh (1) with the image of **каменьносѣчыць** [Spasova, 1999, p. 91, 138]; it is in ECSL [p. 229]. In BMD is absent; it is observable in BDE with the marker *obsolete, literary*: stone-cutter [BDE, vol. 7, p. 128].

⁷ The translation of the verses is made by M. Spasova, see [Petkov, Spasova, 2008–2014, vol. 6, p. 126].

2. Names of persons, whose occupation is connected to the hand-processing of metal and more precisely, of jewellery making; here we can see the compound nominal **среброкоузънъць**.

среброкоузънъць, -а (4) м. (silversmith, masculine) ‘a smith of silver, master of silver objects; goldsmith; jeweller’. Gr. ἀργυροκόπος. In VsPr: **тоѣ оуѣтъ нѣкатори среброкоузънъць** **идыи отъ нѣкъдѣ**, he met a master of objects made of silver, coming back from somewhere, 18th December, Modest, Patriarch of Jerusalem [vol. 4, p. 80: 19].

In OBR – ø; in Sreznevski – ø, but it is always observable with its synonymous word **среброклепъчии** [Sr, vol. 3, p. 480]. Miklosich refers to: **среброковыць**, **среброклепъчии**, **среброковачъ** with examples from Prolog from 14th century [Mikl, p. 875]; in GrCh – ø. R. Stankov cites a case from Historical Paleya, in which **среброкоузънъць** is manifested in the collocation **коузънъць среброу и златоу: то ни коузънъць среброу и златоу**; in the Chronicle of Georgeos Amartalos R. Stankov points to a case, in which **коузънъць златын: показъ златопродавцю и коузънъцю златомоу** [Stankov, 2017, p. 131]. In CSL some synonyms can be identified: **среброковачъ**, **сребронскоусънникъ** with the meaning *master of silver items* [ECSL, p. 654]. In BMD it is absent. In modern Bulgarian literary language the nominal is not preserved, in BDE the dialect nominal is present **кузнецъ** and **кузнѣцъ**, the personal name **Кузнецовъ** (Kuznetsov) (Smolyan region), the location name **Кузня** (Kuznya) (of Smolyan region), as well as **кузня** (kuznya) (blacksmith's) (Gotse Delchev region), **кузняр** (kuznyar), master (Serres region) [BDE, vol. 3, p. 79].

3. Names of persons, whose occupation is connected to the hand-processing of fur and more precisely to tailoring: **оусмошъвъць**.

оусмошъвъць, -а (1) м. (tanner, furrier, masculine) ‘who works with fur, furrier; tailor of leather/fur items’. Gr. σκηνοποιός. In VsPr: **ѣтъи акила оусмошъвѣць бѣше хѣдожѣтвоѣ**, St. Achila, in occupation, was a furrier, 13th February, St. Martyrs Achila and Prschila [vol. 6, p. 35: 3]. Gr. ὁ Ἀκύλας... ἦν σκηνοποιὸς τὴν τέχνην [Ἑυστρατιάδης, 1960, p. 23].

In OBR – ø; in Sreznevski the lexeme is present in the variants: **ѣсмошъвѣць**, **ѣсмошъвѣць**, **ѣсмошъвѣць**, **ѣсмошъвѣць** with the meaning of *furrier, shoe-maker* in Nikon's pandectae from 15th century, in Nikon's Chronicles from 6512 and others [Sr, vol. 3, p. 1268]. The nominal is present in Prolog from 14th century [Mikl, p. 1066] and in GrCh (1) [Spasova, 1999, p. 116, 141]. The lexeme is included in CSL [ECSL, p. 761], and as a synonym is given the word **оусморѣзатель**, Prophet Nahum 17. In EIMl we see the form **ѣсмошъвецъ** which is considered to be *obsolete* [EtMl, p. 655]; in BMD it is absent. The fact that the lexeme **оусмошъвѣць** from VsPr can be identified in the preaches of Gregory Tsamblak, supports the statement that part of the texts in the Tarnovo revision of VsPr has a middle-Bulgarian *translation*.

Compound nominal entries, names / titles of persons in the ruler's circle, who perform routine chores; whose occupation is related to trade and hostelry business or to food provision

1. Names of persons in the circle of the ruler, who has routine obligations: **ложеположъць**.

ложеположъць, -а (1) м. (bed-valet, masculine) ‘a servant in the ruler's chambers; a valet’. In VsPr: **бѣше нѣкто мѣжъ... единъ сынъ ѿ црѣкынѣ** **ложеположѣць**, there was a man, who was one of the tsar's servants in (his) royal chambers, 5th October, A vision of Cosmas mnih [vol. 2, p. 18: 22].

In OBR – ø, in Sr – ø. The nominal is observable in Patericon from 14th century, translated in Gr. ὁ ἐκ τοῦ κοιτῶνος [Mikl, p. 342]; in GrCh. – ø. In DCSL and in BMD is absent. This compound nominal does not translate the Greek compositum. There is evidence that in VsPr there are some

abstracts and paragraphs from the passionary texts from the Patericon in view of their old-interpretation translation⁸ [Spasova, 2020, p. 229–230]. That could be how exactly the compound nominal might have found its place in VsPr from the Patericon, but in order for this supposition to be proved, a deeper examination is required.

2. Names of persons, whose occupation is connected with the trade and hostelry business: **хлѣбопродавыць** and **страньнопринимыць**.

хлѣбопродавыць, –а (1) м. (bread-seller, masculine) ‘a seller of bread; bread-seller’. Gr. σιτοκάπηλος. In VsPr: **бывшаго глада ѿ хлѣбопродавецъ разꙋрѣши, въорившимъ самъ житницамъ**, found a solution with the hunger because of the bread-sellers, when their barns emptied³⁸, 12th December, St. Spyridon, Bishop of Cyprus [vol. 4, p. 44: 27].

In OBD – ø; in Sr – ø. The lexeme is identified in Prologs from 14th and 17th century [Mikl, p. 1091]; in GrCh – ø. There is every likelihood that the meaning of the lexeme could not refer to a person who sells bread, but rather to “a seller, merchant of wheat; wheat-man”. The given correspondence in Greek by Miklosich σιτοκάπηλος supports the former supposition. The lexeme is included in EtMl [EtMl, p. 669]; **хлебопродавец** is still preserved, but the semantic nuance is different [BMD, p. 1041]. The rare lexeme **хлѣбопродавыць** in VsPr can be regarded with the meaning ‘a seller of wheat’, which by means of sinekdoha is equalled to “A seller of bread”, that is ‘a seller of what bread is made’.

страньнопринимыць, –а (6) м. ‘welcoming strangers, masculine; hospitable, welcoming person’. Gr. ξενοδόχος. In VsPr: **памѧ” прпоѡбнаго ѿца нѣш саѡѡна страннопринимца**, commemoration of our Venerable father Sampson the Hospitable, 27th June, the Venerable Sampson the Hospitable [vol. 10, p. 61: 16]. Gr. Σαμψών ὁσιος ὁ πρεσβύτερος καὶ ξενοδόχος [Ἐυστρατιάδης, 1960, p. 416].

As for **страньнопринимыць** used as a person, whose occupation is related to the care and accommodation of strangers (hostelry) some traces can be found as early as the Old Testament. In OBR one is used in Syn. euh. with the meaning “a hospitable person” [OSD, p. 628]. The lexeme is identified in Mstislav’s apakros gospel, in Apostle epistle from 1220 [Sr, vol. 2, p. 539]; it is also present in Patericon from 14th c. and in Prolog from 17th c. [Mikl, p. 888]. In GrCh – ø. It is also included in the dictionary of ChSL and refers to persons, who made holy places to accommodate strangers/travellers [CCSL, p. 670]. It is present in EtMl [EtMl, p. 611]; in BMD it is absent. In modern Bulgarian it is identifiable in the compound nominal **странноприемница (inn)**, which refers to nomina loci.

3. Names of persons, whose occupation is connected to food providing: **рыболовыць**.

рыболовыць, –а (1) м. (fish-hunter, fisherman, masculine) ‘a person who catches fish; fish-hunter, fisherman’. Gr. ἀλιεύς. In VsPr: **никеиский прѣвосѣдалникъ сы и прѣвѣе петръ. // рыболовцѣ състрадалецъ бывъ**, Peter, being the first chairman of Nicaea // first to the fisherman (Peter) sympathetic he became⁹, 10th September, St. Aptl. Peter of Nicaea [vol. 1, p. 53: 8]. Gr. Νικαέων πρόεδρος ὢν πρωην, Πέτρε, // ἀλιέων σύνηςδρος ἐκθανών γίνη [Ἐυστρατιάδης, 1960, p. 386].

In OBR – ø; in Zogr. and in Mar. Gospel, it is observable in **рыбарь** (4), Mt 4:18 [OSD, p. 586]. Sreznevski finds the nominal in the Passionary of Zosimus from 16th c. [Sr, vol. 3, p. 209]; it is also present in Prologs from 16th c. [Mikl, p. 809]; in GrCh – ø. The use of **рыболовыць** in VsPr is even earlier compared to the cited examples in the dictionaries. It is also included in EtMl [EtMl, p. 560]. The lexeme **риболовец** (ribolovets, fisherman) now is part of the active lexical fund of the modern

⁸ The translation is made by Prof. M. Spasova, PhD.

⁹ The translation of the verses is made by M. Spasova, see [Petkov, Spasova, 2008–2014, vol. 1, p. 141].

Bulgarian language [BMD, p. 843]. The initiation of this composite might probably have been influenced by the collocation *hunters of fish* or *hunters of humans* in the Gospel, according to which Jesus's disciples will transfer *themselves from hunters of fish to hunters of humans*.

* * *

The present study dwells on 16 compound nominal entries, names of persons, which are formed in a compositional-derivative manner with the suffix *-ыць*. In view of the structure, two types are identified:

a) (*Nom.* + infix *-о- / -е-* + verb root + *-ыць*): *басно̀творыць*, *живото̀писыць*, *камено̀стръжыць*, *камено̀сѣчыць*, *пѣсно̀словыць*, *пѣсно̀творыць*, *ры̀боловыць*, *сѣрѐброкоу̀зныць*¹⁰, *оу̀смо̀шьвыць*, *хлѣ̀бо̀продавыць*, *ца̀до̀писыць*; *ложѐположыць* (= 12);

b) (*Adj.* + infix *-о-* + verb root + *-ыць*): *добро̀писыць*, *живо̀писыць*, *соро̀писыць*¹¹, *странно̀прие́мыць* (= 4).

In view of the criterion identical *first / second component*, the following groups become evident:

a) with a first component *камен-*: *камено̀стръжыць*, *камено̀сѣчыць*;

b) with a first component *пѣсн-*: *пѣсно̀словыць*, *пѣсно̀творыць*;

c) with a second component *-творыць*: *басно̀творыць*, *пѣсно̀творыць*;

d) with a second component *-писыць*: *добро̀писыць*, *живо̀писыць*, *живото̀писыць*, *соро̀писыць*, *ца̀до̀писыць*.

It is obvious that all presented nominal entries are of *low frequency* (from 1 to 6) in the passion-ary corpus of VsPr: 10 (= 69 %) have only *one* use: *басно̀творыць*, *живото̀писыць*, *камено̀стръжыць*, *камено̀сѣчыць*, *ложѐположыць*, *пѣсно̀словыць*, *ры̀боловыць*, *оу̀смо̀шьвыць*, *хлѣ̀бо̀продавыць*, *ца̀до̀писыць*; with *two* uses are (3): *добро̀писыць*, *живо̀писыць*, *пѣсно̀творыць*; with *three* – *соро̀писыць*; with *four* – *сѣрѐброкоу̀зныць*; with *six* – *странно̀прие́мыць*, that is, a total of 31 %. In OBR only *странно̀прие́мыць* is observable.

From the set of examined nominals *only in Mikl* we find (4): *ложѐположыць*, *сѣрѐброкоу̀зныць*, *хлѣ̀бо̀продавыць*, *ца̀до̀писыць*; *камено̀стръжыць* is missing both in OBR and in Sr and in Mikl, and enriches the lexical fund in the middle Bulgarian period. The process of tracing of the lexemes, which form the observed composites, show that they are also present in the other Slavic languages. With the exception of *ры̀боловыць* and *ложѐположыць*, all other nominals translate nominals in Greek.

Out of the 16 examined composites, the following have been preserved *without any change in meaning*: *живо̀писец*, *рѝболовец*, *соро̀писец* (3), and in some *deviations in semantics* are *живото̀писец* and *хлѣ̀бо̀продавец* (2). *The following had dropped out*: *басно̀творец*, *камено̀стръжец*, *ложѐположец*, *песно̀словец*, *ца̀до̀писец* (5). Though they are observable in the dictionaries of modern Bulgarian language, *добро̀писец*, *камено̀сечец* and *песно̀творец* have a marker *obsolete, literary*, due to the fact that they are included in EtMl, *усмо̀швец* and *странно̀прие́мец* should also be regarded as *literary* forms, which are not active now. The nominal *кузнец* now has a dialect use (in Smolyan, Gotse Delchev, Serres regions).

Although the study speculates on a limited number of lexical items, which refer to names of persons according to their occupation/activities, the observations allow us to catch the dynamics of the language processes, which is an inseparable part in the changes of intra-language reality. The grad-

¹⁰ In *сѣрѐброкоу̀зныць* the infix *-о-* overlaps with the flexion of the nominals in neuter gender *сѣрѐбро*.

¹¹ The first component of *соро̀писыць* can also refer to the root of the adjective *соро̀ръ* or of the adverb *соро̀* (speedy, fast).

ual decrease in the number of persons working as **каменоделец** and **баснотворец** can explain the omission of the lexemes which refer to the former occupations; along with this, the language has encompassed certain words such as: *камерьер* (*kamerier, valet*) (instead of *ложеположец* (*lozhepolozets*)), *хотельер* (*hotelier*) (instead of *странноприемец* (*stranopriemets*)), *композитор* (*composer*) (instead of *песнотворец* (*pesnotvorets*)) of foreign origin, which had led to the dropping-out of their equivalents in Slavonic.

In view of the observations, the following **conclusions** can be drawn:

1. The examined nominal entries, names of persons has a similar structure, which can be illustrated in the following summarized formula: (*Nom. / Adj. + infix -о- / -е- + verb root + -ьць*).

2. The fact that the lexemes **каменосъчьць**, **скорописъць** and **оусмошьвьць** from VsPr are present in the preaches of Gregory Tsamblak, supports the statement that part of the texts in Tarnovo revision of VsPr have middle-Bulgarian translation.

3. The specificity of the prolog passionaries makes it plausible to examine an interesting layer of lexis from semantic perspective, which in turn is related to the names/titles of professions and occupations during the Middle Ages with regard to art, as well as to material culture, and which can enhance our knowledge in the semantic field of *professions*.

The lexical fund of VsPr is yet to be thoroughly explored, though it is a source for the Historical dictionary of the Bulgarian language. The perspective studies on the text will provide solid and reliable basis so that the lexis of this essential source can be fully revealed in regards to the history of Bulgarian language.

References

- Delehaye H.** 's edition Synaxarium ecclesiae constantinopolitanae. Bruxellis, 1902, 1180 p.
- Doseva Ts.** Slozhni s'shtestvitelni imena za litsa s's sufiks -ьць v drevnoruski mineini prepisi [Compound nominal names for persons with the suffix -ьць in ancient-Russian menaion copies]. In: Preslavska knizhovna shkola [Preslav literary school]. Shumen, 2013, vol. 13, pp. 155–171. (in Bulg.)
- Ilieva T.** Redki dumi v starob'lgarskiya pevod na Vtoro i Treto slovo protiv arianite ot Atanasii Aleksandriiski [Rare words in the old-Bulgarian translation of Second and Third Word against the Arians by Athanasios of Alexandria] In: Preslavska knizhovna shkola [Preslav Literary School]. Shumen, 2018, vol. 18, pp. 54–84. (in Bulg.)
- Krivchev P.** Nablyudeniya nad nekotorymi dubletnymi formami v sisteme sushtestvitel'nykh iz Tyrnovskoi redaktsii Stishnogo prologa [Observation on some doublet forms in the noun system from the Tarnovo edition of the Verse Prologue]. *Zhurnal nauchnykh publikatsii aspirantov i doktorantov* [Journal of Scientific Publications of Aspirants and doctoral students], 2014, pp. 135–138. (in Russ.) URL: <http://jurnal.org/articles/2014/fill13.html> (accessed 21.01.2023).
- Petkov G., Spasova M.** T'rnovskata redakciya na Stishniya prolog. Tekstove. Leksikalen indeks [The Tarnovo revision of the Verse Prolog. Texts. Lexical index]. In 12 vols. Plovdiv, Paisii Khilendarski Press, 2008–2014. (in Bulg.)
- Radeva V.** Slovoobrazuvaneto v b'lgarskiya knizhoven ezik [Word formation in the Bulgarian literary language]. Sofiya, 1991, 226 p. (in Bulg.)
- Sadnik L.** Des Hl. Johannes Von Damaskus. In: Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Freiburg, 1983, vol. 17 (iss. 4).
- Shcheglova O. G.** Dinamicheskie protsessy v yazyke Stishnogo Prologa [Dinamic processes in the language of the Verse Prologue]. In: Russkii yazyk: funktsionirovanie i razvitie [Russian language: functioning and development]. Materials of the International Scientific Conference (Kazan, 2012, April 18–21). Kazan, KFU Press, 2012, vol. 1, pp. 206–211. (in Russ.)
- Shcheglova O. G., Goncharenko E. A.** K izucheniyu leksiki Stishnogo Prologa: tematicheskaya gruppa nominatsii artefaktov [To the Study of the Stishnoy Prologue Vocabulary: The

- Thematic Group of Artifact Nominations]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 9–22. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-9-22
- Spasova M.** Slozhnite dumi v s'chineniyata na Grigorii Tsamblak [Compound words in the Collections of Gregory Tsamblak]. V. Tarnovo, 1999, 167 p. (in Bulg.)
- Spasova M.** Tekstologichnata istoriya na slavyanskiya prevod na Nadgrobno slovo za Vasilii Veliki ot Grigorii Bogoslov [The textological history of the Slavonic translation of “Funeral oration for St. Basil the Great” by St. Gregory the Theologian]. In: *Preslavska knizhovna shkola* [Preslav Literary School]. Shumen, 2008, vol. 10, pp. 125–164. (in Bulg.)
- Spasova M.** Nyakolko redki i dialektni dumi v slavyanskiya prevod na Stishniya prolog (V'rhu material ot prolozhnite tekstove za mesets septemvri) [Some rare and dialect words in the Slavonic translation of Verse prolog (based on the material from the laid verses about the monts of September)] In: *Oratio vitae simulacrum. Slovoto e otzazhenie na zhivota* [Oratio vitae simulacrum. The word is a reflection of life]. V. Tarnovo, 2009, pp. 298–308. (in Bulg.)
- Spasova M.** Proizvodni sashtestvitelni sas sufiks –ište v Tarnoskata redaktsiya na Stishniya prolog [Derivative nominal words with a suffix -išt(e) in the Tarnovo revision of the Verse prolog]. In: *Yubileen sbornik v chest na 70-godishninata na Prof. I. Kharalampiev*. *Studia Philologica Universitatis Velikotarnovens* [Proceedings in honour of the 70th anniversary of Prof. I. Kharalampiev. *Studia philologica universitatis velikotarnovens*]. V. Tarnovo, VTU “St. St. Cyril and Methodius”. 2016, vol. 35, pp. 81–104. (in Bulg.)
- Spasova M.** Samaya rannaya versiya slavyanskogo perevoda De Anastasiā patriciā v serbskom spiske XIV veka [The Earliest Version of the Slavonic Translation of De Anastasiā patriciā in the Serbian Copy of the 14th Century]. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Paleoslavistica-3*. Redactor V. S. Eftimova. Moscow, 2020, vol. 20, pp. 228–260. (in Russ.)
- Stankov R.** Iz nabludenii nad leksikoi drevnebolgarskogo perevoda KHroniki Georgiya Amartola: mnimye rusizmy (3) [Out of observations on vocabulary of the old bulgarian translation of the George Hamartolos chronicon: imaginery russicisms (3)]. In: *Preslavska knizhovna shkola* [Preslav Literary School]. Shumen, 2017, vol. 17, pp. 120–140. (in Russ.)
- Tikhova A.** Nazvaniya na divi zhivotni v Stishniya prolog [Names of wild animals in the Verse prolog]. In: *B'lgaristichni prouchvaniya* [Bulgarian language research studies]. V. Tarnovo, 2003, vol. 9, pp. 157–178. (in Bulg.)
- Tikhova A.** Leksika za nazovavane na sredstva za m'chenie v slavyanskiya prevod na Prologa [Dictionary for the designation of means of torture in the Slavonic translation of the Prologue]: Monogr. Shumen, 2020, 198 p. (in Bulg.)
- Tsibranska M., Karamfilova P.** Slozhnite dumi v Zhitieto na Romil Vidinski ot Grigorii Dobropisets [Compound words in the Life of Romilus of Vidin by Gregorius Dobropisets]. In: *Tarnovska knizhovna shkola* [Tarnovo Literary School]. V. Tarnovo, 2007, vol. 8, pp. 383–396. (in Bulg.)
- Ἑυστρατιάδης Σ. Ἀγιολόγιον τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας*. [Agiologion tis Ortodoksou Ekklesias]. En Atinai, 1960, 483 p. (in Greek)

List of Dictionaries

- BDE – B'lgarski etimologichen rechnik [Bulgarian dictionary of etymology]. Sast. Vl. Georgiev i dr. [Authors: Vl. Georgiev and co]. Sofiya, 1971–2010, vol. 1–10. (in Bulg.)
- BMD – B'lgarski talkoven rechnik [Bulgarian monolingual dictionary]. Sofia: BAS, 1994. (in Bulg.)
- CCSD – **D'yachenko G.** Polnyi cerkovnoslavyanskii slovar'. Repr. vosp. izd. 1900 g. [Complete Church-Slavonic dictionary. Repr. Edit. 1900]. Moscow, Otchii dom Publ., 2005. (in Russ.) ISBN 5-86809-048-9
- DCSL – **Bonchev A.** Rechnik na ts'rkovnoslavyanskiya ezik [Dictionary of Church-Slavonic language]. Sofiya Publ., 2002–2012, vol. 1–2. (in Bulg.)

- EtMl – **Mladenov St.** Etimologicheski i pravopisen rechnik na b'lgarskiya knizhoven ezik [Dictionary of Etymology and Spelling of Bulgarian literary language]. Sofiya, 1941. (in Bulg.)
- Mikl – **Miklosich Fr.** Lexicon palaeslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
- OBD – **Starob'lgarski rechnik** [Old-Bulgarian dictionary]. Sofiya, 1999–2009, vol. 1–2. (in Bulg.)
- OSD – **Staroslavianskii slovar'** (po rukopisyam X–XI vekov). [The Old-Slavonic Dictionary (based on manuscripts of the 10th–11th centuries)]. Eds. E. Blagova, R. M. Tseitlin, R. Vecherky. Moscow, Russkii yazyk Publ, 1994. (in Russ.)
- Sr – **Sreznevskii I. I.** Slovar' drevnerusskogo yazyka. Reprintnoe izdanie [Dictionary of ancient / old Russian language. Repr. Edition]. Moscow, 1989, vol. 1–3. (in Russ.)

Список литературы

- Досева Ц.** Сложни съществителни имена за лица със суфикс –**ъць** в древноруски минейни преписи // Преславска книжовна школа. Шумен, 2013. Т. 13. С. 155–171. (на болг. яз.)
- Кривчев П.** Наблюдения над некоторыми дублетными формами в системе существительных из Тырновской редакции Стишного пролога // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2014. С. 135–138. URL: <http://jurnal.org/articles/2014/fill13.html> (дата обращения 21.01.2023).
- Илиева Т.** Редки думи в старобългарския превод на Второ и Трето слово против арианите от Атанасий Александрийски // Преславска книжовна школа. Шумен, 2018. Т. 18. С. 54–84. (на болг. яз.)
- Петков Г., Спасова М.** Търновската редакция на Стишния пролог. Текстове. Лексикален индекс. В 12 т. Пловдив: Университетско издателство “Паисий Хилендарски”, 2008–2014. (на болг. яз.)
- Радева В.** Словообразуването в българския книжовен език. София, 1991. 226 с. (на болг. яз.)
- Спасова М.** Сложните думи в съчиненията на Григорий Цамблак. В. Търново, 1999. С. 167. (на болг. яз.)
- Спасова М.** Текстологичната история на славянския превод на “Надгробно слово за Василий Велики” от Григорий Богослов // Преславска книжовна школа. Шумен, 2008. Т. 10. С. 125–164. (на болг. яз.)
- Спасова М.** Няколко редки и диалектни думи в славянския превод на Стишния пролог (Върху материал от проложните текстове за месец септември) // Oratio vitae simulacrum (Словото е отражение на живота): Сборник научни изследвания в чест на 65-годишнината на проф. д-р Христина Станева. В. Търново, 2009. С. 298–308. (на болг. яз.)
- Спасова М.** Производни съществителни със суфикс –**išt(e)** в Търновската редакция на Стишния пролог // Юбилеен сборник в чест на 70-годишнината на проф. И. Харалампиев. Studia Philologica Universitatis Velikotarnovensis. УИ “Св. Св. Кирил и Методий”. В. Търново, 2016. Т. 35. С. 81–104. (на болг. яз.)
- Спасова М.** Самая ранняя версия славянского перевода De Anastasiā patriciā в сербском списке XIV века // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика-3 / Отв. ред. В. С. Ефимова. М., 2020. Вып. 20. С. 228–260.
- Станков Р.** Из наблюдений над лексикой древнеболгарского перевода Хроники Георгия Амартола: мнимые русизмы (3) // Преславска книжовна школа. Шумен, 2017. Т. 17. С. 120–140.
- Тихова А.** Названия на диви животни в Стишния пролог // Българистични проучвания. В. Търново, 2003. Т. 9. С. 157–178. (на болг. яз.)
- Тихова А.** Лексика за назоваване на средства за мъчение в славянския превод на Пролога. Шумен, 2020. 197 с. (на болг. яз.)
- Цибранска М., Карамфилова П.** Сложните думи в Житието на Ромил Видински от Григорий Доброписец // Търновска книжовна школа. В. Търново, 2007. Т. 8. С. 383–396. (на болг. яз.)

- Щеглова О. Г.** Динамические процессы в языке Стишного Пролога // Русский язык: функционирование и развитие: Материалы междунар. науч. конф. (Казань, КФУ, 18–21 апреля 2012 г.). Казань: Изд-во КФУ, 2012. Т. 1. С. 206–211.
- Щеглова О. Г., Гончаренко Е. А.** К изучению лексики Стишного Пролога: тематическая группа номинация артефактов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 9–22. DOI 10.252205/1818-7919-2022-2-9-22
- Ἑυστρατιάδης Σ.** Ἀγιολόγιον τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας. Ἐν Ἀτῆναι. 1960. 483 с. (на греч. яз.)
- Delehaye H.** Synaxarium ecclesiae constantinopolitanae. Bruxellis, 1902, 1180 с.
- Sadnik L.** Des Hl. Johannes Von Damaskus // Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Freiburg, 1983. Т. 17 (вып. 4).

Список словарей

- Дьяченко Г.** Полный церковнославянский словарь. Репринт. воспр. изд. 1900 г. М.: Отчий дом, 2005. ISBN 5-86809-048-9.
- Срезневский И. И.** Словарь древнерусского языка. Репринт. изд. М., 1989. Т. 1–3.
- Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Български етимологичен речник. Съст. Вл. Георгиев и др. София, 1971–2010. Т. 1–10. (на болг. яз.)
- Български тълковен речник. София: БАН, 1994. (на болг. яз.)
- Младенов Ст.** Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941. (на болг. яз.)
- Бончев А.** Речник на църковнославянския език. София, 2002–2012. Т. 1–2. (на болг. яз.)
- Старобългарски речник. София, 1999–2009. Т. 1–2. (на болг. яз.)
- Miklosich Fr.** Lexicon palaeslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.

Information about the Autor

Aneta M. Tihova, PhD, Associate Professor

Информация об авторе

Анета Маринова Тихова, PhD, доцент

*Статья поступила в редакцию 21.02.2023;
одобрена после рецензирования 25.03.2023; принята к публикации 27.03.2023
The article was submitted on 21.02.2023;
approved after reviewing on 25.03.2023; accepted for publication on 27.03.2023*

Научная статья

УДК 811.161.1+81`37

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-21-30

Лакунарность и неология: диахронный аспект (на материале эпистолярных текстов русских писателей XIX века)

Юлия Георгиевна Захарова

Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск, Россия

zug1977@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6172-194X>

Аннотация

Статья посвящена проблеме установления взаимосвязи лакунарности и неологизации языковой системы в диахронном исследовании. Материалом для изучения послужили эпистолярные тексты русских писателей-классиков второй половины XIX в. Разрабатывается содержание термина «лакуна» применительно к диахронии, предлагается авторская классификация лакун по семиотическому критерию; выявляются экстралингвистические и внутриязыковые факторы, определявшие формирование и элиминирование коммуникативно значимых лакун в лексической системе на уровне языка и речи: социальные и культурные процессы, контактирование языков, необходимость в обозначении или трансноминации концептов, законы языковой регулярности, экономии, обобщения и дифференциации, тенденция к экспрессивности; рассматриваются способы (заимствование, словопроизводство, семантическая деривация) и средства компенсации лакун (иноязычная лексика, русские лексические неологизмы, неосемемы).

Ключевые слова

семантика, лакунарность, неология, русский язык XIX в., эпистолярные тексты

Для цитирования

Захарова Ю. Г. Лакунарность и неология: диахронный аспект (на материале эпистолярных текстов русских писателей XIX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 21–30. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-21-30

Lacunarity and Neology: Diachronic Aspect (Based on the Material of Russian Writers' Epistolary Texts of the 19th Century)

Yuliya G. Zakharova

Pacific State University
Khabarovsk, Russian federation
zug1977@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6172-194X>

Abstract

Purpose. The author considers the problem of establishing a correlation between lacunarity and neologization of the language system in the diachronic aspect using methods of semantic, contrastive, contextual, corpus and quantitative analysis. The material for the study is Russian writers' epistolary texts of the second half of the 19th century.

© Захарова Ю. Г., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 21–30
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 21–30

The author specifies the meaning of the term *lacuna* in relation to diachrony: a lacuna is an empty cell in the lexical system of a language, revealed retrospectively by detecting means that compensate for it.

Results. The author's classification of lacunae is based on a semiotic criterion: conceptual lacunae are empty cells in the lexical system, which are characterized by the absence of both the signifier and the signified (concept); lexical lacunae are empty cells in the lexical system, which lack a signifier, but have a non-verbalized signified that exists in public or individual consciousness.

Conclusion. Extralinguistic and intra-linguistic factors determined the formation and compensation of communicatively significant lacunae in the lexical system at the level of language and speech: changes in the socio-political, economic, cultural life of Russia; interlanguage contacts; the need for nomination or re-designation of the concept; the laws of linguistic regularity, analogy, generalization and differentiation, economy, the tendency to expressiveness.

Keywords

semantics, lacunarity, neology, the Russian language of the 19th century, epistolary texts

For citation

Zakharova Yu. G. Lacunarity and Neology: Diachronic Aspect (Based on the Material of Russian Writers' Epistolary Texts of the 19th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 21–30. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-21-30

Введение

Лакунарность лексической системы и ее неологизация – это непосредственно связанные категории. Наличие лакун в лексике любого языка – мощный стимул для ее обновления. По выражению Г. В. Быковой, «именно феномен лакунарности сохраняет наш язык “живым как жизнь”» [1999, с. 44]: «Развитие лексики литературного языка во многом определяется <...> противоречием между потребностью назвать ту или иную реалию и отсутствием такой лексической единицы в рамках традиционной нормы» [Там же, с. 115].

Для исследования неологии прошлых эпох очень важно сформулированное В. Л. Муравьевым положение о необходимости рассмотрения феномена лакунарности не только в синхронном плане, но и в диахронии, поскольку лакуны – исторически изменчивая категория, эволюционирующая вместе с лексикой и теми понятиями, которые находят в ней отражение [Муравьев, 1975, с. 23]. Г. В. Быкова высказала справедливую мысль о том, что все инновации в лексике (варваризмы, окказионализмы, собственно неологизмы и др.) «допустимо считать зеркалом, в котором можно рассмотреть лакуну, т. к. каждая из них может стать (и зачастую становится) антилакуной-монопленусом» [Быкова, 1999, с. 99].

Тесно связаны также **категории лакунарности и потенциальности**, поскольку существующие лакуны потенциально могут быть заполнены, т. е. могут быть реализованы возможности, заложенные в языковой системе. В современных лингвистических исследованиях потенциальность рассматривается как универсальное свойство языковой системы, связанное с представлением о языке «как системе возможностей», которая противопоставлена норме как «системе обязательных реализаций» [Тарасова, 2014, с. 1].

Проблема лакунарности чаще всего разрабатывается в исследованиях по сравнительной типологии языков, теории перевода и межкультурной коммуникации (см. [Гак, 1976; Марковина, Сорокин, 2010; Махонина, 2006; Муравьев, 1975; Стернин, 2006] и др.). Феномен лакунарности в диахронии, в его связи на межсистемном и внутрисистемном уровне с явлением неологизации, практически не изучен. Диахронное изучение неологизации языка дает широкие возможности для выявления лакун, способов и причин их элиминирования, рассмотрения лакунарности как важного стимула обновления лексической системы.

Цель исследования состоит в выявлении типов лакун в русской лексической системе второй половины XIX в. и анализе путей и средств их компенсации.

Материал и методы исследования

Материалом для исследования послужили частные письма второй половины XIX в. – Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. А. Гончарова, А. И. Герцена, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, В. М. Гаршина, В. Г. Короленко. Рассмотр-

рено более 18 000 писем 1850–1890-х гг.¹ Эмпирическая база работы составляет 1 055 новых для второй половины XIX в. лексических и семантических единиц, 1 344 контекста их употребления. Эпистолярные тексты являются ценным историко-лексикологическим источником, поскольку частная переписка (дружеская, семейная, деловая, любовная) – зеркало эволюционных процессов в языке и речи: она позволяет проследить вхождение иноязычных и русских неологических единиц в лексическую систему, судить о словообразовательных и семантических процессах изучаемой эпохи, образовании потенциальных и окказиональных лексем и др.

В работе использовались **методы** контрастивного (при выявлении понятийных и лексических лакун в сопоставительном исследовании материала разных языков и на внутрисистемном уровне), семантического, контекстуального, корпусного (при анализе данных НКРЯ) и количественного анализа.

Результаты и обсуждение

Содержание термина *лакуна* находится в зависимости от того направления лингвистики, где он используется. В контрастивных исследованиях, переводоведении лакуна определяется как незанятая лексическая позиция в каком-либо языке, которая обнаруживается при сравнении его с другим: лакуна представляет собой «отсутствие межъязыкового соответствия в одном языке относительно другого» [Стернин, 2006, с. 26]. В этнопсихолингвистике феномен лакунарности рассматривается сквозь призму языка и культуры: лакуны определяются как «пробелы, “белые пятна” на семантической карте языка, текста или культуры, являющихся способами существования национального сознания» [Марковина, Сорокин, 2010, с. 5]. В лингвистических работах общетеоретического характера лакуна объясняется как пробел в лексической системе языка. Например, в английском языке есть гипероним *horse*, который включает в себя обозначение как жеребца, так и кобылы, однако нет слова, которым можно было бы обозначить и корову, и быка [Rajendran, 2019, с. 431].

Под лакуной **в диахронном исследовании** мы понимаем «пустую клетку» в лексической системе языка, выявляемую ретроспективно, путем обнаружения средств, элиминирующих ее: 1) на межъязыковом фоне (в этом случае для компенсации в русском тексте используется иноязычная неолексема), 2) внутри системы (лакуна заполняется собственно русской неологической единицей – окказиональной, потенциальной или получившей со временем узуальный статус).

Главная причина, объясняющая заполнение лакуны, а значит, и появление неологизма, – экстралингвистическая, она носит прагматический характер и связана со сферой речевой коммуникации. Эта причина – коммуникативная релевантность концепта, обозначаемого неологической единицей: 1) коммуникативная значимость нового концепта, который формируется в общественном или индивидуальном сознании, что связано с контактами с другими народами или внутрисоциальными изменениями; 2) актуализация имевшихся концептов, необходимость их вербализации или трансоминации.

Мы полагаем, что в зависимости от того, с чем связаны лакуны в словаре (с отсутствием концепта или только его вербализации), в семиотическом отношении их можно разделить на два типа.

1. Понятийные (концептуальные), представляющие собой пустые клетки в лексической системе, характеризующиеся отсутствием как означающего, так и означаемого (концепта).

2. Лексические – пустые клетки в лексической системе, характеризующиеся отсутствием только означающего при наличии невербализованного означаемого, существующего в общественном / индивидуальном сознании. В составе лексических лакун можно выделить *полные* и *частичные* в зависимости от того, существовали какие-либо частичные универсальные со-

¹ См. список источников языкового материала.

ответствия в выражении понятия в сравниваемых языках или между подсистемами одного языка или несовпадение являлось абсолютным. В составе частичных лакун выделяем *гиперонимические* (выявляются при неполном совпадении денотативного объема значения сравниваемых слов) и *прагматические* (связаны с наличием или отсутствием прагматического компонента в семантике соответствий (стилистической окрашенности, коннотативности (эмоциональности, оценочности), ассоциативности, образности и др.).

Понятийные лакуны обнаруживаются при межъязыковом сопоставлении. Они были связаны с отсутствием в русском языке номинаций для каких-либо концептов, существовавших в концептосфере другого народа, отражавших особенности его культуры, социальной жизни, быта и т. д. В этом случае в письмах лакуны компенсировались с помощью иносистемных единиц. В эпистолярных текстах отмечается всего 6 неологических единиц такого типа (*café, demi-monde, huldigung, réveillon, trattoria, vernissage*), что составляет 0,56 % от общего числа неолексем. Существительные *demi-monde, huldigung, réveillon* употреблялись в текстах только в качестве неuzuальных единиц, а *café, trattoria, vernissage* со временем были перекодированы и заимствованы русским языком.

Абсолютное большинство неологических единиц второй половины XIX в., зафиксированных в письмах, появилось в результате элиминирования полных и частичных **лексических лакун** (99,44 %). Эпистолярные тексты демонстрируют ведущую роль иноязычной лексики в процессе неологизации во второй половине XIX в.: она составляет 54,02 % единиц от общего числа неологизмов в письмах; 33,7 % – русские лексические новообразования; 12,22 % – семантические дериваты.

В компенсации лексических лакун можно выделить три пути.

1. Заполнение пустой клетки лексической системы в связи с формированием в коллективном или индивидуальном языковом сознании нового концепта, отражающего реалии, события социальной, политической, культурной, бытовой жизни России (и мира в целом) второй половины XIX в.

1.1. Если понятие заимствовалось у другого народа, то лакуна чаще всего заполнялась **иноязычной единицей**. Неологизация сочеталась с неоконцептуализацией в группах:

1) предметной, бытовой и технической лексики – в письмах отражен ряд заимствованных в изучаемый период слов, именовавших явления, факты культуры, быта, технических достижений европейских стран: названия тканей, предметов одежды (*гинюр, драп, куафюра, пиджак, пудеса, фэй*); технических изобретений и связанных с ними явлений, процессов (*велосипед, дагерротип, дренаж, полиграф, пульверизатор, ретушь, стереоскоп, телеграмма, телефон, туннель, фототипия, экспресс, элеватор* и др.); заведений (*кафешантан, крематория, морга, санатория*); игр (*крокет, стипль-чез, теннис*);

2) научной терминологии: названия искусственных языков, изобретенных в Европе (*эсперанто, волапук*); новых понятий в области медицины и биологии (*абортивный, абсорбция, гипнотизировать, дарвинизм, дозировать, инфекционный, массаж, морфинизм, наркотик, невроз, психоз, психопат, фибрин, церебрин*);

3) лексики, связанной с идеологической (религиозной, политической, социальной) сферой: названия новых для российского общества социальных, политических, философских, религиозных учений, явлений, понятий (*антропоцентризм, бабувизм, клерикализм, коммунизм, марксизм, милитаризм, орлеанизм, социализм, фаминизм, штунда*); названия лиц по принадлежности к новым научным, философским, религиозным, политическим и др. сферам (*адвентист, декадент, назарен, символист, социалист, социолог, фенианин, чартист* и др.).

1.2. Новые лексемы появлялись в результате **словопроизводства**, образовывались по продуктивным типам. В эпистолярных текстах можно выделить отвлеченные существительные, мотивированные существительными, прилагательными: русские лексические неологизмы (слова, образованные от производящих основ исконных или иноязычных слов при помощи аффиксов, зафиксированные у разных авторов XIX в., получившие отражение в словарях русского языка XIX – начала XX в., вошедшие в национальный язык рассматриваемого пе-

риода) – базаровщина, бакунизм, вегетарианство, декадентство, достоевщина, итальянщина, китаизм, народничество, обломовщина, толстовство, толстовщина, хлестаковщина, унитариянство, черничество, штундизм; не вошедшие в узус слова (в скобках указаны имена писателей, в чьих письмах отмечены названные лексемы) – адуевщина (Л. Н. Толстой), бакуниада (А. И. Герцен), бильбасовщина (М. Е. Салтыков-Щедрин), бисмарковщина (А. П. Чехов), брюлловщина (И. С. Тургенев), вагнеромания (А. И. Герцен), гартмановщина, гюговщина (В. М. Гаршин), дюмасовщина (И. С. Тургенев), золаизм (В. Г. Короленко), катковизм (Н. С. Лесков), писаревщина (В. М. Гаршин, В. Г. Короленко) и др.; названия лиц по принадлежности к социальной группе, кружку, общественному, религиозному, политическому течению и т. д.: лексические неологизмы – базаровец, пашковец, постепеновец, стачечник, толстоовец, унитариянец; не вошедшие в узус слова – базароид (А. И. Герцен), бисмарец (А. И. Герцен), некрасовец (А. И. Герцен); названия лиц по профессии, роду занятий, образу жизни, увлечению и пр.: лексические неологизмы – волапюкист, курсистка, массажист, педагогичка, эсперантист; не вошедшие в узус лексемы – вагнерофил (И. С. Тургенев), гидропатик (И. А. Гончаров), ремингтонка (А. П. Чехов) и другие группы.

2. Вербализация концепта, существовавшего ранее, но не имевшего однословного обозначения.

2.1. Продуктивный способ компенсации лакун такого типа во второй половине XIX столетия – **заимствование лексики**. Письма отражают массовый приток в русский язык западно-европейских слов, которые именовали существовавшие ранее в национальном сознании концепты. Значения иноязычных единиц в русском языке передавались описательно, таким образом, новое слово позволяло компактно выразить мысль: *абсентеизм* – *проживание вне своего имени, отечества*; *аккузация* – *обвинение, поданное в суд*; *вагабунд* – *человек, не имеющий постоянных места жительства и занятий*; *декуражировать* – *отбивать охоту к чему-либо, приводить в уныние*; *диффамация* – *распространение ложных слухов*; *интерпеллировать* – *делать парламентский запрос*; *ректификация* – *поправка, вносимая в печатный текст*, и др.

2.2. Второй способ – это создание нового слова путем реализации **возможностей русской словообразовательной системы**.

Чаще всего стимулом к формированию и заполнению пустых клеток служило заимствование иноязычного слова, которое автоматически открывало «вакантные места» в словообразовательной и лексической системе, поскольку новая единица должна была включиться в деривационные отношения в русском языке – образовать производные. Такое происхождение имеет, например, большая часть абстрактной лексики, образованной по продуктивным типам и зафиксированной в письмах: *бойкотирование* < *бойкотировать*, *брошировка* < *брошировать*, *реабилитирование* < *реабилитировать*, *ипокритство* < *ипокрит*, *легальность* < *легальный*, *мотивировка* < *мотивировать*, *претенциозность* < *претенциозный*, *репортерство* < *репортер*, *тенденциозность* < *тенденциозный* и др.

2.3. Третий способ компенсации коммуникативно значимой лексической лакуны – вторичное использование языкового знака, т. е. **семантическая деривация**. В рамках этого способа можно выделить два направления.

1) Переносное значение формировалось непосредственно на базе прямого. Например, эпистолярные тексты отражают формирование во второй половине XIX в. переносного (метафорического) значения у слов *суррогат* – «подобие чего-либо; то, что подменяет собой что-либо» (БАС, 1964, т. 16, с. 1532): *Что же касается до книги Чернышевского – вот главное мое обвинение против нее: в его глазах искусство есть, как он сам выражается, только суррогат действительности, жизни – и в сущности годится только для людей незрелых* (И. С. Тургенев – П. В. Анненкову, 1855) (Тургенев, 1986, т. 3, с. 49); *фермент* – «о ком-, чем-либо, способствующем развитию, усилению чего-либо» (БАС, 1964, т. 16, с. 1318): *В дворянстве находится революционный фермент; он не имел в России другого поприща – яркого, кровавого, на площади, – кроме поприща литературного, там я его и проследил*

(А. И. Герцен – В. С. Печерину, 1853) (Герцен, 1961, т. 25, с. 55); *эмбрион* – «зачаток какой-либо мысли, идеи» (БАС, 1965, т. 17, с. 1857); *Ваше стихотворение мне кажется эмбрионом прекрасного стихотворения* (Л. Н. Толстой – А. А. Фету, 1875) (Толстой, 1953, т. 62, с. 149) (ср. с примерами из НКРЯ: *эмбрион стыдливости* (М. Е. Салтыков-Щедрин); *эмбрион будущего человека 60-х годов; всех своих героев он показал сначала в эмбрионе* (Н. В. Шелгунов); *нравственный эмбрион в поэме* (Ф. М. Достоевский) и др.).

2) В производном слове переносное значение развивалось под влиянием производящего, в котором наблюдался семантический деривационный сдвиг. Например, одно из писем А. И. Герцена позволяет говорить о формировании в 1850-х гг. в семантической структуре отвлеченного существительного *ремесленничество* под влиянием переносного значения производящего *ремесленник* («тот, кто работает без творческой инициативы, по сложившемуся шаблону» (БАС, 1961, т. 12, с. 1208)) нового лексико-семантического варианта – «работа без творческой инициативы, по сложившемуся шаблону» (БАС, 1961, т. 12, с. 1209): *Помни, что тебе в особенности недостает классического образования, т.е. того общего очеловечения, которое именно и называется "humaniora"<...> Без нее страшно то, что легко можно впасть в ремесленничество науки и за множеством фактов потерять общность дела* (А. А. Герцену, 1858) (Герцен, 1962, т. 26, с. 211–212).

3. Трансноминация концепта.

3.1. Повторное лексическое обозначение концепта могло быть связано с необходимостью генерализации или детализации каких-либо признаков, на уровне лексической системы – с наличием парадигматических **гиперо-гипонимических лакун**. Чаще всего такие лакуны в русском языке (речи) второй половины XIX в. обнаруживались и компенсировались при межъязыковом контактировании, ср. иноязычные лексемы, отраженные в письмах, с исконно русскими соответствиями: *чемпион* – *победитель* (существительное *чемпион* содержит дифференцирующие семы 'спорт', 'соревнование' и является гипонимом по отношению к исконному слову); *эссе* – *очерк* (первое слово является гипонимом по отношению ко второму, поскольку содержит дифференцирующие компоненты значения 'литературно-публицистический', 'непринужденная форма'); *blagueur* (фр.) – *лгун, хвастун* (в русском языке существует лакуна для гиперонима, объединяющего гипонимы *лгун* и *хвастун*).

3.2. Вторичные номинации могли возникать при коммуникативной потребности в прагматически маркированных лексических единицах, необходимости в образно-экспрессивном, стилистически сниженном, отрицательно-оценочном обозначении концепта, т. е. в результате компенсации **прагматических лакун**.

В письмах отмечается ряд образных неологизмов семантического типа, появившихся в качестве синонимов к словам с нейтральным значением. Приведем некоторые примеры. Метафорическое значение адъектива *клубничный* – 'чувственный, эротический' не зафиксировано в толковых словарях XIX в. Оно оформилось на основе переносного значения слова *клубничка* («о чем-либо нескромном, скабрезном, связанном с эротическими похождениями» (БАС, 1956, т. 5, с. 1051)). Судя по письму Н. С. Лескова, прилагательное *клубничный* в указанном значении активно употреблялось в литературной критике второй половины XIX в.: *Жаль, если этот рассказ останется мало замеченным – а это возможно, как возможно и то, что его справедливые направленные рецензенты назовут «клубничным» и т. п.* (С. Н. Шубинскому, 1885) (Лесков, 1958, т. 11, с. 306).

В письмах других авторов в новых для второй половины XIX в. значениях употребляются слова *деревянный* – «бездушный, неживой, бесстрастный»: *Объяснилась с Дмитриевым, который, по ее словам, говорил обо мне просто с отеческою нежностью. А ведь при мне такой суровый, казенный и **деревянный**!* (В. М. Гаршин – Е. С. Гаршиной, 1872) (Гаршин, 1934, с. 435); *суконный* – «плохой, несовершенный, нескладный (о языке, речи)»: *Это один из соотечественников, не знающий ни слова по-французски, ругался. Извозчик с час его кружил, а он ничего ему, кроме: *иси!* – сказать не может. И с таким-то **суконным** языком ездит по городу, квартиры ищет* (М. Е. Салтыков-Щедрин – А. Н. Кракову, 1875) (Салтыков-Щедрин,

1976, т. 18, кн. 2, с. 240); *бонбоньерочный* – «слащавый, неестественный (напоминающий изображения на бонбоньерках)»: *После «Татьяны» моя пьеса представляется мне бонбоньерочной, хотя я до сих пор не уяснил себе, хороша Ваша пьеса или же нет* (А. П. Чехов – А. С. Суворину, 1888) (Чехов, 1976, т. 3, с. 93) и др. Переносное значение последнего прилагательного в словарях не отражено, но отмечается и у других авторов: О. Н. Ольнем (1909), С. К. Маковского (1910) [Захарова, 2021, с. 140].

При наличии в языке стилистически нейтральной лексемы писатель нередко искал возможность выразить какое-либо значение с помощью оценочного, стилистически сниженного слова. С 30-х гг. XIX в. в русском языке существовало отвлеченное существительное *субъективность* (НКРЯ), И. С. Тургенев использует вместо него в одном из писем потенциальное (для эпохи писателя) существительное *субъективщина*, которое было образовано от прилагательного *субъективный* при помощи суффикса *-щин-* со значением «явление, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом» (Лопатин, Улуханов, 2016, с. 700). Неузальный характер слова и его сниженный оттенок показаны в тексте письма с помощью графических метаоператоров – подчеркивания, кавычек: *Я всегда, как Вам известно, старался быть, по мере возможности, объективным в том, что я делал; а тут такая «субъективщина», что беда!* (М. М. Стасюлевичу, 1878) (Тургенев, 2015, т. 16, кн. 1, с. 111). Существительное *субъективщина* не встречается в НКРЯ, не отражено в словарях XIX–XX вв. С пометой «новое» оно впервые фиксируется в «Словаре словообразовательных аффиксов русского языка» (2016) (Лопатин, Улуханов, 2016, с. 701).

Нигилизм как система взглядов, предполагающая отрицание общественных ценностей (эстетических, моральных), узкий практицизм, грубый материализм, вызывал резко отрицательное отношение у многих образованных людей. В письмах Ф. М. Достоевского неоднократно отмечается дериват *нигилятина*, образованный, по-видимому, окказиональным способом морфемной субституции от слова *нигилизм* (с заменой суффикса *-изм-* на *-ятин-*). Он используется как экспрессивное обозначение понятия *нигилизм*, а также в собирательном значении ‘нигилисты’: *Ведь я, например, ужасно как хотел написать про Ольгу Иванову, из процесса о подделке Тамбовских акций, как про тип бессознательно въевшейся нигилятины, в самом отвратительном и полном виде, в девчонку, которая, может быть, и не слыхала никогда про нигилизм <...>* (В. П. Мещерскому, 1874) (Достоевский, 1986, т. 29, кн. 1, с. 315); *Пишете, что убийц Мезенцова так и не разыскали и что наверно это нигилятина* (В. Ф. Пуциковичу, 1878) (Достоевский, 1988, т. 30, кн. 1, с. 43).

Заключение

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о наличии в лексико-семантической системе русского языка второй половины XIX в. понятийных и лексических лакун. Процесс неологизации языка и речи был связан главным образом с элиминированием коммуникативно значимых полных и частичных (гиперо-гипонимических, прагматических) лексических лакун. Выделяются три пути их компенсации: вербализация нового концепта; концепта, существовавшего ранее, но не имевшего универбального обозначения; трансоминация концепта. В качестве способов компенсации «пустых клеток» выступали процессы заимствования, словопроизводства, семантической деривации, в качестве средств – иноязычная лексика (иносистемные, интерсистемные и заимствованные единицы), семантические и словообразовательные дериваты (неологизмы, вошедшие в узус; потенциальные, окказиональные слова).

Список литературы

Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии: Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999. 368 с.

- Гак В. Г.** Сравнительная типология французского и русского языков: Учеб. пособие. Л.: Просвещение, 1976. 286 с.
- Захарова Ю. Г.** О некоторых особенностях семантической деривации прилагательных в русском языке второй половины XIX века (на материале писем А. П. Чехова) // *Acta linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований*. 2021. Т. 3, № 17. С. 133–151.
- Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А.** Культура и текст. Введение в лакунологию: Учеб. пособие. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 144 с.
- Махонина А. А.** Проблема описания лексической лакуарности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 16 с.
- Муравьев В. Л.** Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир: ВГПИ, 1975. 97 с.
- Стернин И. А.** Контрастивная лексикология // *Контрастивная лексикология и лексикография* / Под ред. И. А. Стернина, Т. А. Чубур. Воронеж: Истоки, 2006. С. 7–48.
- Тарасова М. А.** Переводы современной англоязычной поэзии на русский язык в аспекте потенциальности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 25 с.
- Rajendran S.** Lexical Gaps in the Vocabulary Structure of a Language // *Language in India*. 2019. Vol. 19 (3). P. 431–449.

Список источников и словарей

- БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Наука, 1950–1965.
- Гаршин В. М.** Письма. Л.: Academia, 1934. 616 с.
- Герцен А. И.** Собр. соч.: В 30 т. Письма. Т. 23–30. М.: Наука, 1961–1965.
- Гончаров И. А.** Литературно-критические статьи и письма. Л.: Гослитиздат, 1938. 404 с.
- Гончаров И. А.** Полн. собр. соч. и писем: В 8 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 8. 576 с.
- Достоевский Ф. М.** Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма. Л.: Наука, 1985–1988. Т. 28–30.
- Короленко В. Г.** Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1956. Т. 10: Письма. 1879–1921. 717 с.
- Лесков Н. С.** Собр. соч.: В 11 т. М.: Худож. лит., 1958. Т. 10–11.
- Лопатин В. В., Улукханов И. С.** Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 20.12.2021).
- Салтыков-Щедрин М. Е.** Собр. соч.: В 20 т. Письма. М.: Худож. лит., 1965–1977. Т. 18–20.
- Толстой Л. Н.** Полн. собр. соч.: В 90 т. Письма. М.: Худож. лит., 1935–1957. Т. 59–72, 83–88.
- Тургенев И. С.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1987–2003. Т. 2–16.
- Чехов А. П.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974–1980. Т. 1–9.

References

- Bykova G. V.** Lakunarnost' kak kategoriya leksicheskoi sistemologii [Lacunarity as a category of lexical systemology]. Dr. Philol. Sci. Diss. Voronezh, 1999, 368 p. (in Russ.)
- Gak V. G.** Sravnitel'naya tipologiya francuzskogo i russkogo yazykov [Comparative typology of French and Russian languages]. A textbook. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1976, 286 p. (in Russ.)
- Machonina A. A.** Problema opisaniya leksicheskoi lakunarnosti [The problem of describing lexical lacunarity]. Abstract of the Cand. Philol. Sci. Diss. Voronezh, 2006, 16 p. (in Russ.)
- Markovina I. Yu., Sorokin Yu. A.** Kul'tura I tekst. Vvedenie v lakunologiyu [Introduction to Lacunology]. A textbook. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2010, 144 p. (in Russ.)

- Muraviev V. L.** Leksicheskie lakuny (na materiale leksiki frantsuzskogo i russkogo yazykov) [Lexical gaps (based on the vocabulary of French and Russian)]. Vladimir, VSPI Press, 1975, 97 p. (in Russ.)
- Sternin I. A.** Kontrastivnaya leksikologiya [Contrastive lexicology]. In: Sternin I. A., Chubur T. A. (eds.). Kontrastivnaya leksikologiya i leksikografiya [Contrastive lexicology and lexicography]. Voronezh, Istoki Publ., 2006, pp. 7–48. (in Russ.)
- Rajendran S.** Lexical Gaps in the Vocabulary Structure of a Language. *Language in India*, 2019, vol. 19 (3), pp. 431–449.
- Tarasova M. A.** Perevody sovremennoi angloyazychnoi poezii na russkii yazyk v aspekte potentsial'nosti [Translations of modern English-language poetry into Russian in the aspect of potentiality]. Abstract of the Cand. Philol. Sc. Diss. Moscow, 2014, 25 p. (in Russ.)
- Zakharova Yu. G.** O nekotorykh osobennostyakh semanticheskoi derivatsii prilagatelnykh v russkom yazyke vtoroi poloviny XIX veka (na materiale pisem A. P. Chekhova) [On some features of semantic derivation of adjectives in the Russian language of the second half of the 19th century (based on the letters of A. P. Chekhov)]. *Acta linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 2021, vol. 3, no. 17, pp. 133–151. (in Russ.)

List of Sources and Dictionaries

- Chekhov A. P.** Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Pisma: V 12 t. [Complete works and letters in 30 vols. Letters in 12 vols.]. Moscow, Nauka, 1974–1980, vol. 1–9. (in Russ.)
- Dostoevsky F. M.** Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. Pis'ma [Complete works. In 30 vols. Letters]. Leningrad, Nauka, 1985–1988, vol. 28–30. (in Russ.)
- Garshin V. M.** Pis'ma [Letters]. Leningrad, Academia, 1934, 616 p. (in Russ.)
- Gercen A. I.** Sobranie sochinenii: V 30 t. Pis'ma [The collected works. In 30 vols. Letters]. Moscow, Nauka Publ., 1961–1965, vol. 23–30. (in Russ.)
- Goncharov I. A.** Literaturno-kriticheskie stat'i i pis'ma [Literary and critical articles and letters]. Leningrad, Goslitizdat, 1938, 404 p. (in Russ.)
- Goncharov I. A.** Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 8 t. [Complete works and letters. In 8 vols.]. Moscow, GIHL, 1955, vol. 8, 576 p. (in Russ.)
- Korolenko V. G.** Sobranie sochinenii: V 10 t. [The collected works. In 10 vols.]. Moscow, Goslitizdat, 1956, vol. 10. Letters. 1879–1921, 717 p. (in Russ.)
- Leskov N. S.** Sobranie sochinenii: V 11 t. [The collected works. In 11 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1956–1958, vol. 10–11. (in Russ.)
- Lopatin V. V., Ulukhanov I. S.** Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka [Dictionary of word-forming affixes of modern Russian]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. (in Russ.)
- Natsionalnyi korpus russkogo yazyka [Russian national corpus]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed 20.12.2021).
- Saltykov-Shchedrin M. E.** Sobranie sochinenii: V 20 t. [The collected works. In 20 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1965–1977, vol. 18–20. Letters. (in Russ.)
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. [Dictionary of modern Russian literary language. In 17 vols.]. Moscow; Leningrad, Nauka, 1950–1965. (in Russ.)
- Tolstoy L. N.** Polnoe sobranie sochinenii: V 90 t. Pis'ma [Complete works and letters. In 90 vols. Letters]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1935–1957, vol. 59–72, 83–88. (in Russ.)
- Turgenev I. S.** Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t. [Complete works and letters. In 30 vols. Letters. In 18 vols.]. 2nd ed., cor. and sup. Moscow, Nauka, 1982–2003, vol. 2–16. (in Russ.)

Информация об авторе

Юлия Георгиевна Захарова, кандидат филологических наук, доцент
RSCI Author ID 325797
SPIN 9118-3175

Information about the Author

Yuliya G. Zakharova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
RSCI Author ID 325797
SPIN 9118-3175

*Статья поступила в редакцию 30.12.2021;
одобрена после рецензирования 17.02.2023; принята к публикации 17.02.2023
The article was submitted on 30.12.2021;
approved after reviewing on 17.02.2023; accepted for publication on 17.02.2023*

Научная статья

УДК 316.776.34

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-31-40

Современные подходы к оценке эффективности текста

Александр Николаевич Назайкин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

info@nazaykin.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0944-9289>

Аннотация

Для ученых, изучающих коммуникацию, и для специалистов, создающих тексты, важно понимать, как можно оценить воздействие на аудиторию, результат этого воздействия. В настоящей работе автор предпринимает попытку объединения практических знаний в области создания текста с научным подходом к изучению его эффективности. Отталкиваясь от присущих тексту функций, автор рассматривает само понятие эффективности текста, которое разными специалистами определяется по-разному. Разные же подходы к оценке эффективности применяются в разных коммуникационных сферах: в журналистике, PR, рекламе, литературе. Проведенный анализ позволяет выделить общее и специфическое в оценках эффективности современных текстов, использовать традиционные и новые подходы к оценке при подготовке качественных сообщений.

Ключевые слова

текст, эффективность, оценка, коммуникация, журналистика, PR, реклама, литература

Для цитирования

Назайкин А. Н. Современные подходы к оценке эффективности текста // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 31–40. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-31-40

Modern Approaches to Assessing the Effectiveness of the Text

Alexander N. Nazaykin

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation

info@nazaykin.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0944-9289>

Abstract

Purpose. For scientists studying communication and for specialists who create texts, it is important to understand how you can evaluate the impact on the audience, the result of this impact. In this paper, the author made an attempt to combine practical knowledge in the field of text creation with a scientific approach to studying its effectiveness. Based on the functions inherent in the text, the author considers the very concept of text effectiveness, which is defined differently by different specialists. Different approaches to evaluating effectiveness are used in different communication areas: in journalism, PR, advertising, and literature.

Results. The analysis made it possible to highlight the general and specific in modern approaches to evaluating the effectiveness of texts, to use traditional and new evaluation approaches in the preparation of high-quality messages.

Conclusion. In general, based on the analysis, it was concluded that today in journalism, and in PR, and in advertising, and in literature, there is an expansion of economical opportunities for an objective assessment of texts. Their study and use allows the creators of modern texts to improve the quality of their work to communicate more effectively with their audience.

Keywords

text, effectiveness, evaluation, communication, journalism, PR, advertising, literature

© Назайкин А. Н., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 31–40

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 31–40

For citation

Nazaykin A. N. Modern Approaches to Assessing the Effectiveness of the Text. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 31–40. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-31-40

Введение

Запросы современного общества привели к увеличению количества созданных текстов во всех сферах нашей жизни – в бизнесе, рекламе, PR, журналистике, литературе и т. д. Сегодня информация обрушивается на потребителей со всех сторон: из теле- и радиоэфира, с бумажных страниц газет и журналов, с экранов компьютеров и электронных гаджетов. Однако аудиторией качественно воспринимаются не все тексты, поэтому специалистам, стремящимся создавать эффективные сообщения, важно понимать, как можно оценить воздействие на аудиторию, результат коммуникации с ней.

Наиболее пристальное внимание результатам воздействия на аудиторию уделялось и уделяется исследователями в журналистике, PR, рекламе и литературе. Так, в журналистике наиболее глубоко в этой проблеме разбирались Е. Прохоров¹, И. Дзялошинский², С. Корконосенко³. В PR самыми серьезными работами об эффективности, на наш взгляд, являются труды И. Райхмана [2013], Р. Ляйнemann и Е. Байкальцевой [2006]. В рекламе можно выделить работы А. Кутлалиева и А. Попова [2006], Дж. Дэвиса [2003]. Несколько серьезных работ, посвященных эффективности текстов, есть также у исследователей литературы, искусства. Среди них можно отметить труды О. Никифоровой⁴ и Л. Выготского⁵.

Очевидно, что эффективность текста в отечественной коммуникативистике изучается, но до сих пор не систематично и в разной степени углубленности. Не выработан общий взгляд на понятие эффективности текста, не разработаны общие подходы к ее оценке, которые могли бы стать фундаментом для подходов специфических. В настоящей работе автор предпринимает попытку объединения знаний в области практического создания текста с научным подходом к изучению его эффективности, анализируя разные точки зрения как теоретиков, так и практиков рынка коммуникаций.

Функции текста

Сегодня текст изучают разные науки, и каждая по-своему истолковывает его суть. С наиболее близкой автору точки зрения, текстом является «объединенная по смыслу последовательность знаковых единиц»⁶. Для того чтобы оценивать эффективность текста, прежде всего необходимо понимать, какие человеческие потребности он удовлетворяет, как работает, какие функции выполняет. Человек как «существо разумное» имеет двойственную природу, соответственно, существуют два вида знания: получаемое через аргументы и получаемое через переживание⁷. Согласно К. Филиппову [2007, с. 151–156], проанализировавшему работы на эту тему Платона, Дж. Сёрля, К. Бринкера, можно говорить о *репрезентативной* функции

¹ Прохоров Е. Эффективность деятельности СМИ. URL: <http://www.journ.msu.ru/upload/iblock/cd1/cd185635f82cba26a674a1f8245e980b.pdf> (дата обращения 12.05.2022).

² Дзялошинский И. Эффективность восприятия и понимания текстов массовой коммуникации. URL: <http://www.dzyalosh.ru/02-03-Vospriyatie-Ponimanie/Efektivnost-Vospriyatiya-i-Ponimaniya-Textov.pdf> (дата обращения 10.06.2022).

³ Корконосенко С. Социология журналистики. URL: <http://evartist.narod.ru/text9/52.htm> (дата обращения 13.05.2022).

⁴ Никифорова О. Психологические вопросы восприятия художественной литературы. URL: <http://childpsy.ru/dissertations/19259/?> (дата обращения 21.05.2022).

⁵ Выготский Л. Искусство как катарсис. Психология искусства. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvo-kak-katarsis/pdf> (дата обращения 12.05.2022).

⁶ Валгина Н. С. Теория текста. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/index.html> (дата обращения 12.05.2022).

⁷ Там же.

представления предметов, положений и событий, об *экспрессивной* функции и *апеллятивной* функции. Во всех рассмотренных работах названы разные функции, но все их можно объединить в две группы: передача рациональной информации и передача эмоционального состояния. Об этом же говорят и современные маркетологи: «...в основе мотивации потребителей лежат как рациональные (утилитарные), так и эмоциональные причины» [Энджел и др., 1999, с. 311]. В разных коммуникационных ситуациях (в зависимости от целей и потребителей) предпочтение может отдаваться рациональной информации, эмоциональности или их комбинации. Например, те же маркетологи отмечают: «Потребителей легче завоевать, если создать им хорошее настроение» [Там же].

Таким образом, для человека, являющегося одновременно и рациональным, и эмоциональным существом, в процессе коммуникации естественно передавать другим людям и рациональную, и эмоциональную, и рационально-эмоциональную информацию. Конечно, при этом очень важно передавать эту информацию качественно, эффективно.

Понятие эффективности текста

Само понятие эффективность текста не так просто, как кажется на первый взгляд. Подходы к оценке эффективности текста могут различаться. Часто отличаются как результаты коммуникации, так и аспекты их измерения. Можно говорить об измерении коммуникативной и финансовой эффективности. Так, *коммуникативная эффективность* – это, как правило, степень выполнения определенных коммуникативных задач: «Эффективность = Результат / Цель». *Финансовую эффективность* оценивают по денежной составляющей как получение максимальной выгоды при минимальных затратах.

Терминологическое разграничение двух измерений эффективности нередко приводит к путанице распространенных классификаций. Например, в английском языке есть слово «efficient» для выражения эффективности с учетом затраченных средств и слово «effective» для выражения эффективности без учета затраченных средств, в русском же языке такого деления нет. Слово «действенность» может быть просто синонимом «эффективности», хотя некоторые исследователи журналистики разделяют эти понятия: «*эффективностью* следует называть тот или иной уровень успеха во взаимодействии средств массовой информации с массовой аудиторией, тогда как результативность контактов с социальными институтами (воздействие на принятие решений) определяется как *действенность*»⁸ Специалисты же из PR-индустрии при оценке PR-мероприятий рассматривают три понятия в рамках оценки результативности: «воздействие – это изменение эмоционально-поведенческих и когнитивных ориентаций и направлений после проведенных PR действий; эффект – это соотношение целей и результатов; эффективность – отношение эффекта к затратам на PR-кампанию»⁹.

При этом, по мнению некоторых специалистов, «понятия *эффективность* вполне достаточно, чтобы обозначить достижение некоторой реакции в некоторой аудитории в любом модуле – когнитивном, эмоциональном, поведенческом...»¹⁰

В разных сферах человеческой деятельности эффективность текста оценивают по-разному. Это связано прежде всего с целями и задачами, которые ставят перед собой создатели текстов разных типов.

Эффективность текста в журналистике

Рассматривая эффективность текста, исследователи журналистики, как правило, говорят о коммуникативной эффективности – о «воздействии на общественную жизнь», которым, по определению С. Корконосенко, является «формируемое в аудитории СМИ общественное

⁸ Прохоров Е. Эффективность деятельности СМИ.

⁹ Панфилова Е. Критерии оценки эффективности PR-деятельности. URL: https://spravochnick.ru/reklama_i_pr/effektivnost_pr_deyatelnosti/ (дата обращения 03.05.2022).

¹⁰ Кара-Мурза Е. Выступление на конференции «Эффективность коммуникации» в МГПУ, февраль 2010 г.

мнение»¹¹. С этим мнением солидарен Е. Прохоров, который говорит о конкретных изменениях в сознании и поведении аудитории: «В области сознания эти эффекты обнаруживаются в мировоззрении, миросозерцании, историческом сознании и, преимущественно, в общественном мнении, а внутри каждого из этих компонентов массового сознания – в знаниях, взглядах, представлениях, убеждениях, стремлениях, ценностях, нормах, идеалах и т. д. В области поведения, определяемого сознанием, эффекты обнаруживаются в переменах направленности действий в сфере труда, общественной жизни, быта, досуга и т. д.» [Прохоров, 2003, с. 317].

Исследователи журналистики в традиционных СМИ очень мало говорили и говорят об эффективности отдельных текстов. Очевидно, это связано с тем, что в доинтернетную эпоху было очень сложно ее измерять: «...мы можем оценить непосредственно количество людей, ознакомившихся с материалом. Но... если приблизительно высчитать аудиторию номера еще возможно, то определить количество тех, кто увидел и прочитал в номере именно ваш материал, уже не получится (разве что через опросы)»¹² Но такие исследования весьма дорогостоящи, поэтому измерялась эффективность лишь самих СМИ (тиражи, рейтинги, цитируемость, влияние). Хороший материал чаще признавался таковым руководством, ответственными, опытными сотрудниками того или иного издания, радиостанции или телеканала.

Сложность оценки текстов во многом определяется тем, что аудитория воспринимает текст сразу по нескольким параметрам: «Одна группа связана с инструментальной ролью этого текста, степенью его полезности, возможностью использовать в практической деятельности. Вторая группа параметров связана со степенью адекватности содержания текста той действительности, которую знает аудитория. Третья группа параметров связана с совершенством, искусностью, профессионализмом создателя данного текста»¹³.

Эффективность отдельных текстов тем не менее нередко пытались оценить объективно. Так, на этапе подготовки делали это на основе стандартного чек-листа. Например, «в американской версии (примерно 1970-е годы) оценочного листа телевизионного видеорепортажа... среди первостепенных критериев следующие: персонифицированный подход (есть ли главный персонаж), наличие ответа на вопрос “кому все это нужно?”, использование разговорного стиля, структурное оформление текста, четкость в выражении основной идеи материала, логическая связанность всех частей текста»¹⁴.

После публикации эффективность текста тоже оценивали, посчитывая количество критических или одобряющих звонков в редакцию или писем от аудитории («двадцать писем – так себе материальчик», «два мешка – отлично!» и т. д.). Также фиксировалась действенность по поставленной проблеме: «траншея после публикации зарыта», «директор завода получил выговор», «начальник почтового отделения уволен» и т. д.

Появление Интернета позволило значительно расширить инструментарий оценки эффективности журналистских текстов. Так, сегодня можно легко получать определенные показатели по отдельному журналистскому тексту: количество просмотров, лайков, репостов, комментариев, время, затраченное на чтение, позиция текста в выдаче поисковиками (прямо из открытых данных или из закрытых, например, таких сервисов, как Яндекс.Метрика или Google Analytics).

Новые технологические возможности уже оказывают определенное воздействие на работу журналистов. Современные исследователи отмечают: «...создавать тексты для новых медиа

¹¹ Корконосенко С. Социология журналистики.

¹² Как оценить эффективность PR: 13 показателей. URL: <https://vc.ru/marketing/257729-kak-ocenit-effektivnost-pr-13-pokazateley?ysclid=l2rgyzzu53> (дата обращения 12.05.2022).

¹³ Дзялошинский И. Эффективность восприятия и понимания текстов массовой коммуникации.

¹⁴ Волкова И. И., Гужвий Д. А. Интегративный подход к измерению эффективности контента в новых медиа: постановка проблемы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnyy-podhod-k-izmereniyu-effektivnosti-kontenta-v-novyh-media-postanovka-problemy/pdf> (дата обращения 11.05.2022).

с учетом ключевых показателей эффективности могут журналисты, обладающие маркетинговым мышлением и владеющие в равной степени как социальными, так и технологическими компетенциями»¹⁵. Сегодня сотрудники редакций нацелены на получение измеряемых результатов: высокого уровня виральности – дальнейшего самостоятельного распространения текста аудиторией; большого уровня охвата аудитории (Reach) – количества пользователей и высокого уровня вовлеченности (Engagement Rate) – процента активных пользователей, рассчитываемого исходя из охвата и количества реакций (лайк, репост, комментариев, запись в друзья, количество подписок и т. д.) по формуле¹⁶

$$ER = (\text{Все взаимодействия с публикацией} / \text{охват публикации}) \times 100.$$

Пока при публикации текстов в СМИ количественные показатели не увязываются с финансовыми результатами (например, при каких затратах получают тысячу лайков или какие доходы приносят сто репостов). Однако представляется, что в ближайшее время в журналистике на основе новых технологий будет производиться и финансовая оценка эффективности текстов.

Сегодня мы можем говорить о следующих критериях оценки эффективности журналистского текста:

- чек-лист;
- звонки и письма в редакцию;
- действенность (предпринятые меры героями публикаций);
- охват аудитории и общее количество контактов с аудиторией;
- среднее время контакта (чтения, просмотра, прослушивания);
- виральность;
- вовлеченность;
- место в выдаче поисковиками (Яндекс, Google и т. д.).

Эффективность текста в PR

PR-тексты, так же как журналистские, большей частью публикуются в средствах массовой информации и социальных сетях, поэтому подходы к оценке эффективности во многом похожи. Однако внимание ей уделяется более пристальное, ведь «корпоративная репутация напрямую связана с эффективностью»¹⁷. Даже единственный текст может «выстрелить» с колоссальным экономическим эффектом.

Как и в журналистике, форма и содержание PR-текстов до публикации оцениваются по чек-листам. При оценке PR-текстов после публикации часто рассматривают повышение осведомленности о компании, товаре или услуге, исследуется восприятие аудитории до и после информационной кампании. Также нередко подсчитывают количество запросов информации, изменение объема продаж, цен акций и т. д., часто рассчитывается новостной (событийный) индекс цитируемости, показывающий среднее количество перепечаток текста за определенный период.

Если у журналистского текста в доинтернетную эпоху была проблема вычленения из всех текстов номера или эфира, то в PR-индустрии имеется проблема вычленения текста из всех мероприятий, проводимых компанией / организацией. Сегодня, как и в журналистике, Интернет позволяет экономично оценивать отдельные PR-тексты. Обычно рассматриваются следующие параметры:

¹⁵ Волкова И. И., Гужвий Д. А. Интегративный подход к измерению эффективности контента в новых медиа: постановка проблемы.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Пименов Ж. К вопросу об оценке эффективности PR-деятельности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otsenke-effektivnosti-pr-deyatelnosti/pdf> (дата обращения 20.04.2022).

- Media Outreach – охват аудитории («этот показатель всё еще остается одним из самых популярных и актуальных, на взгляд PR-специалистов»¹⁸);
- количество сгенерированного трафика на внешний сайт;
- качество сгенерированного трафика на внешний сайт (среднее время, проводимое на сайте аудиторией, среднее количество просмотренных страниц, показатель отказов и т. д.);
- вовлеченность пользователей;
- выдача в результатах поиска поисковиков;
- стоимость контакта или CPT – стоимость за тысячу контактов (рассчитывается как отношение затрат на подготовку текста к охваченной аудитории).

Некоторые показатели PR-индустрии совпадают по сути с показателями в журналистике, но называются по-разному (например, охват – Reach и Media Outreach).

Таким образом, мы можем говорить о следующих критериях оценки эффективности PR-текста:

- чек-лист;
- осведомленность о компании (товаре, услуге);
- изменение объема продаж, цен акций, числа приверженцев компании / продукта;
- новостной (событийный) индекс цитируемости;
- охват аудитории и общее количество контактов с аудиторией;
- количество сгенерированного трафика на внешний сайт;
- качество сгенерированного трафика на внешний сайт (среднее время, проводимое на сайте аудиторией, среднее количество просмотренных страниц, показатель отказов и т. д.);
- виральность;
- вовлеченность;
- место в выдаче поисковиками;
- стоимость контакта или CPT.

Эффективность текста в рекламе

Рекламные цели определяют на основе маркетинговых целей, которыми являются информирование о продукте, укрепление, трансформация имиджа компании и т. д. Исследователи выделяют два метода измерения эффективности рекламы: экономико-статистические и социологические. Первые «позволяют косвенно определить уровень эффективности рекламной кампании на основе измерения объемов продаж, динамики финансовых показателей. Социологические методы дают возможность получить следующую информацию:

- а) уровень узнаваемости продукта и торговой марки;
- б) уровень доверия к продукту, торговой марке;
- в) отношение к продукту (торговой марке) в сравнении с отношением к другим торговым маркам и продуктам»¹⁹. Таким образом, в рекламе рассматривается и финансовая, и коммуникативная эффективность рекламы.

Как правило, именно продажа товара или услуги – обычная экономическая цель рекламы: «У рекламы одна цель – продать товар, все остальное от лукавого» [Огилви, 1993, с. 5]. В связи с этим часто оцениваются критерии, влияющие именно на продажу товаров и услуг. Тестирование отдельных, самых важных в тексте, определяющих суть рекламы ключевых слов уже давно находится в поле зрения практиков. Наиболее часто оценке подвергается такой важный элемент рекламного текста, как заголовок. Вот что говорил об этом еще в начале XX в. основоположник научной рекламы К. Хопкинс: «Зачастую простая смена заголовка изменяет эффективность рекламы в 5–10 раз» [Хопкинс, 2007, с. 40].

¹⁸ Как оценить эффективность PR: 13 показателей.

¹⁹ Волкова И. И., Гужвий Д. А. Интегративный подход к измерению эффективности контента в новых медиа: постановка проблемы.

Если ранее оценка эффективности текста через тестирование отдельных слов была технологично и финансово затратна, то в век Интернета на базе систем контекстной рекламы (например, Яндекс.Директ, Google AdWords) она производится быстро и полностью в автоматизированном режиме с помощью показателя *CTR* (Click-Through Rates). Он представляет собой отношение числа «кликов» на объявление к числу показов этого объявления:

$$CTR = \text{количество кликов} / \text{количество показов} \times 100 \%$$

Чем выше CTR, тем большее количество людей осуществляет переход с рекламы на сайт.

Также в сегодняшней практике используется показатель *конверсии* (отношение посетителей сайта, совершивших необходимое действие, ко всем видавшим рекламу).

Нередко в рекламе используют такой показатель, как *стоимость прибыли, полученной за один клик* – EPC (Earnings Per Click). Он рассчитывается по формуле:

$$EPC = \text{Валовый доход} / \text{Количество кликов}.$$

Многие исследователи рекламы рассматривают ее эффективность также и с точки зрения способствования продажам. Еще в 1923 г. Дэниел Старч отмечал: «Для того чтобы реклама была эффективной, необходимо, чтобы ее замечали, читали, понимали, верили ей и действовали в соответствии с ней» (цит. по: [Батра и др., 1999, с. 116]). Об этом же говорят и современные исследователи: «Цель рекламного объявления не просто в том, чтобы его увидели. И не в том, чтобы его услышали и прочли. Цель рекламного объявления – донести информацию о товаре (услуге, фирме, идее) и отношении к нему таким образом, чтобы потребитель проникся большей предрасположенностью к его покупке» [Сэндидж и др., 1989, с. 467]. Очевидно, что коммуникационная эффективность может привести к эффективности финансовой. Однако сложно говорить о коммуникационной эффективности одного-единственного текста. То, что он может дать конкретный финансовый результат, доказано многолетней практикой, но вот ощутимый коммуникационный результат достигается только в рамках рекламной кампании, в которой используется некое множество текстов.

Сегодня, можно говорить о следующих критериях оценки эффективности рекламных текстов:

- чек-лист;
- тестирование;
- осведомленность о компании (товаре, услуге);
- усиление имиджа бренда / товарной марки;
- изменение объема продаж, цен акций, числа приверженцев компании / продукта, запросов образцов / дополнительной информации;
- CTR;
- конверсия;
- EPC;
- количество сгенерированного трафика на внешний сайт;
- качество сгенерированного трафика на внешний сайт;
- виральность;
- вовлеченность;
- место в выдаче поисковиками;
- стоимость контакта или CPT.

(В отличие от журналистики и PR охват аудитории в рекламе задается, оплачивается заранее).

Эффективность текста в литературе

Литературные тексты также бывают разного качества и оказывают разное воздействие на аудиторию. Исследователи отмечают следующие функции литературного сообщения: функ-

цию сообщения, функцию общения и функцию воздействия²⁰. Выполняя эти функции, художественная литература изображает эстетическую сторону действительности и тем самым «дает людям не только познание этой стороны действительности, но и формирует у них эмоциональное оценочное отношение к действительности, содействует оформлению их мировоззрения и убеждений, их конкретизации»²¹. Отсюда «основная функция художественной литературы – формирование у людей глубоких и устойчивых обобщенных чувств, побуждающих определить свое личное мировоззрение, превращающих его в действенную силу, направляющую поведение личности»²².

Как мы видим, у литературы есть несколько целей, но при этом специалисты выделяют одну общую: «Катарсис оказывается конечной целью искусства...»²³ Л. Выготский объясняет это следующим образом: «Мы могли бы сказать, что основой эстетической реакции являются вызываемые искусством аффекты, переживаемые нами со всей реальностью и силой, но находящие себе разряд в той деятельности фантазии, которой требует от нас всякий раз восприятие искусства.... В этом превращении аффектов, в их самосгорании, во взрывной реакции, приводящей к разряду тех эмоций, которые тут же были вызваны, и заключается катарсис эстетической реакции»²⁴.

Но и катарсис, по мнению современных специалистов, не является конечной точкой в воздействии на аудиторию: «За катарсисом следует осмысление пережитого и преобразование личности человека...»²⁵.

Ранее об эффективности литературных текстов можно было судить прежде всего по «сарафанному радио», по тиражам книг и рецензиям критиков. В XXI в. используются также и данные, предоставляемые Интернетом, на просторах которого публикуются литературные тексты: количество просмотров, количество скачиваний, лайки, репосты и т. д.

Сегодня, мы можем выделить следующую группу критериев оценки эффективности литературных текстов:

- чек-лист;
- рецензии критиков;
- тираж;
- охват аудитории и общее количество контактов с аудиторией;
- среднее время контакта;
- виральность;
- вовлеченность;
- катарсис.

Выводы

Проведенный анализ позволяет нам выделить общее и специфическое в современных подходах к оценке эффективности текстов. Так, к традиционно общему подходу можно отнести использование чек-листов. Совершенно новым для оценки всех типов рассмотренных текстов стало использование интернет-инструментов (среднее время контакта, виральность, вовлеченность и т. д.). В разных коммуникационных сферах также используются и разные же специфические подходы к оценке эффективности текстов (так, в журналистике это действен-

²⁰ Конурбаев М., Менджеричкая Е. Функция воздействия в художественной литературе и публицистике. URL: https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_04_07konurbaev_et.pdf?ysclid=l2rhqalzee (дата обращения 13.05.2022).

²¹ Никифорова О. Психологические вопросы восприятия художественной литературы. URL: <http://childpsy.ru/dissertations/19259/> (дата обращения 11.05.2022).

²² Шацкий Е. Отечественные психологи о воздействии художественной литературы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennyye-psihologi-o-vozdeystvii-hudozhestvennoy-literatury/pdf> (дата обращения 12.05.2022).

²³ Там же.

²⁴ Выготский Л. Искусство как катарсис. Психология искусства. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvo-kak-katarsis/pdf> (дата обращения 12.05.2022).

²⁵ Шацкий Е. Отечественные психологи о воздействии художественной литературы.

ность (предпринятые меры героями публикаций), в PR – новостной (событийный) индекс цитируемости, в рекламе – CTR, в литературе – рецензии критиков).

Необходимо отметить, что достаточно точное измерение коммуникационной эффективности до последнего времени могли позволить себе только сферы рекламы и PR, имеющие значительные финансовые ресурсы и зачастую ставящие перед создателями текстов именно финансовые цели. Однако новые технологические возможности, появившиеся с Интернетом, многое меняют. Так, в частности, представляется, что в ближайшее время в журналистике на основе новых технологий будет производиться не только коммуникативная, но и финансовая оценка эффективности текстов, в литературе всё больший вес станет приобретать оценка эффективности текста по количеству и глубине прочтений для определенной целевой аудитории и т. д.

В целом на основе проведенного анализа можно сделать вывод и о том, что сегодня и в журналистике, и в PR, и в рекламе, и в литературе происходит расширение экономических возможностей для объективной оценки текстов. Их изучение и использование позволяет создателям современных текстов повышать качество своей работы, более эффективно коммуницировать со своей аудиторией.

Список литературы

- Батра Р., Майерс Дж., Аакер Д. Рекламный менеджмент. М.; СПб.; Киев: Вильямс, 1999. 784 с.
- Дэвис Дж. Дж. Исследования в рекламной деятельности: теория и практика. М.: Вильямс, 2003. 864 с.
- Кутлалиев А., Попов А. Эффективность рекламы. М.: Эксмо, 2006. 416 с.
- Лейнеманн Р., Байкальцева Е. Измерения медиарелейшнз: как оценить вклад PR в успех компании. М.: Вершина, 2006. 248 с.
- Огилви Д. Тайны рекламного двора. М.: Ассоциация рекламных работников, 1993. 109 с.
- Прохоров Е. Введение в теорию журналистики. М.: Аспект Пресс, 2003. 366 с.
- Райхман И. Практика медиа измерений. Аудит, отчетность, оценка эффективности PR. М.: Альпина паблишер, 2013. 432 с.
- Сэндидж Ч., Фрайбургер В., Ротцолл К. Реклама: теория и практика. М.: Прогресс, 1989. 630 с.
- Филиппов К. Лингвистика текста. Курс лекций. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 331 с.
- Хопкинс К. Научная реклама. М.: Эксмо, 2007. 128 с.
- Энджел Дж., Блэкуэлл Д., Минниард П. Поведение потребителей. СПб.: Питер. 1999. 768 с.

References

- Angel J., Blackwell D., Minniard P. Povedenie potrebitelei [Consumer Behavior]. St. Petersburg, Peter. 1999, 768 p. (in Russ.)
- Batra R., Myers J., Aaker D. Reklamnyi menedzhment [Advertising management]. Moscow, St. Petersburg, Kyiv, Villiams, 1999, 784 p. (in Russ.)
- Davis J. J. Issledovaniya v reklamnoi deyatelnosti: teoriya i praktika [Research in advertising: theory and practice]. Moscow, Williams, 2003, 864 p. (in Russ.)
- Filippov K. Lingvistika teksta. Kurs lektzii [Text Linguistics. Lecture course]. St. Petersburg, St. Petersburg Uni. Press, 2007, 331 p. (in Russ.)
- Hopkins K. Nauchnaya reklama [Scientific advertising]. Moscow, Eksmo, 2007, 128 p. (in Russ.)
- Kutlaliyev A., Popov A. Effektivnost' reklamy [Effectiveness of advertising]. Moscow, Eksmo, 2006, 416 p. (in Russ.)
- Leinemann R., Baikaltseva E. Izmereniya mediarileishnz: kak otsenit' vklad PR v uspekhi kompanii [Measuring media relations: how to evaluate the contribution of PR to the company's success]. Moscow, Vershina, 2006, 248 p. (in Russ.)

- Ogilvy D.** Tainy reklamnogo dvora [Secrets of the advertising yard]. Moscow, Association of Advertising Workers, 1993, 109 p. (in Russ.)
- Prokhorov E.** Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki [Introduction to the theory of journalism]. Moscow, Aspect Press, 2003, 366 p. (in Russ.)
- Raikhman I.** Praktika media izmerenii. Audit, otchetnost', otsenka effektivnosti PR [The Practice of Media Measurements. Audit, reporting, evaluation of the effectiveness of PR]. Moscow, Alpina publisher, 2013, 432 p. (in Russ.)
- Sandage Ch., Freiburger V., Rotzoll K.** Reklama: teoriya i praktika [Advertising: theory and practice]. Moscow, Progress, 1989, 630 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Николаевич Назайкин, доктор филологических наук

Information about the Author

Alexander N. Nazaykin, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 09.09.2022;
одобрена после рецензирования 18.01.2023; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted on 09.09.2022;
approved after reviewing on 18.01.2023; accepted for publication on 20.01.2023*

Научная статья

УДК 811.161.1'37

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-41-52

Гендерная семантика номинаций *родитель – родительница – родители* в современном медийном дискурсе

Наталия Евгеньевна Петрова¹

Анна Дмитриевна Комышкова²

^{1,2} Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина
Нижний Новгород, Россия

¹ petrova_ngpu@mail.ru, orcid.org/0000-0002-1302-9019

² filcomanka@mail.ru, orcid.org/0000-0002-8657-4595

Аннотация

На материале дискурса СМИ рассматривается контекстно-референтная манифестация гендерной семантики существительных *родитель – родительница – родители* (pluralia tantum). Системные значения всех трех слов содержат гендерные семы, однако только феминитив *родительница* сохраняет эту сему в любых условиях употребления. При этом отмечается тенденция к стилистической нейтральности этого существительного. Гендерно маркированные значения слов *родитель, родители* реализуются только в условиях связи с конкретным референтом. В обобщенно-референтном и нереферентном употреблении эти слова широко употребляются как стилистически нейтральные номинации лица или лиц, имеющих детей. Делается вывод, что изменения в семантической структуре существительного *родитель* могут повлиять на лексико-морфологический статус слова *родители*.

Ключевые слова

гендерный, пол, грамматический род, референт, номинация, *родители*, феминитив, коннотативный фон

Для цитирования

Петрова Н. Е., Комышкова А. Д. Гендерная семантика номинаций *родитель – родительница – родители* в современном медийном дискурсе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 41–52. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-41-52

Gender Semantics of Nominations *родитель – родительница – родители* in Modern Media Discourse

Natalia E. Petrova¹, Anna D. Komyschkova²

^{1,2} Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹ petrova_ngpu@mail.ru, orcid.org/0000-0002-1302-9019

² filcomanka@mail.ru, orcid.org/0000-0002-8657-4595

Abstract

Purpose. The purpose of the article is to identify manifestation patterns of gender semantics of Russian nouns *родитель – родительница – родители* (pluralia tantum) in different referent and context conditions. The research is based on newspaper subcorpora of Russian National Corpus. **Results.** The vocabulary values are marked by gender semes: *родитель* (father), *родительница* (mother), *родители* (father and mother – the separate lexeme). The first

© Петрова Н. Е., Комышкова А. Д., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 41–52
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 41–52

two nouns are characterized by a reduced stylistic meaning. They are also evaluated as outdated, but it does not confirm in modern Russian speech. The feminine *родительница* retains a gender meaning in all types of usage, it is often used as a neutral synonym for *мать* (mother). It shows a clear tendency towards stylistic neutrality. At the same time it has a negative connotative background and can be used for reducing the social and personal status of the referent. The word *родитель* is a male nomination if denotes a particular person. For a generalized referent or if as a logical predicate, the gender seme is not preserved. Colloquial coloration is preserved only when the word refers to a particular person. The meaning of the noun *родители* with semes of the bigender couple is fully realized only if it denotes a particular family or nominates a social role attributed to a particular family. In other cases it has non-gendered semantics, and becomes the plural form of *родитель* as 'person with offspring'. *Conclusion.* We suppose changes in the semantic structure of the noun *родитель* can affect the lexical and morphological status of the word *родители*.

Keywords

gender, grammatical gender, referent, nomination, parents, feminine, connotative background

For citation

Petrova N. E., Komyshkova A. D. Gender Semantics of Nominations *родитель* – *родительница* – *родители* in Modern Media Discourse. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 41–52. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-41-52

Введение

Связь грамматического рода и гендерной семантики у существительных русского языка всегда находилась в поле внимания лингвистов, поскольку без учета данного фактора невозможно теоретически осмыслить род существительных как грамматическую категорию, охарактеризовать коммуникативно-прагматические функции этой категории, а также прогнозировать ее эволюцию. Представление о биологическом поле живых существ не только живет в нашем сознании «рядом с грамматическими представлениями о роде» [Виноградов, 1972, с. 58], но и позволяет рассматривать категорию рода существительных в аспекте иконичности языкового знака и эстетической значимости [Хайрутдинова, 2015; 2019].

Современная языковая коммуникация испытывает ощутимое влияние культурных гендерных стереотипов (см.: [Bing, Bergvall, 2014; Kotthoff, 2001; Poyton, 1990; Кирилина, 2021, с. 110]), так что некоторые вопросы грамматического рода существительных, обозначающих мужчин и женщин, особым образом переосмысливаются в связи с проблемами гендерной и межэтнической толерантности (см.: [Кирилина, 2019, с. 20–25]).

Актуальность данного исследования обусловлена его связью с гендерным аспектом категории рода и формированием новых значений у номинаций лица. Материалом для исследования послужили контексты со словами *родитель* (3 725 документов), *родительница* (484 документа), *родители* (70 869 документов), зафиксированные в газетном корпусе НКРЯ. Для подробного исследования было отобрано по 400 документов со словами *родитель* и *родители*, датированных 2019 г. Документы со словом *родительница* использовались в полном объеме. Отдельно делалась выборка для выражений *как родитель*, *как родительница*, которые иллюстрировали нереперентное употребление соответствующих слов.

Выбор газетного корпуса НКРЯ не случаен. Дискурс СМИ максимально широко отражает существующие в социуме речевые практики и в то же время, несмотря на стилистическую демократизацию, сохраняет приоритет литературного русского языка. Это дает возможность сделать достаточно объективные выводы о тех или иных тенденциях в эволюции языковых единиц.

Постановка проблемы

Цель данного исследования – выявление закономерностей манифестации гендерной семантики существительных *родитель* – *родительница* – *родители* в условиях различной референтной соотнесенности с учетом коннотативного фона, сопровождающего употребление этих существительных. Лексикографическое описание существительных *родитель* – *родительница* – *родители* отмечено семами пола: *родитель* – это номинация отца, а значит, муж-

чины, поскольку слово *отец* определяется через понятие «мужчина»; *родительница* – номинация матери, а значит, женщины, поскольку слово *мать* определяется через понятие «женщина», *родители* – номинация отца и матери, т. е. совокупности мужчины и женщины (МАС, с. 723; ТСРЯ, с. 836; БТСРЯ). Все указанные здесь словари отмечают стилистическую маркированность пары *родитель – родительница*, причем в МАС и ТСРЯ эти существительные оцениваются как устаревшие и просторечные, а в БТСРЯ – как разговорные.

Триада *родитель – родительница – родители* отсутствует в нацеленном на фиксацию языковых изменений Словаре Скляревской, что косвенным образом подтверждает релевантность указанных выше словарных толкований состоянию русского языка конца XX – начала XXI в. Однако языковой опыт авторов, а также наблюдение за функционированием данных слов заставляют усомниться в полном соответствии их словарного описания современной речевой практике. Было выдвинуто предположение, что а) у существительных *родитель* и *родители* сформировались значения с элиминированной или редуцированной гендерной семьей; б) изменилась стилистическая окраска существительных *родитель* и *родительница*; в) варьирование семантики связано с референцией существительных.

Гендерная семантика «существует в двух ипостасях – **системном**, “прикрепленном” к слову как единице лексической системы (к примеру, в лексической семантике слов *теща*, *роженица*, *стюардесса*, *мымра*, *мегера* и т. п. содержится сема женскости), и в **контекстно-денотативном** (в другой парадигме – референтном) – при обозначении данным словом конкретных лиц в определенных контекстах-ситуациях» (выделено нами. – Н. П., А. К.) [Голев, 2013, с. 16]. В своей системной «ипостаси» наша триада *родитель – родительница – родители* характеризуется, как уже было отмечено, гендерной определенностью, однако контекстно-референтный аспект позволяет скорректировать это представление.

Все указанные существительные могут употребляться в конкретно-референтном, обобщенно-референтном и нереферентном значениях. Референция понимается нами как «отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности» (ЛЭС, 1990, с. 411). Если имена *родитель*, *родительница*, *родители* (или именная группа с этими словами) соотносятся в предложении с конкретным лицом или определенной группой лиц, которых имеет в виду автор текста, то мы говорим о конкретно-референтном значении (*Он часто спорил со своим родителем / со своей родительницей / со своими родителями*). Если референтом указанных имен является совокупность всех лиц, которые соответствуют понятиям «родитель», «родительница», «родители», то мы говорим об обобщенно-референтном значении (*По закону родители отвечают за жизнь и здоровье своего ребенка*). Если имена употребляются вне связи с объектами действительности, а реализуют только сигнификативную часть значения, то мы говорим о нереферентном значении, например: *Через месяц вы станете родителями* (см.: [Арутюнова, 2009, с. 199, 370]). В этом случае рассматриваемые нами существительные используются для обозначения не лиц, а исключительно социальных ролей мужчин и женщин. Каждый тип употребления определенным образом влияет на проявление системной гендерной семантики данных слов, что будет показано далее на материале базы данных газетного корпуса НКРЯ.

Результаты исследования

Начнем с рассмотрения пары *родитель – родительница*. Количественный показатель употреблений слова *родитель* в газетном корпусе НКРЯ – 3 745 документов и 4 945 вхождений – свидетельствует о том, что слово *родитель* актуально для носителей русского языка и явно не воспринимается как устаревшее, поскольку используется в нейтральных контекстах. Ниже даны примеры типичных употреблений в условиях разного референциального статуса.

А. Номинация конкретного лица:

*Общение с претендентами каждый раз прерывалась **родителем**: один из женихов, пригласивший Ксению на танец, был вынужден отойти от нее, так как их разлучил отец* (lenta.ru, 2019.12.10); *Мужчина решил завладеть долей в квартире, принадлежащей **родителю**, и дважды отправил пенсионера медицинскими препаратами, не предназначенными для потребления внутрь* (lenta.ru, 2019.12.04).

Б. Номинация обобщенного лица:

*При этом число детей, в отношении которых ограничены в правах оба или единственный **родитель**, увеличилось на 2,4 процента* (lenta.ru. 2019.12.19); *Не могу представить, как **родитель** может не знать, куда он ведет своего ребенка, а потом не спросить, о чем ребенок говорил на записи* (Коммерсант, 2019.11.24].

В. Нереперентное употребление:

*...отец такой же полноценный **родитель**, как и мать, и если семье комфортно, чтобы дома сидел отец, почему бы и нет?* (lenta.ru, 2019.12.16); *Поэтому я считаю, что женщина имеет право поговорить с ребенком не как **родитель**, а как человек со своими чувствами — и быть услышанной* (lenta.ru, 2019.11.06).

Как видно из приведенных иллюстраций, в конкретно-референтном употреблении (А) слово *родитель* содержит сему 'отец' и является номинацией мужчины. В нашем случае определенность гендерной семы подчеркивается кореперентными отношениями слова *родитель* с номинациями *отец* и *пенсионер*. На этом фоне исключением из правила выглядит обнаруженный нами контекст, где конкретным референтом слова *родитель* является женщина:

*До приезда врачей умершему пыталась помочь фельдшер — **родитель** одного из учеников* (gazeta.ru, 2019.11.14).

В данном случае слово *родитель* выступает в агендерном значении, однако нельзя отрицать неестественность сочетания *пыталась ... родитель* при вполне допустимом *пыталась ... фельдшер*. Полагаем, что слово *родитель* было употреблено под влиянием аналогии со словом *фельдшер* вместо грамматически более уместных *мать, мама, родительница*.

В обобщенно-референтном значении (Б) слово *родитель* является агендерной номинацией лица, имеющего потомство. Такое употребление широко представлено в дискурсе СМИ: на 100 произвольно взятых контекстов пришлось лишь 32 употребления слова *родитель* с гендерной семой. Показательно и то, что наиболее частотными, по данным газетного корпуса НКРЯ, являются безразличные к полу референта сочетания *оба родителя, каждый родитель, один родитель, другой родитель, любой родитель*. На агендерном значении основаны и пресловутые номинации *родитель 1, родитель 2*, которые, по некоторым данным, уже появились в российской коммуникативной практике¹.

В позиции логического предиката (В) существительное *родитель* не имеет референтной соотнесенности и является номинацией социальной роли. Показательна в этом плане прямая речь героев медийных публикаций: и мужчины и женщины, не испытывая никакого «гендерного» неудобства, употребляют слово *родитель*, когда приписывают себе эту социальную роль, например:

— *Как **родитель** я бы своего ребенка не пустила ни на одно ток-шоу* (Труд-7, 2010.07.11); *«Я сам как **родитель**, у которого сын пошел в пятый класс, могу сказать, что идеальная история — это когда ребенок утром приходит в школу, в половине девятого, и занят до семи вечера»*, — сказал Мединский (lenta.ru, 2015.09.02).

Медийный контент позволяет сделать вывод, что слово *родитель* не только не является устаревшим для современного носителя русского языка, но и практически лишено стилистической окраски. В условиях конкретной референции сам контекст, в котором это слово употребляется, может носить легкую ироническую окраску, если описывается в каком-то смысле

¹ См.: В России появляются бланки, где вместо «мама» и «папа» стоят «родитель 1» и «родитель 2». И это нормально // Весьма. URL: <https://vesma.today/news/post/11838-v-rossii-poyavlyayutsya-blank>

скандальная или полукриминальная ситуация, однако трудно утверждать, что эту окраску в текст привносит номинация *родитель*, например:

*На резкое замечание недовольного **родителя** блогерша отреагировала матом, чем привлекла внимание Балковского, который урегулировал конфликт парой ловких ударов* (lenta.ru, 2019.05).

В обобщенно-референтном и нереферентном употреблении существительное *родитель* является стилистически нейтральным.

Перейдем к характеристике функционирования существительного *родительница*, которое по отношению к существительному *родитель* выполняет функцию феминитива. Термином «феминитив» могут обозначаться любые производные номинации женщин (см., например: [Минеева, 2021, с. 446]), но здесь мы называем феминитивами такие существительные женского рода, которые образуются на базе существительных мужского рода с целью указания на пол денотата. По замечанию А. Бранднера, наличие феминитива на *-тельница(а)* обладает особой значимостью для существительных на *-тель*, поскольку «выделяет эту группу слов из неодушевленных существительных (ср. *двигатель*, *выключатель*, *проигрыватель*)» [Бранднер, 2003, с. 17].

Слово *родительница* существенно менее частотно, чем его коррелят *родитель*, – всего 606 вхождений (с формами множественного числа) в 566 документах. Это существительное функционирует как номинация референта женского пола или номинация социальной роли матери, что иллюстрируют данные ниже примеры.

А. Номинация конкретного лица, группы лиц или ограниченного множества лиц женского пола:

*Тогда **родительница**, посетовав на то, что все кругом куплено, написала новую жалобу и обвинила школу в пропаганде наркомании* (lenta.ru, 2018.03.14); *«**Родительницы**» считают, что таким образом у их Томми будет больше времени, чтобы «разобраться в себе...»* (Комсомольская правда, 2011.10.21; о паре лесбиянок. – авт.); *И ребенок отправился к маме домой. Стучалась, умоляла открыть. А эта мамочка взяла и не открыла. К таким **родительницам** у нас негативное отношение...* (Комсомольская правда, 2012.11.26).

Б. Номинация обобщенного лица женского пола:

*Чаще всего дочери спорят со своими **родительницами**, когда им от 20 до 30 лет — пока не создадут свою семью* (Труд-7, 2011.03.03).

В. Нереферентное употребление:

*Олимпийская чемпионка, пригорюнившись, ждет – с видом **родительницы**, у которой непоседливый ребенок заигрался на детской площадке* (Советский спорт, 2012.01.15).

Отметим некоторые стилистические особенности существительного *родительница*. Гендерная проблематика обусловила повышенный интерес не только лингвистов, но и широкой общественности к образованию и употреблению феминитивов, причем особый акцент делается на прагматике «женских» номинаций (см.: [Фуфаева, 2020]). Существительное *родительница* весьма интересно с этой точки зрения.

Уже говорилось, что словари сопровождают его пометами «устаревшее и просторечное» или «разговорное». Оценка «устаревшее и просторечное» совершенно утратила свою актуальность. Она не согласуется с использованием этого слова в нейтральных безоценочных контекстах, адресованных массовому читателю с расчетом на адекватное понимание, ср.:

*– Это не было пятичасовой лекцией, – рассказала **родительнице** директор 41-й гимназии Татьяна Кухарская. – Это была конференция для старшеклассников* (Новая газета, 2018.11.02).

Нередко оно употребляется с целью синонимической замены слов *мама*, *мать* для устранения нежелательного повтора:

*Надо заметить, что второго ребёнка в этой семье преспокойно укачивали в коляске, что, похоже, пошло только на пользу и **маме**, которая уже не валилась с ног от усталости,*

и ребёнку, который, в свою очередь, обрёл спокойную и жизнерадостную **родительницу** («100 % здоровья». 2003.01.15).

Некоторая стилистическая ограниченность слова **родительница** может быть связана с сопровождающим его коннотативным фоном, который, кстати, существенно изменился с течением времени. В текстах XIX в. (примеры ниже из основного корпуса НКРЯ) слово **родительница** было средством выражения почтительного отношения к референту, например:

*Вы изволите знать, как я вас уважаю, да мы же и не чужие друг другу: покойная моя матушка и ваша **родительница** были в свойстве* (М. Н. Загоскин, Москва и москвичи).

Более того, в публичной коммуникации оно использовалось как номинация особ императорской фамилии:

*Августейшая Моя **Родительница**, Императрица Александра Федоровна и Я просим передать жителям первопрестольной Нашу сердечную благодарность»* (Николай II, Московские вести, 1895.01.04 // «Русское слово», 1895); *Его Высочеству в 1858 году было одиннадцать лет, когда он сопровождал покойную **родительницу** свою, императрицу Марию Александровну, ехавшую на встречу императора Александра II, посетившего Олонецкую губернию* (К. К. Случевский, По Северу России).

В настоящее время, напротив, употребление этого слова в медийном и художественном дискурсах нередко сопровождается выражением иронии или негативной оценки по отношению к референту номинации, а также к описываемой ситуации в целом. Это хорошо иллюстрируют вышеприведенные контексты (см. А), а также примеры из художественных произведений:

– *Виолетта Ивановна, здравствуйте, – кинулась к ней в коридоре **родительница** – толстая, хоть и молодая женщина* (Маша Трауб, Ласточ...ка); *А за ней, вне очереди, некая очкастая **родительница** с громким дитем на руках* (Н. Б. Черных, Мелкая сошка // «Волга», 2009); *В доме не имелось даже телевизора и холодильника, потому что **родительница** пропила все* (Дарья Донцова, Доллары царя Гороха).

Выбор того или иного варианта номинации писателем обоснован задачей создания убедительного художественного образа, и в наших примерах именно слово **родительница** оказывается сопряженным с такими неприятными признаками, как *толстая, очкастая, пропила*.

Возможно, определенную роль в изменении коннотативного фона существительного **родительница** сыграла его внутренняя форма, делающая акцент на детородной и «кормящей» функции женщины, которая в контексте современных реалий уступает по социальной значимости функции нравственной воспитательницы ребенка. Полагаем, что ассоциация с женским типом нерадивой или чрезмерно пекущейся о своем ребенке «мамаши» и вызывает представление о сниженной стилистической окраске этого слова. В то же время сам факт употребления номинации **родительница** в журналистской практике, отражающей социальные представления о норме, говорит о движении этого слова к статусу нейтральной единицы. Показательны в этом смысле корпусные данные распределения по годам: в период с 1990 по 1997 г. отмечается резкий рост употреблений слова **родительница** в СМИ, до 2010 г. уровень употреблений остается достаточно ровным, с 2010 по 2015 г. отмечается некоторый спад, а с 2015 г. – рост числа употреблений.

Наконец, обратимся к слову **родители**, которое из трех рассматриваемых единиц обладает наибольшей частотностью (в газетном корпусе НКРЯ фиксируется 127 287 вхождений в 70 869 документах). Толковые словари не отмечают каких-либо ограничений в образовании множественного числа существительного **родитель**, однако очевидно, что форма **родители** как номинация множества отцов вряд ли реально используется говорящими из-за совпадения со словом **родители**, обозначающим совокупность отца и матери. Последнее является стилистически нейтральным существительным *pluralia tantum*. Рассмотрим примеры, когда слово **родители** функционирует как номинация референта, а также употребляется в нереферентном значении.

А. Номинация конкретного референта

Родители лауреата Нобелевской премии по физике **Жореса Алферова** были убежденными коммунистами, поэтому свое необычное имя ученый получил в честь французского социалиста Жана Жореса (lenta.ru, 2019.12.31); **Родители фигурантов дела** общаются между собой? Нет у семей взаимных претензий? Светлана: **Все родители** стали практически родственниками друг другу. Хотя, что скрывать, следователи до сих пор пытаются нас рассорить (lenta.ru, 2019.08.26).

Б. Номинация обобщенного референта:

Министр просвещения Ольга Васильева заявила, что **родители** в первую очередь, а не учителя, должны заниматься сексуальным просвещением детей (Московский комсомолец, 2019.12.24).

В. Нереперентное употребление

Он у нас никогда не просил денег на содержание семьи, жил на то, что у него было. Мы, **как родители**, конечно, находили возможность помочь, но никаких запросов особых у него не было (lenta.ru, 2019.08.26); «Мы **как родители**, как депутаты будем осуществлять мониторинг, и если где-то кто-то захочет провести Хэллоуин – извините, не поздоровитесь», – подчеркнул Милонов на пресс-конференции (Московский комсомолец, 2019.10.22).

Как видно из приведенных примеров, не во всех типах употребления существительное *родители* сохраняет значение совокупности отца и матери. В случае А это значение реализуется в полной мере, если референтом существительного являются родители одного человека (*родители Жореса Алферова*). Если референтом являются родители двух и более человек (*родители фигурантов дела, все родители*), то редукции подвергается как сема совокупности, так и сема бигендерности, поскольку объектом номинации в принципе могут быть различные сочетания мужчин и женщин, в том числе только отцы или только матери из неполных семей.

Если слово *родители* является номинацией обобщенного референта (Б), то оно, с нашей точки зрения, все-таки сохраняет значение совокупности отца и матери, так как это модель типовой семьи, хотя в состав этого обобщенного референта могут входить и входят реальные множества мужчин и женщин, не составляющих обязательной бигендерной совокупности.

В случае нереперентного употребления (В) слово *родители* является номинацией социальной роли. Актуализация бигендерной совокупности происходит, если данный признак себе приписывают представители конкретной семьи (первый пример в группе В). Если же в роли носителя признака выступает неопределенное множество лиц (второй пример в группе В), то значение бигендерной совокупности редуцируется.

Таким образом, системное лексическое значение существительного *родители* в полной мере реализуется только в том случае, если оно является 1) номинацией представителей одной конкретной семьи или 2) номинацией социальной роли, которую приписывают себе представители одной конкретной семьи. В остальных случаях значение разнополовой совокупности в большей или меньшей степени редуцируется до значения ‘лица, имеющие ребенка или детей’.

Заключение

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, у существительного *родитель* в современной речи явно оформилось не содержащее семы пола значение ‘человек, имеющий потомство’. Таким образом, пара *родитель – родительница* обнаруживает тенденцию к сближению с такими коррелятами по роду, как *учитель – учительница, журналист – журналистка, свидетель – свидетельница* и под. В этих парах существительные мужского рода «заклучают в себе общее понятие о человеке, обозначают его социальную или профессиональную принадлежность независимо от пола» [Бранднер, 2003, с. 14], тогда как в лексическом значении коррелята женского рода содержится сема женско-

сти, обуславливающая закреплённость слова за конкретным или обобщённым референтом женского пола. В целом наши наблюдения за употреблением существительного *родитель* подтверждают тезис о тесной связи функционирования парных по роду личных существительных с категорией определённости / неопределённости (см.: [Лазарев, Ласкова, 2008, с. 59–60]). В условиях конкретно-референтного употребления слово *родитель* определённо указывает на мужской пол обозначаемого лица, тогда как при обозначении обобщённого референта или при нереферентном употреблении указание на пол элиминируется.

Во-вторых, слова *родитель*, *родительница* претерпевают изменение стилистической окраски. Существительное *родитель* в значении ‘лицо, имеющее потомство’, безусловно, является стилистически нейтральной единицей. Его гендерно отмеченный лексико-семантический вариант ‘то же, что отец’ (ТСРЯ, с. 836) сохраняет разговорность, и в СМИ используется в контекстах, имеющих шутливо-ироническую или ироническую окраску. Существительное *родительница*, маркированное постоянной семейной принадлежностью, явно движется к стилистически нейтральной единице, что соответствует отмечаемой исследователями тенденции (см.: [Голубева, 2008, с. 26]; см. также о новообразованиях с суффиксом *-есс-* [Фуфаева, 2021, с. 835–838]). В немалой степени этому способствует дискурс СМИ, который, по выражению И. В. Фуфаевой, является благоприятной средой для феминитивов [Фуфаева, 2020], поскольку нацелен на лаконичное и точное сообщение информации. В то же время по контрасту с синонимами *мать* или *мама* существительное *родительница* нередко используется как средство снижения социального и личностного статуса референта.

В-третьих, отмеченные выше изменения в семантической структуре существительного *родитель* могут повлиять на лексико-морфологический статус существительного *pluralia tantum родителей*. Мы упоминали о малой вероятности образования и использования форм множественного числа существительного *родитель*, если оно выражает значение ‘отец’. Однако на базе значения ‘лицо, имеющее ребенка / детей’ форма множественного числа *родители* будет интерпретироваться уже не как ‘отцы’, а как ‘лица, имеющие ребенка / детей’. Сема ‘лица’, подразумевает как мужчин, так и женщин, но не предполагает непеременимой совокупности обоих гендерных смыслов. При отсутствии связи с конкретным референтом такая форма множественного числа становится неотличимой от слова *родители*, ср.: *Родители десятиклассников приняли решение помочь школе с приобретением компьютеров*. Таким образом, значение формы множественного числа *родители* «поглощает» значение омонима *pluralia tantum*, в связи с чем выделять отдельную лексему *родители* становится нецелесообразно. Значение ‘отец и мать по отношению к своим детям’ (ТСРЯ, с. 836) логично было бы отметить как лексико-семантический вариант формы множественного числа существительного *родитель*. В то же время, по нашему мнению, противодействовать размыванию лексической специфики и «понижению» словарного статуса единицы *родители* будет национальный концепт *РОДИТЕЛИ*, опирающийся на культурные традиции и менталитет носителей русского языка.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-грамматические проблемы. 6-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 384 с.
- Бранднер А. Особенности выражения категории рода у одушевленных существительных в русском и чешском языках // *Linguistica Brunensia – A* 51, 2003. URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/100022/A_Linguistica_51-2003-1_3.pdf?sequence=1 (дата обращения 23.01.2022).
- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высш. шк., 1972. 615 с.
- Голев Н. Д. «Общий род» и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность или агендерность // *Вестник Том. гос. ун-та. Филология*. 2013. № 6 (26). С. 14–28.

- Голубева С. С. Отражение категории гендера в семантике и грамматических формах одушевленных существительных // Вестник Юж.-Урал. гос. ун-та. 2008. № 1. С. 24–26.
- Кирилина А. В. Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного (по материалам национального корпуса русского языка) // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 12–29.
- Кирилина А. В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). С. 109–147.
- Лазарев В. А., Ласкова М. В. Категория рода личных существительных в коммуникативном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1 (1), ч. 2. С. 57–61.
- Минеева З. И. Феминитивы с суффиксом *-к(а)* // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное. М.: Флинта, 2021. С. 446–458.
- Фуфаева И. В. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: АСТ: Corpus, 2020. 304 с. [Электронная версия]
- Фуфаева И. В. Пилотесса, френдесса, готесса: активизация суффикса женскости *-есс(а)* в XXI веке // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное. М.: Флинта, 2021. С. 832–840.
- Хайрутдинова Г. А. Категория рода существительных в зеркале типологии языковых знаков // Филология и культура. Philology and culture. 2015. № 1 (39). С. 101 – 104.
- Хайрутдинова Г. А. Функционирование нестандартных грамматических единиц (на материале категории рода существительных) // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Труды и материалы Международной конференции: В 2 т. Казань: Казанский (При-волжский) федеральный университет, 2019. С. 244–249.
- Bing J., Bergvall V. The question of questions: Beyond binary thinking // Rethinking Language and Gender Research: Theory and Practice. 2014. P. 1–30. DOI 10.4324/9781315842745
- Kotthoff H. New Perspectives on Gender Studies in Discourse Analysis // Доклады Первой Международной конференции «Гендер: Язык, Культура, Коммуникация». М.: МГЛУ, 2001. С. 11–32.
- Poynton. C. Language and Gender. Making the Difference. Oxford: Oxford Uni. Press, 1990. 120 p.

Список словарей

- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 29.01.2022).
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1987. Т. 3. 752 с.
- Словарь Складневской – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской; Рос. акад. наук, Ин-т лингвистических исследований. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 701 с.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

References

- Arutyunova N. D. Predlozhenie i ego smysl: Logiko-grammaticheskie problemy [Sentence and its meaning: Logical and grammatical problems]. 6th ed. Moscow, LIBROCOM, 2009, 384 p. (in Russ.)
- Bing J., Bergvall V. The question of questions: Beyond binary thinking. *Rethinking Language and Gender Research: Theory and Practice*, 2014, p. 1–30. DOI 10.4324/9781315842745

- Brandner A.** Osobennosti vyrazheniya kategorii roda u odushevlennykh sushchestvitel'nykh v ruskom i cheshskom yazykakh [Features of the expression of the genus category in animated nouns in Russian and Czech]. *Linguistica Brunensia – A* 51, 2003. (in Russ.) URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/100022/A_Linguistica_51-2003-1_3.pdf?sequence=1 (accessed: 23.01.2022).
- Fufaeva I. V.** Kak nazyvayutsya zhenshchiny. Feminitivy: istoriya, ustroystvo, konkurentsia. [What are women called. Feminitives: history, structure, competition]. Moscow, AST: Corpus Publ., 2020, 304 p. [Electronic version] (in Russ.)
- Fufaeva I. V.** Pilotessa, frendessa, gotessa: aktivizatsiya suffiksa zhenskosti *-ess(a)* v XXI veke [pilotessa, frendessa, gotessa: activation of the suffix of femininity *-ess(a)* in the 21st century]. In: Aktivnye protsessy v sovremennom rusском yazyke: natsional'noe i internatsional'noe [Active processes in modern Russian: national and international]. Moscow, Flinta Publ., 2021, pp. 832–840. (in Russ.)
- Golev N. D.** “Obshchii rod” i gendernaya semantika russkikh imen sushchestvitel'nykh: bigendernost' ili agendernost' ["General genus" and gender semantics of Russian noun names: bigenderness or agenderness]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2013, no. 6 (26), pp. 14–28. (in Russ.)
- Golubeva S. S.** Otrazhenie kategorii gendera v semantike i grammaticheskikh formakh odushevlennykh sushchestvitel'nykh [Reflection of the gender category in semantics and grammatical forms of animated nouns]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University], 2008, no. 1, pp. 24–26. (in Russ.)
- Khairutdinova G. A.** Kategoriya roda sushchestvitel'nykh v zerkale tipologii yazykovykh znakov [Category of the genus of nouns in the mirror of the typology of language signs]. *Filologiya i kul'tura. Philology and culture*, 2015, no. 1(39), pp. 101–104. (in Russ.)
- Khairutdinova G. A.** Funktsionirovanie nestandartnykh grammaticheskikh edinits (na materiale kategorii roda sushchestvitel'nykh) [The functioning of non-standard grammatical units (on the material of the category of nouns)]. In: I. A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika [I. A. Baudouin de Courtenay and world linguistics]. Proceedings of the International Conference. In 2 vols. Kazan, Kazan (Volga) Federal Uni. Press, 2019, pp. 244–249. (in Russ.)
- Kirilina A. V.** Oboznacheniya genderno znachimoi leksiki v svete protivopostavleniya global'nogo i otechestvennogo (po materialam natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [Designations of gender-significant vocabulary in the light of the opposition between global and domestic (based on the materials of the national corpus of the Russian language)]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2019, no. 2 (40), pp. 12–29. (in Russ.)
- Kirilina A. V.** Gender i gendernaya lingvistika na rubezhe tret'ego tysyacheletiya [Gender and gender linguistics at the turn of the third millennium]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2021, no. 3 (49), pp. 109–147. (in Russ.)
- Kotthoff H.** New Perspectives on Gender Studies in Discourse Analysis. In: Doklady Pervoi Mezhdunarodnoi konferentsii “Gender: Yazyk, Kul'tura, Kommunikatsiya” [Reports of the First International Conference “Gender: Language, Culture, Communication”], Moscow, MSLU Press, 2001, pp. 11–32. (in Russ.)
- Lazarev V. A., Laskova M. V.** Kategoriya roda lichnykh sushchestvitel'nykh v kommunikativnom aspekte [Category of the genus of personal nouns in the communicative aspect]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2008, no. 1 (1), pt. 2, pp. 57–61. (in Russ.)
- Mineeva Z. I.** Feminitivy s suffiksom *-k(a)* [Feminitives with the suffix *-k(a)*]. In: Aktivnye protsessy v sovremennom rusском yazyke: natsional'noe i internatsional'noe [Active processes in modern Russian: national and international]. Moscow, Flinta Publ., 2021, pp. 446–458. (in Russ.)
- Poynton C.** Language and Gender. Making the Difference. Oxford, Oxford Univ. Press, 1990, 120 p.

Vinogradov V. V. Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (grammatical doctrine of the word)]. 2nd ed. Moscow: Higher School Publ., 1972, 615 p. (in Russ.)

List of Dictionaries

Evgenieva A. P. (ed.). Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. 3rd ed., stereotype. Moscow, Russian language, 1987, vol. 3, 752 p. (in Russ.)

Kuznetsov S. A. (ed.). Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Large interpretive dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint, 1998. In author's revision 2014. (in Russ.) URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed: 29.01.2022).

Shvedova N. Yu. (ed.). Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov [An interpretive dictionary of the Russian language with the inclusion of information on the origin of words]. Moscow, Azbukovnik, 2007, 1175 p. (in Russ.)

Sklyarevskaya G. N. (ed.). Tolkovyi slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya [Interpretive Dictionary of the Russian Language of the Late 20th Century. Language changes]. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Studies. St. Petersburg, Folio Press, 1998, 701 p. (in Russ.)

Yartseva V. N. (ed.). Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. entsiklopediya, 1990, 685 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Наталья Евгеньевна Петрова, доктор филологических наук, доцент

Scopus Author ID 57201131537

WoS Researcher ID V-5102-2018

SPIN 6720-7692

Анна Дмитриевна Комышкова, кандидат филологических наук

WoS Researcher ID V-5359-2018

SPIN 8177-4732

Information about the Authors

Natalia E. Petrova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Scopus Author ID 57201131537

WoS Researcher ID V-5102-2018

SPIN 6720-7692

Anna D. Komysheva, Candidate of Sciences (Philology)

WoS Researcher ID V-5359-2018

SPIN 8177-4732

Вклад авторов

Н. Е. Петровой выявлены семантические особенности гендерных коррелятов *родитель – родительница* в условиях разного референциального статуса, отмечены тенденции в изменении стилистической окраски слов.

А. Д. Комышковой описан формат реализации различных значений слова *родители*, отмечена возможность переоценки его лексического статуса.

Contribution of the Authors

Natalia E. Petrova revealed semantic features of gender correlates *родитель – родительница* in conditions of different referential status, marked trends in changing the stylistic coloring of words.

Anna D. Komyshkova described the format of the implementation of various meanings of the word *родители*, noted the possibility of revaluation of its lexical status.

*Статья поступила в редакцию 20.02.2022;
одобрена после рецензирования 03.12.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted on 20.02.2022;
approved after reviewing on 03.12.2022; accepted for publication on 05.12.2022*

Научная статья

УДК 811.124'25

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-53-63

Измерение семантической эквивалентности перевода поэтического текста

Полина Алексеевна Сикацкая¹

Иван Александрович Реморов²

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ Новосибирский государственный медицинский университет
Новосибирск, Россия

¹ p.sikatskaia@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8711-6254>

² i_remorov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5583-4588>

Аннотация

Рассматривается проблема многократно переведенного текста на примере 55 переводов оды Горация «К Левкое» с латинского языка на русский. Для сравнительной оценки эквивалентности множественных переводов предлагается использовать метод количественного подсчета, причем метрическая, культурно-историческая и семантическая эквивалентность оценивается по отдельным градуированным шкалам. В статье последовательно дается методика измерения семантической эквивалентности переводов и представлен обзор результатов анализа по трем аспектам. Полученные значения позволили выявить некоторые тенденции: 1) высокоэквивалентный перевод не обязательно эстетически приятен; 2) стремление к достижению эквивалентности переводчиков XVIII–XIX вв. менее выражено, чем у более современных авторов; 3) культурно-исторический аспект в переводах доминирует над семантикой по степени эквивалентности.

Ключевые слова

переводоведение, семантика, компонентный анализ, эквивалентность, поэтический перевод, латинский язык

Для цитирования

Сикацкая П. А., Реморов И. А. Измерение семантической эквивалентности перевода поэтического текста // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 53–63. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-53-63

Evaluating the Semantic Equivalence of a Poetic Text

Polina A. Sikatskaya¹, Ivan A. Remorov²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ Novosibirsk State Medical University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ p.sikatskaia@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8711-6254>

² i_remorov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5583-4588>

Abstract

Purpose. Some texts have been translated into another language multiple times. There are various reasons to compile a new translation of a previously translated text: some translators are not satisfied with the accuracy of the existing

translations, while others try to create new interpretations. The study presents a comparative evaluation of translation equivalence on the base of one of Horace's odes, namely *Ad Leuconoën* (I:XI), and its 55 translations into Russian.

Results. Detailed study of the problem revealed the impossibility of postulating a single scale of translation equivalence; at least for translations of a Latin poetic text, metrical, cultural, and semantic equivalence should be considered separately. The article describes the semantic equivalence.

Our method is divided into two steps - semantic analysis and arithmetic calculations. First, in Horace's poem, we select 30 keywords, and then we define the actual semes for each of them in the original text and in the translations. Then we compare the semes and register the differences. At last, we determine the coefficient of semantic equivalence for every translation using the arithmetic means.

Conclusion. High semantic equivalence does not always correlate with aesthetic perception. Moreover, earlier translations tend to have lesser equivalence.

Keywords

translation, semantics, semantic analysis, equivalence, poetic translation, Latin language

For citation

Sikatskaya P. A., Remorov I. A. Evaluating the Semantic Equivalence of a Poetic Text. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 53–63. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-53-63

Введение

Существуют тексты, которые переводились на другой язык много раз, т. е. имеют не два-три перевода, а десятки. Это явление особенно актуально для поэтических произведений на древних языках: например, почти каждая из од (*Carmina*) Горация, поэта «золотого века» римской литературы, насчитывает как минимум 10–15 переводов на русский язык, а некоторые оды имеют и по несколько десятков переводов. В частности, нам известно более 50 поэтических переводов и переложений оды «*Ad Leuconoën*» («К Левконое») на русский язык, в том числе:

- 21 квазиэквивалентный перевод, стремящийся по-русски воспроизвести метрику оригинала – большой асклепиадов стих;
- 10 переводов с иной метрикой, но с сохранением количества строк оригинала (восемь);
- 21 перевод и переложение, отличающиеся по количеству строк (от 6 до 36);
- еще 3 стихотворения с аллюзиями, не являющиеся напрямую переводами, но основанные на образах и содержании оды «К Левконое».

При таком богатстве и разнообразии переводческой практики закономерно возникает вопрос о сопоставительной характеристике этих переводов. Может ли быть сформулирован некий критерий или несколько критериев, исходя из которых, мы бы произвели сравнение русских текстов и дали определенную оценку их соответствия оригиналу в количественном выражении?

Когда переводчик начинает составлять новый перевод текста, зная об уже существующих переводах, очевидны две его возможные мотивации: или переводчик не удовлетворен некоторыми деталями в существующих переводах и хочет уточнить их, или, наоборот, он пытается создать собственную интерпретацию текста, отличающуюся от прежних интерпретаций. Назовем это проблемой многократно переведенного текста. В исследованиях ее еще называют проблемой множественности перевода, и она входит в круг научных интересов таких исследователей, как Е. С. Шерстнева [2008], Р. Р. Чайковский [2008], В. В. Карапец [2017]. При этом разница между многочисленными переводами может быть как незначительной, так и кардинальной, однако каждый переводчик считает свой текст так или иначе эквивалентным оригиналу.

Согласно определению Л. С. Бархударова, эквивалентность – это «семантическая категория, реализующаяся в смысловом совпадении текстов на языке оригинала и на языке перевода» [1969, с. 3]. Однако понятие эквивалентности, как указывает З. З. Чанышева [2005, с. 63], является одним из наиболее дискутируемых в переводоведении. В. С. Виноградов [2001, с. 5], рассуждая о понятии эквивалентности в этом ключе, выдвигает такое мнение, что в теоретическом плане эквивалентность перевода является относительным понятием, и степень

относительности может быть весьма различной. Исходя из слов Виноградова, при рассуждении об эквивалентности перевода мы выделяем две проблемы.

Во-первых, многим читателям и исследователям свойственно оценивать перевод бинарно – как хороший или плохой, правильный или неправильный. В трудах по переводоведению и теории перевода нередко встречаются бинарные оценки, полярно характеризующие перевод, например, качественный / некачественный, хороший / плохой или удачный / неудачный [Латышев, 1981, с. 172]. Однако можно по-разному подходить к вопросу о том, с какого момента, по достижении какого уровня или параметра переводной текст можно считать эквивалентным оригиналу и при несоблюдении каких параметров текст эквивалентным считать нельзя. Поэтому будет более корректным отказаться от бинарной оценки эквивалентности и принять, что для нее возможны разные степени. С этим связано появление нескольких уровневых теорий эквивалентности, среди которых теория В. Н. Комиссарова [1990], В. Г. Гака [1998] и др. Однако подобный подход оказывается недостаточным при попытке оценить несколько десятков переводов одного и того же текста. На наш взгляд, эквивалентность перевода представляет собой скорее градуируемую шкалу, и ее степень можно измерить и оценить в количественном выражении.

Во-вторых, при изучении проблемы многократно переведенного текста становится очевидно, что невозможно свести сравнительную оценку эквивалентности переводов к единому критерию. Исследователи выделяют разные типы переводческой эквивалентности в зависимости от индивидуального опыта перевода или работы с переводами. Например, Ю. Найда, изучая переводы Библии, выделяет формальную и динамическую эквивалентность [Найда, де Ваард, 1998]. При высчитывании общей оценки по всем шкалам цель перевода нивелируется. В. Г. Гак [1998] в своей уровневой теории эквивалентности предполагает три уровня: формальный, смысловой и ситуационный. Однако исследователи обычно приводят ситуационные и литературные примеры из прозы. Мы же, работая именно с поэтическим текстом на латинском языке, выделим три независимых критерия эквивалентности перевода, учитывающих специфику материала:

- метрический – насколько в переводе сохраняются особенности латинского стихосложения, в частности метра и общей динамики;
- культурно-исторический – насколько точно передаются используемые исторические, религиозные и культурные реалии;
- семантический – насколько в переводе отражены важнейшие детали содержания текста.

Мы разработали методику, позволяющую оценить степень эквивалентности поэтического перевода по каждому из этих критериев. При ее использовании каждый отдельный перевод получает три коэффициента эквивалентности, показывающие место данного текста на каждой из трех шкал эквивалентности – семантической, метрической и культурно-исторической.

Результаты

В данной статье мы последовательно опишем предлагаемый способ оценки по одному из этих трех критериев, а именно по критерию семантической эквивалентности. Процесс работы представляет собой определенный алгоритм и делится на несколько этапов. Для примера возьмем стихотворение Горация «Ad Leuconoën» и его русские переводы.

I этап: композиционный анализ оригинала. Для этого нам нужно поделить стихотворение на смысловые компоненты – микротемы – и рассмотреть роль каждой микротемы в структуре данного поэтического текста, а также с позиции семантических ролей описать труднопереводимые фрагменты.

Стихотворение «Ad Leuconoën» описывает следующую ситуацию: между автором и девушкой по имени Левконоя идет диалог. Текст стихотворения содержит реплику автора в ответ на какие-то предыдущие действия или высказывания Левконои.

Приведем текст стихотворения с разделением на микротемы, сопроводив его подстрочным непоэтическим переводом, чтобы показать границы смысловых частей более точно. Этот перевод носит техническую цель и не будет учитываться нами далее в качестве сопоставительного материала наравне с поэтическими переводами.

(I) Tu ne quaesieris – scire nefas – quem mihi,
quem tibi
finem di dederint, Leuconoe. nec Babylonios
temptaris numeros. (II) ut melius quidquid erit
pati –
seu plures hiemes, seu tribuit Iuppiter ultimam,
quae nunc oppositis debilitat pumicibus mare
Tyrrhenum. (III) sapias, vina liques, et spatio
brevis
spem longam reseces. dum loquimur, fugerit
invida
aetas. carpe diem, quam minimum credula
postero
(Hor. I:XI. P. 15).

(I) Ты не ищи – знать грешно – который мне,
который тебе
конец боги дадут, Левконоя. И вавилонские
не испытывай числа. (II) Лучше, что бы ни
случилось, терпеть –
или многие зимы, или выделил Юпитер по-
следнюю,
которая ныне противолежащими камнями ос-
лабляет море
Тирренское. (III) Будь мудра, вина цеди, и
коротким сроком
долгую надежду отрезай. Пока говорим, убе-
жит завистливое
время. Срывай день, как можно меньше веря
следующему.

Резюмировать каждую микротему можно так:

- (I) не исследуй грядущее;
- (II) любое будущее лучше терпеть;
- (III) лови настоящее.

В первой части автор просит Левконою не гадать, т. е. не пытаться узнать будущее, потому что неясно, хорошее оно или плохое. Само же стремление к познанию грядущего осуждается, считается греховным. Древнеримский грамматик, комментатор Горация, Помпоний Порфирион (III в.) говорит, что Левконоя «подсчитывает дни по выгоде», в его интерпретации гадание девушки осуществляется с целью узнать дату смерти, например, чтобы успеть что-то сделать. А автор, по мнению Порфириона, советует ей, «отложив заботы о будущем, проживать всякий день радостной», а не испытывать судьбу.

Вторая часть посвящена терпению, поэтому будущее здесь оценивается скорее отрицательно, чем положительно. Будущее в сознании автора зависит от богов, а не от людей, а когда волны встречаются со скалами (с границей между богами и людьми), они возвращаются слабыми – такую метафору, по мнению Порфириона, использует Гораций, чтобы смягчить жестокий образ встречи человека со смертью.

В третьей, последней смысловой части поэт вновь возвращается к рассуждению о будущем, которому нельзя верить, потому что оно неизвестно. Вместо мыслей о нем автор советует Левконое ловить настоящее, потому что оно точно хорошее, и будущее не может на него повлиять.

У Горация также указано, как нужно «срывать день» (*carpe diem*): быть мудрой (*sapias*), цедить вина (*vina liques*), урезать долгую надежду кратким сроком (*spatio brevi spem longam reseces*), как можно меньше верить следующему дню (*quam minimum credula postero*). *Carpe* является обобщением этого комплекса действий и, по Порфириону, соотносится со срыванием плодов: «для того мы ловим, чтобы наслаждаться». Это в своих комментариях к оригиналу подтверждает и один из русских переводчиков – В. Г. Степанов. Он утверждает, что глагол *carpe* – метафора; в техническом смысле он употребляется при сборе плодов. Степанов приводит и пример на латинском: *carpĕre potum ab arbore* («срывать яблоко с дерева»). Поэтому буквально выражение следует перевести как ‘сорви день’, что отражает мировоззренческие взгляды Горация.

В результате композиционного анализа мы решили сфокусировать наше внимание на третьей смысловой части, поскольку в ней содержится основная идея текста, квинтэссенция всего содержания – выражение *carpe diem* и комплекс императивов (+ *credula*), связанных с ним.

II этап: семантический анализ выделенного основного фрагмента оригинала. Сначала мы определяем в этом тексте ключевые слова, в переводоведческой терминологии они называются единицами перевода (ЕП) – минимальными оперативными единицами, с которыми работает переводчик [Алексеева, 2004, с. 128]. Они необходимы для семантической достоверности при переводе.

(18) *sapias*, (19) *vina* (20) *liques*, (21) *et spatio brevi*
(22) *spem longam* (23) *reseces*. (24) *dum loquimur*, (25) *fugerit* (26) *invida*
aetas. (27) *carpe* (28) *diem*, (29) *quam minimum credula* (30) *postero*.

Затем, используя лексикографические источники, мы проводим компонентный анализ для каждого из ключевых слов третьей микротемы.

III этап: оценка семантической эквивалентности по единицам перевода в ключевом фрагменте. Мы составляем для каждого текста список соответствий для каждой единицы перевода и с помощью таблицы с процентилем оцениваем меру сохранности лексического (ЛЗ) и грамматического (ГЗ) значений. Эти различия позволяют нам указать проценты эквивалентности для каждого ключевого слова. Каждый шаг отклонения как в лексической, так и в грамматической семантике оценивается усредненно как понижение эквивалентности на 20 %.

В качестве примера рассмотрим матрицу значений для ЕП *sapias* и классифицируем переводческие трансформации (см. таблицу далее).

Грамматические переводческие трансформации

1. То же ГЗ – *sapias* (2sg praes. conj. act. – конструкция *conjunctivus imperativus* (jussivus)) переводится на русский язык пожеланием, ориентированным на ближайшее будущее. Перевод ‘будь мудрой’ / ‘будь мудра’ – единственный адекватный, синтаксически и грамматически точный вариант, согласно грамматике латинского языка С. И. Соболевского [2004, с. 196]. При этом прилагательное может быть как кратким, так и полным.

2. ГЗ немного иное – происходит сдвиг на одну грамматическую категорию или в пределах одной грамматической категории (‘стань мудрей’ – именная часть, выраженная прилагательным, принимает форму сравнительной степени, а не положительной, что не отражено в латинском тексте; ‘будь мудр’ – сдвиг по роду, в *sapias* не очевидно, так как глагол в данной форме не имеет различия по роду, но по контексту видно, что в оригинале обращение к лицу женского пола; ‘будь мудрейшей из всех’ – прилагательное употреблено в форме превосходной степени).

3. ГЗ значительно иное – происходит значительный грамматический сдвиг или меняется лексико-грамматический класс слова (‘будет мудрей’ – повелительное значение конъюнктива меняется на безличное; ‘мудро’ – меняется частеречная принадлежность; ‘мудрый’ – глагольная форма заменяется на прилагательное с постоянным признаком; ‘мудрость’ – глагольная форма заменяется на существительное).

Лексические переводческие трансформации

1. Лексема ближайшая по семантике – согласно лексикографическим источникам, наиболее точным вариантом перевода слова *sapias* является ‘будь мудрой’.

2. Лексема, совпадающая в неосновном значении, – мудрость, ум и разум семантически близки, следовательно, если мудрость – ближайшее значение, два других мы можем считать также близкими, но не основными (‘будь разумна’, ‘будь умницей’). В словарных статьях понятия разума и ума часто используются в качестве истолковательных для понятия мудрости.

Распределение вариантов перевода ЕП *sapias* в соответствии с процентной оценкой
Distribution of translations for *sapias* according to the percentage assessment

Возможные трансформации	Грамматическое значение		
	то же	немного иное	значительно иное
Лексема ближайшая по семантике	100 % Мудрой будь (2) Будь же мудра (3) Будь мудра будь мудрою Будь мудра, разумей	80 % Стань мудрей Будь же мудрей Будь мудрей, чем прежде Будь мудр Мудрее будь Будь ... мудрейшей из всех Будь же мудрей	60 % мудро будет мудрей (безлич.) мудрый Наша мудрость в одном
Лексема, совпадающая в основном значении	80 % Будь разумна (7) Будь разумной Будь же разумна Будь же умна Будь умна будь умной	60 % Будь умнее Будь мудрецом Будь умницей	40 % будь ты умней (условн. накл.)
Иное (смежное) значение	60 % Благоразумна будь	40 %	20 % ведь знаешь ты
Иное (с существенными отличиями) значение	40 % будь довольна 20 %	20 % Будь спокоен всякий час 0 %	0 %
Противоположное значение	Друг, не мудри	Не думая Не терзай понапрасну рассудок	-20 %

3. Иное (смежное) значение – смежным мы считаем значение, которое не имеет тесной связи с ближайшим значением, но входит с ним в одно семантическое поле ('благоразумна будь', 'ведь знаешь ты').

4. Иное (с существенными отличиями) значение – описываются значения, которые не связаны с ближайшим, но мы можем установить соответствие, какая ЕП была переведена, по грамматическим признакам и контексту ('будь довольна', 'будь спокоен').

5. Противоположное значение – случаи, когда ближайшее значение мудрости используется в качестве отрицательного, а отсутствие мысли и мудрости – положительно, соответственно полюса противопоставлений меняются местами, положительное становится отрицательным и наоборот ('не мудри' – мудрить в русском языке имеет семантику избыточности в отрицательном смысле; 'не думай' – четкое значение; 'не терзай понапрасну рассудок' – семантика терзания отрицательная).

IV этап: обобщение сведений для конкретного перевода.

Рассмотрим применение методики на примере фрагмента текста перевода, выполненного В. Язвицким (1948):

...Друг, не мудри, чашу пьянящую
Знай вином наполняй, к радостям дня время завистливо.
Миг лови! улетит – завтра не жди счастья случайного.
Что заглядывать вдаль! Кратки пути к тягостной старости.

Для каждого ключевого слова приведем соответствие из данного перевода и проценты эквивалентности по данному слову.

- *Sapias* – интерпретировано как 'не мудри' – 20 %, так как ГЗ немного иное (деепричастие вместо императива), а ЛЗ – противоположное оригинальному.
- *Vina* – переведено как 'вином' – 80 %, так как изменено число, но по семантике единица близка.
- *Liques* – интерпретировано как 'наполняй' – 40 %, так как ГЗ совпадает (глагол в повелительном наклонении), а ЛЗ существенно отличается.
- *Spem* – не переведено и не интерпретировано – 0 %.
- *Reseces* – не переведено и не интерпретировано – 0 %.
- *Carpe* – переведено как 'лови' – 80 %, так как грамматически изменений нет, но лексема совпадает в неосновном значении.
- *Diem* – интерпретировано как 'миг' – 60 %, так как ГЗ передано без изменений, а ЛЗ отличается от основного, но является смежным.
- [*Quam minimum*] *credula* – интерпретировано как 'не жди' – 60 %, так как грамматически передано соответствующе, но ЛЗ смежное.
- *Postero* – переведено как 'завтра' – 80 %, так как использована лексема ближайшая по семантике, но ГЗ изменено (часть речи).

Общий коэффициент семантической эквивалентности перевода определяется как среднее арифметическое по эквивалентности ключевых слов. Для перевода В. Язвицкого он составляет 44,4 %. Таким образом, перевод В. Язвицкого низкоэквивалентен – около 70 % других переводов этого стихотворения обладают более высокой семантической эквивалентностью.

Спектр семантической эквивалентности у различных переводов довольно широк. По итогам проведенных подсчетов все 55 русских поэтических переводов стихотворения «Ad Leucopoëon» были сгруппированы нами по коэффициенту их семантической эквивалентности следующим образом.

1. Наиболее высокоэквивалентные переводы (выше 85 %) – 3 текста: XX в. – С. В. Шервинский (2 версии); XXI в. – Г. М. Север.

2. Относительно высокоэквивалентные переводы (70–84,9 %) – 11 текстов: без даты – Т. Азаркович; XVIII в. – Г. Р. Державин; XIX в. – В. Г. Зубков, XX в. – Н. Павлинова,

В. Я. Брюсов, Н. С. Гинцбург, А. П. Семёнов-Тян-Шанский, В. С. Шатерников; XXI в. – М. Лаонен, А. Ю. Кокотов, Д. Смирнов-Садовский.

3. Умеренно эквивалентные переводы (50–69,9 %) – 19 текстов: без даты – Глусский; XIX в. – В. С. Филимонов (2 версии), А. А. Фет, А. Тамбовский, Г. А. Головков, В. Лебедев; XX в. – П. Ф. Порфиоров, А. Ф. Малиновский, А. Рогович, В. Байкин, М. К. Павлова, В. А. Алексеев, П. Черкашин; XXI в. – К. Ершов, В. Г. Степанов, Д. Белокрылова, Н. Кормилицина, А. О. Корчагин.

4. Низкоэквивалентные переводы (20–49,9 %): – 17 текстов: XVIII в. – М. Н. Муравьёв; XIX в. – В. В. Капнист, С. А. Тучков, В. В. Крестовский, А. А. Блок; XX в. – В. Опочинин, В. Язвицкий, О. Седакова, Б. Ван Розен, М. Щербаков; XXI в. – А. Немировский, Е. Рубашкин, А. М. Пупышев, В. Валиевский, А. Субетто, С. Л. Егоров, И. А. Реморов.

5. Крайне низкоэквивалентные переводы (ниже 20 %) – 5 текстов: XVIII в. – 2 перевода неизвестных авторов; XXI в. – А. Евдоксин, Д. Литвинов, Е. Михайлик.

Выводы

Приведем несколько наблюдений об итогах оценки семантической эквивалентности (СЭ) и соотношения ее с культурно-исторической (КИЭ) и метрической (МЭ) эквивалентностью, которые тоже измерены нами по схожей методике.

Три вида эквивалентности могут коррелировать друг с другом, а могут и не коррелировать. Так, некоторая часть текстов показывает значительное отличие в уровне СЭ (т. е. в передаче основного сообщения стихотворения) и КИЭ (т. е. в сохранении реалий стихотворения). Среди текстов с высокой СЭ при сравнительно низкой КИЭ следует отметить эквиритмический перевод В. Г. Зубкова 1898 г. (СЭ 80 % и МЭ 100 %, при КИЭ 58,93 %) и переложение Г. Р. Державина 1798 г. (СЭ 75,56 %, при МЭ 49,02 % и КИЭ всего 21,43 %). Можно сказать, что эти авторы старались сохранить прежде всего мысль Горация, передавая ее более доступными для современного читателя образами. Среди обратных примеров, т. е. текстов с высокой КИЭ при довольно низкой СЭ, выделим перевод П. Ф. Порфиорова 1902 г. (КИЭ 92,86 % и МЭ 97,22 %, при СЭ 57,78 %), «подражание» Д. Белокрыловой 2013 г. (КИЭ 96,43 %, МЭ 68,85 %, при СЭ 57,78 %), а также в особенности приведенный выше эквиритмический перевод В. Язвицкого 1948 г. (КИЭ 92,86 % и МЭ 100 %, однако СЭ всего 44,44 %).

Сопоставление коэффициентов КИЭ и СЭ для каждого отдельно взятого текста показывает, что 43 из 55 переводов демонстрируют более высокий уровень КИЭ по сравнению с СЭ, и лишь в 12 текстах семантическая эквивалентность превышает культурно-историческую. Это означает, что большинство переводчиков считают сохранение образов (КИЭ) более предпочтительным, чем сохранение основного содержательного посыла текста (СЭ).

В подборке есть два случая, когда два текста перевода принадлежат одному и тому же переводчику, и второй текст представляет собой переработку первого. Коэффициенты эквивалентности позволяют оценить, что изменилось при этой переработке. Оба примера «парных» переводов показывают неизменность СЭ и изменение уровня КИЭ, хотя и с совершенно разными намерениями. Так, знаменитый переводчик античной литературы середины XX в. С. В. Шервинский во второй версии своего перевода повысил КИЭ с 82,14 до 92,86 %. А В. С. Филимонов в середине XIX в. переработал свой первоначальный текст (КИЭ 82,14 %), адресовав его в переложении В. Ф. Тимковскому (КИЭ 21,43 %), при этом СЭ обеих версий одинакова и составляет 63,33 %.

Одним из неожиданных наблюдений становится то, что формально наиболее далекая от оригинала группа текстов, стихотворения с аллюзиями на Горация, по семантической эквивалентности оказывается сопоставимой с переложениями. Среди крайне низкоэквивалентных текстов стихотворения с аллюзиями показывают уровень СЭ наравне с многими переложениями, а стихотворение М. Щербакова 1987 г. по своей СЭ (37,78 %) оказывается даже выше,

чем эквилинеарные переводы В. В. Крестовского 1862 г. и Б. Ван Розена 1979 г. (у обоих СЭ 35,56 %).

Если расположить все изучаемые переводы по хронологии их создания, то переводы XVIII и начала XIX в. по преимуществу значительно более низкоэквивалентны, чем поздние. Это означает, что ранние переводчики стремились передать самый общий смысл, адаптировать стихотворение для неподготовленного читателя, тогда как переводчики последующего времени стремились создать более точную его версию.

Разумеется, большинство читателей задастся вопросом, какой же из русских переводов «Ad Leucoпоён» обладает наибольшей семантической эквивалентностью. Ответом на этот вопрос является группа наиболее высокоэквивалентных переводов. Все эти тексты являются заодно и эквиритмическими (МЭ 100 %), что показывает стремление переводчиков сделать текст максимально эквивалентным по всем параметрам. Это, во-первых, выполненные в середине XX в. два перевода С. В. Шервинского (СЭ 93,33 %, КИЭ во второй редакции 92,86 %), во-вторых, появившийся уже в XXI в. перевод Г. М. Севера (СЭ 97,78 %, КИЭ 96,43 %). Вероятность того, что кому-то удастся создать русский перевод этого стихотворения Горация с еще более высокими показателями эквивалентности, можно считать ничтожной. Тем не менее даже после публикации текстов Шервинского и Севера новые переводы оды «К Левконое» на русский язык продолжают появляться в большом количестве, и они явно не стремятся к высокой эквивалентности. Очевидно, более высокая эквивалентность и большая точность вовсе не означают субъективно более высокой читательской оценки, равно как и наоборот, менее эквивалентный перевод вовсе не обязательно воспринимается как менее качественный. Однако исследование субъективной оценки читательского восприятия уже выходит за рамки нашей работы и может являться одной из перспектив исследования.

Список литературы

- Алексеева И. С.** Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004, 352 с.
- Бархударов Л. С.** Уровни языковой иерархии и перевод // Тетради переводчика. М.: Высш. шк., 1969. Вып. 6. С. 3–12.
- Виноградов В. С.** Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
- Гак В. Г.** Языковые преобразования. М., 1998. 763 с.
- Комиссаров В. Н.** Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
- Карапец В. В.** Переводная множественность: заимствования или случайные совпадения переводческих решений (на примере переводов «Madame Bovary» на русский язык) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2017. № 5. С. 143–153.
- Латышев Л. К.** Курс перевода (эквивалентность и способы ее достижения). М.: Междунар. отношения, 1981. 248 с.
- Найда Ю. А., Ваард Я. де.** На новых языках заговорят (Функциональная эквивалентность в библейских переводах). / Пер. Е. Л. Алексеевой и Е. Д. Савенковой. СПб., 1998. 272 с.
- Соболевский С. И.** Грамматика латинского языка. Часть теоретическая. Морфология и синтаксис. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. 430 с.
- Чайковский Р. Р.** Основы художественного перевода (вводная часть): Учеб. пособие. Магадан: Изд-во СВГУ, 2008. 182 с.
- Чанышева З. З.** Понятие эквивалентности с этнокультурных позиций. // Вестник Башкир. ун-та. 2005. Т. 10, вып. 2. С. 63–66.

Шерстнева Е. С. Переводная множественность как категория переводоведения: история, статус, тенденции // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 73-1. С. 526–532.

Список источников

- Квинт Гораций Флакк: переводы и материалы // Carmina I XI: переводы. URL: <http://www.horatius.ru/index.xps?3.111#13> (дата обращения 03.08.2022).
- Язвицкий В.** «Левконая, увы, тщетно пытатъ мудрость халдейскую!...» // Гораций. Избр. оды. М., 1948. С. 81.
- Hauthal F.** Acronis et Porphyrius commentarii in Q. Horatium Flaccum. Sumptibus J. Springeri, 1866, vol. 1, pp. 41–42. (на лат.)
- Pezzana N.** Q. Horati Flacci. Opera, denuo emendata. Amsterodami. Sumptibus societatis. 1697, p. 15. (на лат.)

References

- Alekseeva I. S.** Vvedenie v perevodovedenie [Introduction to translation studies]. A manual for philology and linguistics students]. St. Petersburg, SPbSU Press; Moscow, Akademiya, 2004, 352 p. (in Russ.)
- Barkhudarov L. S.** Urovni yazykovoi ierarkhii i perevod [Levels of the language hierarchy and translation] In: Tetradi perevodchika [Textbooks of a translator]. Moscow, Vysshaya shkola, 1969, iss. 6, pp. 3–12. (in Russ.)
- Chaikovskiy R. R.** Osnovy khudozhestvennogo perevoda (vvodnaya chast') [Fundamentals of literary translation (introductory part)]. A manual. Magadan, NESU Press, 2008, 182 p. (in Russ.)
- Chanysheva Z. Z.** Ponyatie ekvivalentnosti s etnokul'turnykh pozitsii [The concept of equivalence from an ethnocultural perspective]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University]*. 2005, vol. 10, iss. 2, pp. 63–66. (in Russ.)
- Gak V. G.** Yazykovye preobrazovaniya [Language transformations]. Moscow, 1998, 763 p. (in Russ.)
- Komissarov V. N.** Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Theory of translation (linguistic aspects)]. Textbook. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, 253 p. (in Russ.)
- Karapets V. V.** Perevodnaya mnozhestvennost': zaimstvovaniya ili sluchainye sovpadeniya perevodcheskikh reshenii (na primere perevodov "Madame Bovary" na russkii yazyk) [Translation multiplicity: borrowings or coincidences of translation solutions (on the example of translations of *Madame Bovary* into Russian)] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 9: Filologiya [The Moscow University Bulletin. Series 9. Philology]*, 2017, no. 5, pp. 143–153. (in Russ.)
- Latyshev L. K.** Kurs perevoda (ekvivalentnost' i sposoby ee dostizheniya) [Course of translation (equivalence and ways to achieve it)]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1981, 248 p. (in Russ.)
- Naida E. A., Waard J. de.** Na novykh yazykakh zagovoryat (Funktsional'naya ekvivalentnost' v bibleiskikh perevodakh). [New languages will be spoken (Functional equivalence in biblical translations)]. Transl. by E. L. Alekseeva, E. D. Savenkova. St. Petersburg, 1998, 272 p. (in Russ.)
- Sobolevsky S. I.** Grammatika latinskogo yazyka. Chast' teoreticheskaya. Morfologiya i sintaksis. [Grammar of the Latin language. The theoretical part. Morphology and syntax]. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1953, 430 p. (in Russ.)
- Sherstneva E. S.** Perevodnaya mnozhestvennost' kak kategoriya perevodovedeniya: istoriya, status, tendentsii [Translation multiplicity as a category of translation studies: history, status, trends] *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*

[*Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*], 2008, no. 73-1, pp. 526–532 (in Russ.).

Vinogradov V. S. Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy). [Introduction to translation studies (general and lexical issues)]. Moscow, 2001, 224 p. (in Russ.)

List of Sources

Hauthal F. Acronis et Porphyryonis commentarii in Q. Horatium Flaccum. [Akron and Porphyryon's comments on Horace]. Sumptibus J. Springeri, 1866, vol. 1, pp. 41–42. (in Lat.)

Pezzana N. Q. Horati Flacci. Opera, denuo emendata [Works again corrected]. Amsterodami. Sumptibus societatis. 1697, p. 15. (in Lat.)

Quintus Horace Flaccus: translations and materials. In: Carmina I XI: translations. (in Russ.) URL: <http://www.horatius.ru/index.xps?3.111#13> (accessed: 03.08.2022).

Yazvitsky V. “Levkonoya, uvy, tshchetno pytat' mudrost' khaldeiskuyu!..” [“Leukonoya, in vain to torture the wisdom of the Chaldeans!..”] In: Horace. Fav. odes. Moscow, 1948, p. 81. (in Russ.)

Информация об авторах

Полина Алексеевна Сикацкая, аспирант

Иван Александрович Реморов, кандидат филологических наук

Information about the Authors

Polina A. Sikatskaya, Postgraduate Student (Philology)

Ivan A. Remorov, Candidate of Sciences (Philology)

Вклад авторов:

П. А. Сикацкая – разработка методики исследования, сбор и анализ материала, подготовка текста статьи.

И. А. Реморов – научное консультирование, разработка методики исследования, систематизация результатов, доработка текста статьи.

Contribution of the Authors:

Polina A. Sikatskaya developed the methodology and approaches, collected and analyzed sources, prepared the text of the article.

Ivan A. Remorov guided the research process, developed the methodology and approaches, summarized results, contributed to prepare the final text of the article.

Статья поступила в редакцию 03.08.2022;

одобрена после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 28.09.2022

The article was submitted on 03.08.2022;

approved after reviewing on 23.09.2022; accepted for publication on 28.09.2022

Научная статья

УДК 811.511.24; 811.511.23; 81-112

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-64-73

К этимологии презумптивного показателя энецкого языка *-to*: заимствование из нганасанского

Анна Юрьевна Урманчиева

Институт лингвистических исследований Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

urmanna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3045-3807>

Аннотация

Рассматривается этимология энецкого эвиденциального показателя *-to*, выражающего значение презумптива (говорящий не наблюдал ситуацию лично; суждение является предположением, основанным на общих знаниях о мире). Предлагается сопоставлять его с нганасанским показателем *-BTA* (выступающим в интраклитической либо энклитической позиции), который употребляется в вопросительных предложениях либо маркирует предположение. В статье дается обзор употреблений данных форм. Показано, что историческая фонетика не позволяет считать энецкую и нганасанскую морфемы восходящими к единой праформе. Энецкий показатель может рассматриваться как заимствованный из нганасанского. Это предположение подкреплено рядом фонетических параллелей.

Ключевые слова

самодийские языки, историческая грамматика, этимология, эвиденциальность, презумптив, энецкий язык, нганасанский язык

Благодарности

Исследование поддержано грантом РНФ № 22-28-01975 «Историческая грамматика самодийских языков»

Для цитирования

Урманчиева А. Ю. К этимологии презумптивного показателя энецкого языка *-to*: заимствование из нганасанского // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 64–73. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-64-73

On the Etymology of the Enets Presumptive Marker *-to*: Borrowing from Nganasan

Anna Yu. Urmanchieva

The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

urmanna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3045-3807>

Abstract

Purpose. The article considers etymology of the evidential marker *-to* of the Forest and Tundra Enets which expresses the presumptive meaning (the speaker did not witness the situation, and his judgment on it is an assumption based on general knowledge).

Results. Enets suffix is compared to Nganasan clitic *-BTA* (used either as intraclitic or as enclitic), which is used primarily in interrogative sentences and also marks the assumption. The article gives an overview of semantics of the compared forms of Enets and Nganasan, as well as an overview of their morphosyntactic and morphophonological

© Урманчиева А. Ю., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 64–73

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 64–73

properties. However, historical phonetics does not allow to consider the Enets and Nganasan morphemes as going back to a common protoform. The Enets marker can rather be considered as borrowed from Nganasan. This conclusion can be supported by the fact that the same phonetic correspondence is observed in a number of undoubted lexical borrowings from Nganasan into Enets. The article provides a list of such words.

Conclusion. It would be even more accurate to say that the Enets presumptive forms are a material-structural borrowing from Nganasan. Namely, not only a morpheme *per se* is borrowed from Nganasan into Enets: synthetic Enets presumptive forms are an exact structural analogue of the corresponding Nganasan forms.

Keywords

Samoyedic languages, historical grammar, etymology, evidentiality, Enets language, Nganasan language

Acknowledgements

The research is funded by the Russian Science Foundation, the project no. 22-28-01975 “Historical Grammar of the Samoyedic Languages”

For citation

Urmanchieva A. Yu. On the Etymology of the Enets Presumptive Marker -to: Borrowing from Nganasan. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 64–73. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-64-73

Введение

Грамматическое значение презумптива относится к сфере косвенной эвиденциальности. Как известно, эвиденциальность маркирует различные типы доступа говорящего к информации о ситуации, формы косвенной эвиденциальности употребляются в том случае, если говорящий не наблюдал ситуацию лично или не участвовал в ней. Наиболее известные классификации эвиденциальных значений см. в работах [Плунгян, 2011, с. 473; Aikhenvald, 2004]. В классификации В. А. Плунгяна интересующие нас значения определяются термином *презумптивные*: презумптив маркирует «утверждения о ситуации, делаемые говорящим не на основании конкретных наблюдаемых результатов, а на основании знания определенных причинно-следственных связей» [Плунгян, 2011, с. 473]). В работе А. Айхенвальд используются термины *assumed evidential* или *assumption*, эти показатели описываются как маркирующие утверждения, основанные на свидетельствах иных, нежели наблюдаемые, результатах: они могут включать логические умозаключения, предположения или же просто общие знания¹ [Aikhenvald, 2004, p. 63]. Таким образом, показатель презумптива позволяет говорящему маркировать такой источник информации как выводы, основанные на общих знаниях о мире.

В тундровом и лесном энецком языках представлен показатель презумптива -to. Он употребляется несколько по-разному, поэтому материал каждого из языков будет рассмотрен по отдельности. Употребление этого показателя в тундровом энецком впервые описано в [Labanauskas, 1987], позже – в [Künnap, 2002]. В обеих работах для тундрового энецкого выделяются четыре формы презумптива – две синтетических и две аналитических. Примеры ниже цитируются по второй из указанных работ, а также (при отсутствии ссылки) по неопубликованным текстам, записанным Е. А. Хелимским.

Презумптив в тундровом энецком

Первая форма презумптива (далее обозначается как аорист презумптива) имеет показатель -ta (в формах субъектного спряжения и объектного спряжения при объекте единственного числа) / -te (в формах объектного спряжения при объекте множественного числа и рефлексивного спряжения):

(1) tie-δuʔ	ñixiʔa-aʔ	eodubone	me-ki-tuʔ	mole
олень-[PI]3PI	сильным.быть.Аор-s3PI	в.это.время	чум-LatPI-3PI	уже

¹ «...based on evidence other than visible results: this may include logical reasoning, assumption, or simply general knowledge» [Aikhenvald, 2004, p. 63].

tā-tte-δo?

дойти-Pres.Aor.Rfl-r3P

‘Олени у них сильные, в это время они уже **должны доехать** до дома’ [Künnap, 2002, p. 146]

- (2) *mole side d'ere pi-saj ed'uδa-ba?* *teni-hone-ni tasla-bo*
уже два день ночь-Comit ехать.на.нарте.Aor-s1Pl ум-Loc-1 считать.Aor-o1
ekko-hodo me-ni a-se tōna side korohomi a-tta-Ø
это-El чум-Gen.1 быть-NLoc наверное два перегон быть-Pres.Aor-s3
‘Мы едем на нартах уже двое суток. В уме я подсчитал, что мой дом, **наверное, находится** в двух перегонах отсюда’ [Künnap, 2002, p. 147].

Вторая форма (ниже обозначается как претерит презумптива) имеет показатель *-toba* (в формах субъектного спряжения и объектного спряжения при объекте единственного числа) / *-tobe* (в формах объектного спряжения при объекте множественного числа и рефлексивного спряжения):

- (3) *d'aha-?* *baro-ne sanike-?* *lebuj-ηa-t'i,* *mi-ggua*
река-Gen берег-LocAdv чайка-Pl летать-Aor-s3Pl.Praet что-Emph
tonea-toba-Ø
иметься-Pres.Praet-s3
‘На берегу чайки кружили, что-то там **было, должно быть**’ [Künnap, 2002, p. 147].

- (4) *me-kone-du?* *nau-du?* *nie-t'i* *sū-?* *tōna*
чум-Loc-3Pl слово-Acc.3Pl Neg.Aor-s3Pl.Praet слышаться-Сп наверное
nokoro-tobe-δo?
утихнуть-Pres.Praet-r3Pl
‘В их чуме не было слышно разговоров, **наверное**, они тогда уже **легли** (досл. утихли)’ [Künnap, 2002, p. 147].

Третья, аналитическая форма (далее обозначаемая как будущее время презумптива) состоит из дебитивного причастия смыслового глагола и бытийного глагола *a-* в форме аориста презумптива:

- (5) *bunu-δo* *ηó-l'io* *bine-do* *i-δo* *seruδo-?*
собака-AccPl.2 один-Lim веревка-Lat Neg-imp2 привязывать-Сп
toδ₁ t'ikohod₂ *каду-t'uδo-?* *a-tta-?*
потом_{1,2} ругаться-PtDeb-Pl быть-Pres.Aor-Pl
‘Собак одних на веревку (или Собак на одну веревку...) не привязывай, потом **они передерутся**’ [Künnap, 2002, p. 147].

Четвертая форма, также аналитическая (далее обозначается как ирреалис презумптива), состоит из ирреального причастия смыслового глагола и бытийного глагола *a-* в форме претерита презумптива:

- (6) *kāsa-j* *ire-šī* *a-bu-ta* *tejno* *i-t'uδoi-δo?*
муж-1 жить-PtPraet быть-VACond-3 так Neg-PtIrr-s1
a-toba-δo? *māeduro-?*
быть-PresPraet-s1 мучиться-Сп
‘Был бы жив мой муж, я так **не мучилась бы**’ [Künnap, 2002, p. 148].

Прокомментирую морфологический состав каждой из форм.

Форма аориста презумптива состоит из показателя презумптива *-to* в сочетании с показателем аориста *-ηa*, это сочетание закономерно преобразуется по правилам энецкой морфонологии: *-to-ηa > -to-a > -ta*, ср. формы аориста презумптива с формами аориста от глагола *toro* ‘закрыть(ся)’ с *o* в ауслауте (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление форм аориста презумптива
с формами аориста от глагольных основ на *-o*

Table 1

Comparison of presumptive aorist forms
with aorist forms from verbal stems ending in *-o*

Сопоставляемые единицы	Начальная форма	Основа аориста	
		субъектного спряжения и объектного спряжения при объекте единственного числа	рефлексивного спряжения и объектного спряжения при объекте множественного числа
Глагол с основой на <i>-o</i> <i>toro</i> ‘закрыть(ся)’	<i>toro-</i>	<i>tora-</i> , ср. форму о3 <i>toraḁa</i> ‘он закрыл его’	<i>tore-</i> , ср. форму opl3 <i>toreḁa</i> ‘он закрыл их’
‘презумптив’	<i>-to-</i>	<i>-ta-</i> , ср. форму о3 <i>torotaḁa</i> ‘он закрыл его, судя по всему’	<i>-te-</i> , ср. форму opl3 <i>toroteḁa</i> ‘он закрыл их, судя по всему’

Показатель презумптива в виде *-to* выступает также в составе показателя претерита презумптива *-to-ba*.

Показатель претерита презумптива *-to-ba* является составным. Первый его компонент – показатель презумптива, второй – показатель претерита, который из двух энецких языков представлен только в тундровом. В самостоятельном употреблении он имеет значение претерита интеррогатива (7) и является когнатом нганасанского показателя претерита интеррогатива *-HU*², см. (8):

(7) *T'ike me-kito tu-ba-do?*
тот чум-ElPl прийти-InterrPraet-s2
‘Ты из тех чумов пришел?’

(8) *Нерə ни-хы-мə дебтəзə-ʔ ману*
впереди Neg-InterrPraet-o1 рассказывать-Сп раньше
‘Раньше я об этом развѣ не рассказывал?’

Презумптив в лесном энецком

В лесном энецком сохраняется только аорист презумптива, причем эта форма всегда употребляется в сочетании с контрастивной энклитикой, прибавляющейся после лично-числовых показателей. Примеры употребления этой формы можно найти в [Урманчиева, 2018], здесь приведу только два примера: (9) иллюстрирует презумптивное значение, (10) –

² Нганасанские показатели приводятся в глубинно-морфонологической записи по: [Хелимский, 1994; Katzschmann, 2008; Wagner-Nagy, 2018]. В соответствии с принятой в указанных работах нотацией, для этого используются прописные буквы. Нганасанские примеры цитируются по текстам, представленным в корпусе <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/NgasanCorpus/search> и в хрестоматии [Katzschmann, 2008].

развившееся на базе презумптивного риторическое употребление, которое можно определить как ‘нерелевантное альтернативное предположение’:

- (9) *Оу, меа-ху-на мязза-сь кани-чу-хи, обу-хо*
 Excl невестка-Du-1Pl гостить-Inf уйти-Deb-s3Du что-Emph
каси-зи тонэ-та-м
 товарищ-Pl3Du иметься-Pres-s3Pl.Emph
 ‘Ну, наши две невестки, должно быть, в гости поедут, родня-то, **наверное, есть** у них’
 [Сорокина, Болина, 2005, с. 80, текст 13, предложение 129].

- (10) *Онэй нэ эчи кома-та-у, и-та-у,*
 настоящий женщина подросток хотеть-Pres-s3.Emph Neg-Pres-s3.Emph
јот бу-ди дязре-з
 вместе он-3Du пойти.Aor.Rfl-r3Du
 ‘Энецкая девочка **хотела ли, нет ли**, все равно вместе они пошли’ [Сорокина, Болина, 2005, с. 80, текст 13, предложение 115].

Итак, показатель презумптива в энецком имеет форму *-to*. При этом консонантные основы при прибавлении показателя презумптива требуют дополнительного эпентетического гласного после ауслаутного согласного, ср. формы презумптива от консонантных основ (табл. 2).

Таблица 2
 Формы презумптива от консонантных основ
 Table 2
 Forms of the presumptive from consonant stems

Значение глагола	Основа	Основа аориста презумптива
‘показаться’	<i>ođim-</i>	<i>ođi-o-ta- (< ođim-o-ta-)</i>
‘положить’	<i>pun-</i>	<i>pun-o-ta-</i>
‘дать’	<i>mis-</i>	<i>mis-o-ta-</i>
‘гореть’	<i>leider-</i>	<i>leider-o-ta-</i>

Такую же морфонологическую особенность имел показатель каузатива **-ptā*, ср. редкие формы эн. *от-* ‘съесть’ > *oota-* ‘накормить’ (< *ot-o-ta- < *ōm-â-ptā-*), нг. *уам-* ‘съесть’ > *уамэбту-* ‘накормить’ (*јат-э-рту- < âm-â-ptu- < *âm-â-ptā-*).

Учитывая эту морфонологическую особенность (появление эпентетического гласного при прибавлении презумптивного показателя к основам на согласный), а также глухой согласный энецкого презумптивного показателя, можно предполагать, что согласный *t* этого показателя отражает кластер *pt* (естественно, наряду с другими возможными кластерами с начальным шумным согласным). Я намеренно не предлагаю праформу для данного показателя, так как считаю, что в энецком он не является рефлексом какого-либо пра(северно)самодийского показателя, но появился в результате заимствования из нганасанского.

Клитика *-ВТА* в нганасанском

В нганасанском языке клитика *-ВТА* употребляется в основном в вопросительных предложениях и передает значение некоторой неуверенности³. В глаголе, как пишет Б. Вагнер-

³ «...is mostly used in interrogative sentences and expresses slight uncertainty» [Wagner-Nagy, 2018, p. 546].

Надь, она предшествует словоизменительным показателям [Wagner-Nagy, 2018, с. 546]. Эта клитика может употребляться и с другими частями речи, что сейчас нас не интересует.

В действительности ее позиционное употребление в глагольных словоформах несколько сложнее. В примерах (11)–(13) она занимает позицию перед словоизменительными показателями. В примерах (11)–(14) за клитикой -BTA следуют показатели интеррогативного ряда: презенс интеррогатива в (11) и (12), претерит интеррогатива в (13), будущее время интеррогатива в (14). Можно видеть, что по крайней мере в (11) и (12) интраклитики -BTA весьма близки по употреблению к презумптивным:

- (11) *Тә-тә-тә, маадя куні?иа-гүә кари?тү-ся буә-уу?*
 Excl почему как-Emph вилять-Inf говорить-InterrPraes[-s2]
Сырази? ня-н-ту дя, Сырази? надыбтә дя
 PN товарищ-Gen-3 к PN младший к
кәрбу-бта-уу-м (? вместо кәрбу-бта-уу-у) тәні?иа и-хүнү-нтә.
 хотеть-Pres-InterrPraes-s2 так быть-VACondFut-2
 ‘Почему ты как-то не прямо говоришь? Ты к Сырази младшему хочешь, что ли?’

- (12) *Сылиазә тә нәмсу-зу тәті сюсю-уәә-Ø,*
 не.знаю ну еда-3 вот закончиться-Interr.Excl-s3
уыитәту тәибә-бта-уу-Ø⁴.
 всё.ещё имется-Pres-InterrPraes-s3
 ‘Не знаю, еда у них кончилась или еще есть?’

- (13) *basubta-bu-η һи-бт'а-би-η*
 охотиться-Pres-InterrPraet-s3 Neg-Pres-InterrPraet-s3
 ‘Ты охотился или нет?’ [Katzschmann, 2008, S. 536]

- (14) *тә-тә, әм-күма-чә курәд'и-? һана?сан-ә-? i-һи-түн*
 Excl этот-Emph-Pl.2 какой-Pl человек-Pl быть-VACond-3Pl
кони-бт'а-тә-и-и-м d'а-дә-туң.
 пойти-Pres-Fut-InterrPraes-1 к-3Pl
 ‘Ну-ка, ну-ка, что же это за люди? Может, мне пойти к ним?’ [Wagner-Nagy, 2018, p. 547]

В примере (15) интраклитика -BTA предшествует показателю претерита индикатива, в примере (16) – показателю будущего времени индикатива, в примерах (17) и (18) – показателю условного деепричастия, одной из функций которого в самодийских языках является оформление вопроса, ср. первую клаузу в примере (14):

- (15) *Маадя маа-гәliche хелыны нилы-уы-ри?*
 почему что-Emph иногда жить-InterPraes-s2Du
Хүәтә кәруза-чи немы-чи деди-чи куә-бта-суәдеә-?
 всегда привыкнуть[-Pf]-r2Du мать-2Du отец-2Du умереть-Pres-Praet-s3Pl
 ‘Почему вы одни здесь живете? Совсем привыкли, мама и отец умерли, что ли?’

- (16) *küδ'a-kəl'it'ә-bü? һу?oj-kəl'it'ә babi һи-бт'а-?sјә-мј? коду-??*
 завтра-Emph-Emph один-Emph дикий Neg-Pres-Fut-r1Du убить-Сп
 ‘Уж завтра-то как это мы не убьем ни одного дикого [оленья]?!’ [Katzschmann, 2008, S. 78, Satz 1096]

⁴ Форма *тәибә-бта-уу-Ø* от глагола *тәйсә* (Сп *тәйбә-?*) показывает, что при прибавлении этой интраклитики к консонантным основам в нганасанском также требуется эпентетический гласный между консонантным ауслаутом и интраклитикой – как и в случае энецкого презумптива.

- (17) *куниа кай дя хезыты-ны-мы? тыминиа-гуму*
 какой сторона к идти-InterrPraes-s1Pl сейчас-Emph
хурсакиа-бта-би-ни??
 вернуться-Pres-VACond-r1Du
 ‘Интересно, в какую сторону мы едем сейчас, **может, возвращаемся** назад?’
- (18) *Куні-бта-ну-Ø толыбса-бта-би-на?*
 как.быть-Pres-InterrPraes-s3 обмануться-Pres-VACond-1
 ‘А **может**, мне **показалось?**’

Есть формы, в которых интраклитика занимает позицию после показателя времени, наклонения или эвиденциальности. Например, формы перфекта ⁵:

- (19) *сылы-зэ-мэ туй-ну-Ø? Эи, нюа-кү-мэ туа-’а-бта-’*
 кто-Dest-1 прийти-InterrPraes-s3 Excl ребенок-Dim-1Du прийти-Pf-Pres-r3
сылы-бтиа и-хү-тү
 кто-Pres быть-VACond-3
 ‘Кто ко мне пришел? О, ребенок наш, может быть, пришел, или, может быть, еще кто-то’.

При этом в перфекте личный показатель занимает позицию после *-БТА*, ср., например, *кунда-’а-бта-у* ‘ты уснул, что ли?’ (букв.: уснуть-Pf-Pres-s2). Но в том случае, если *-БТА* сочетается с показателем компаратива *-RƏKU* ‘как, подобно’, который может выражать также и эпистемическую оценку (ср. русское ‘похоже’), весь комплекс занимает финальную позицию в словоформе, ср. словоформы *муну-’а-сута-[-Ø]-бта-рагу* ‘похоже, будет говорить’ (букв.: говорить-Fut-Pres[-s3]-Comp), *мын-сыа-[-Ø]-бта-рагы* ‘похоже, прошла’ (букв.: идти-Praet-Pres[-s3]-Comp) или именную форму *надябта-зун-бта-рагу* ‘похоже, самый младший из них’ (младший-3Pl-Pres-Comp). Такая позиция нехарактерна для *-БТА* в одиночном употреблении, а также невозможна для показателя компаратива, который всегда занимает интраклитическую позицию на границе между словообразовательными и словоизменительными показателями. Возможно, комплекс *-БТА-RƏKU* сохраняет более архаичную внешнюю позицию, характерную, например, для знаменательного постпозитивного элемента в составе аналитической конструкции, тогда как показатель *-БТА* в одиночном употреблении прошел процесс превращения в интраклитику.

По крайней мере в современном нганасанском показатель *-БТА* в глагольных словоформах не слишком частотен: этот показатель тяготеет к интеррогативным контекстам, а, учитывая, что в нганасанском сформировался целый ряд грамматических интеррогативных глагольных форм, функциональной необходимости в показателе *-БТА* нет. Чаще всего он употребляется в текстах на вопросительном глаголе, основа которого совпадает с местоимением *маа-* ‘что’, как в примере (20). Как и в этом примере, он почти всегда комбинируется с последующим показателем интеррогатива *-ДУ*:

- (20) *дэрызы-ны-ры?, ма-бта-ну-ру?*
 болеть-InterrPraes-s2Pl что.быть-Pres-InterrPraes-s3Pl
 ‘то ли вы болеете, **то ли что** с вами’

⁵ Этот пример также иллюстрирует употребление показателя *-БТА* не на глаголе, а именно на местоимении ‘кто?’, см. предпоследнее слово в примере.

Этимология энецкого показателя презумптива

Для этимологизации энецкой морфемы со значением презумптива для нас показательнее всего формы типа тех, что представлены в примерах (11), (12), иллюстрирующих сочетание интраклитики *-BTA* с последующим показателем презенса интеррогатива *-DU* (который, в свою очередь, восходит к аористу индикатива), и в примере (13), иллюстрирующем сочетание интраклитики *-BTA* с последующим показателем претерита интеррогатива *-HU* (который восходит к претериту индикатива). Эти комбинации аффиксов можно сопоставить с энецкими презумптивными показателями: нганасанский *-BTA-DU* – с энецким *-ta* (происходящим из энецкого *-to-ŋa*)⁶, нганасанский *-BTA-HU* – с энецким *-to-ba*⁷. Семантически нганасанские и энецкие формы также весьма близки. Во всяком случае, нганасанские формы также выражают в некоторых примерах презумптивное значение, да и семантический переход от презумптивных значений к вопросам-предположениям, которыми представлены все остальные употребления нганасанского *-BTA*, довольно очевиден.

Тем не менее, энецкие и нганасанские составные показатели невозможно рассматривать как рефлексии общей праформы: нганасанский *A* в *-BTA* и энецкий *o* в *-to* не могут восходить к одному источнику. Но при этом такое соотношение гласных в показателе (нг. *A* = эн. *o*) встречается в заимствованиях из нганасанского в энецкий. Приведу еще несколько примеров такого вокалического соответствия.

Эн. *kod'e-*, нг. *kad'a-* – послелог со значением ‘около’. Оба послелога не имеют ни внутренней этимологии, ни очевидных внешних соответствий. На синхронном уровне форма сопоставляемых послелогов в тундровом энецком и нганасанском кажется достаточно близкой. Однако, если говорить о гипотетических праформах этих послелогов, праформа эн. *kod'e* может выглядеть как ***kārka*, ***kārša* либо как ***kānsa*, либо как ***kāŋka*, а праформа нг. *kad'a* может выглядеть как ***kaja* либо как ***keja*⁸. Более реальным выглядит предположение о заимствовании этого послелога из нганасанского в энецкий, в этом случае нг. *-d'* вполне мог бы соответствовать эн. *-d'*. Тогда надо признать, что нг. *a* соответствует эн. *o*. Такое же соответствие представлено еще в двух несомненных заимствованиях. Первое из них – эн. *toxorobu?* ‘теперь’ < нг. *taxariabi?*, *taxariabə* ‘теперь’. Если бы эти слова отражали единую праформу, не могло бы быть соответствия в интервокальной позиции эн. *-x* (который может восходить только к **k*) и нг. *-x* (который может восходить только к **p*). Второе – нг. *ася* ‘долганин’ > эн. *о́а* ‘долганин’ (в данном случае на направление заимствования однозначно указывает взаимное географическое расположение трех народов). Такое же соответствие гласных представлено в нг. *тануамса* ‘привыкнуть’, л. эн., т. эн. *tonem-* ‘привыкнуть’ (не следует смешивать с рефлексам **tānā-rā-* > т. нен. *tānara-* ‘наказать, выдрессировать’, л. нен. *тана́лашь* ‘наказать’, т. эн. *tonara-* ‘сделать передовым (олень)’), л. эн. *тонара-* ‘наказать’, нг. *танурумэ* (PtPassPfv) ‘ручной, прирученный’. То же соответствие, наконец, представлено в нг. *намтэру?* ‘привидение’, т. эн., л. эн. *nodoro-* ‘померещиться’.

Заключение

На основании проведенного анализа семантических, морфонологических и морфосинтаксических характеристик энецкого и нганасанского показателей, а также учитывая фонетиче-

⁶ Нг. *-DU* и эн. *ŋa* восходят к прасамодийскому показателю аориста **-ŋa*.

⁷ Напомню, что морфема *-ba* в составе энецкого показателя презумптива *-to-ba* представляет собой маркер претерита. Из двух энецких языков он представлен только в тундровом, и в самостоятельном употреблении он имеет значение претерита интеррогатива. Он является точным материальным соответствием нганасанского показателя претерита интеррогатива *-HU*, оба они восходят к праформе **-rā*.

⁸ Предлагаемые гипотетические реконструкции основываются на хорошо известных правилах рефлексии прасамодийских одиночных согласных и консонантных кластеров в нганасанском и энецком, ср., например, [Janhunen, 1977] или [Mikola, 2004].

ские особенности заимствований из нганасанского в энецкий, можно с высокой долей уверенности утверждать, что энецкий показатель презумптива *-to* является заимствованием из нг. *-BTA*. Возможно, даже точнее будет сказать, что энецкие формы презумптива являются материально-структурным заимствованием из нганасанского: из нганасанского в энецкий заимствуется не только изолированный показатель – синтетические энецкие формы презумптива являются точным структурным аналогом соответствующих нганасанских форм. Но при этом глагольные грамматические показатели, комбинирующиеся с заимствованной морфемой и имеющие соответствие в нганасанском, берутся из собственно энецкой морфологии.

Список сокращений

л. нен – лесной ненецкий; л. эн – лесной энецкий; нг. – нганасанский; т. нен. – тундровый ненецкий; т. эн. – тундровый энецкий; эн. – энецкий

1, 2, 3 – 1, 2, 3-е лицо; Acc – аккузатив; Aor – аорист; Cn – коннегатив; Comit – комитатив; Deb – дебитив; Dest – дестинатив; Dim – диминутив; Du – двойственное число; El – элатив; Emph – показатель с эмфатическим значением; Excl – междометие; Fut – будущее время; Gen – генитив; Imp – личные показатели императивной парадигмы; Inf – инфинитив; Interr – интеррогатив; Lat – латив; Lim – лимитатив; Loc – локатив; LocAdv – форма показателя локатива, используемая в наречиях и послелогах; Neg – вспомогательный отрицательный глагол; NLoc – отглагольное имя с локативным значением; o – личные показатели объектного спряжения; Pf – перфект; Pl – множественное число; PN – имя собственное; Praes – настоящее время; Praet – претерит; Pres – презумптив; PtDeb – дебитивное причастие; PtIrr – ирреальное причастие; PtPassPfv – пассивное перфективное причастие; PtPraet – причастие прошедшего времени; r – личные показатели рефлексивного спряжения; Rfl – показатель рефлексивного спряжения; s – личные показатели субъектного спряжения; VACond – условное деепричастие

Список литературы

- Плунгян В. А.** Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
- Сорокина И. П., Болина Д. С.** Энецкие тексты. СПб.: Наука, 2005. 350 с.
- Урманчиева А. Ю.** Формы со значением эпистемической модальности в энецком языке // Язык. Константы. Переменные. Памяти А. Е. Кибрика / Под ред. М. А. Даниэля и др. СПб.: Алетейя, 2018. С. 579–595.
- Хелимский Е. А.** Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка // Таймырский этнолингвистический сборник / Под ред. Е. А. Хелимского М.: РГГУ, 1994. С. 190–221.
- Aikhenvald A. Yu.** Evidentiality. Oxford: Oxford Uni. Press, 2004. xxvii + 452 p.
- Janhunen J.** Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianum Toimitteita, 17). Helsinki: Helsinki Uni. Press, 1977. 186 p.
- Katzschmann M.** Chrestomathia Nganasanica. Texte. Übersetzung. Glossar. Grammatik. Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2008. 604 S.
- Künnap A.** On the Enets evidential suffixes // Linguistica Uralica. 2002. Vol. 38, iss. 2. P. 145–153.
- Labanauskas K.** Die probabilativen Formen des Enzischen // Сов. финноугроведение. 1987. Т. 23. С. 275–284.
- Mikola T.** Studien zur Geschichte der Samojedischen Sprachen. Aus dem Nachlass herausgegeben von Beáta Wagner-Nagy. (Studia Uralo-Altaica. Vol. 45). Szeged: SzTE Finnisch-Ugrisches Institut, 2004. 175 S.

Wagner-Nagy B. A grammar of Nganasan. Leiden: Brill, 2018. 583 p.

References

- Aikhenvald A. Yu. Evidentiality. Oxford: Oxford Uni. Press, 2004, xxvii + 452 p.
- Helimski E. A. Oчерк морфологии i slovoizmenitel'noi morfologii nganasanskogo yazyka [Essay on morphophonology and inflectional morphology of the Nganasan language]. In: Helimski E. A. (ed.) Taymyrskii etnolingvisticheskii sbornik [Taimyr ethnolinguistic collection]. Moscow, Russian State Uni. for the Humanities, 1994, pp. 190–221. (in Russ.)
- Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianum Toimitteita, 17). Helsinki, Helsinki Uni. Press, 1977, 186 p.
- Katzschmann M. Chrestomathia Nganasanica. Texte. Übersetzung. Glossar. Grammatik. Norderstedt, Books on Demand GmbH, 2008, 604 S.
- Künnap. A. On the Enets evidential suffixes. *Linguistica Uralica*, 2002, vol. 38, iss. 2, pp. 145–153.
- Mikola T. Studien zur Geschichte der Samojedischen Sprachen. Aus dem Nachlass herausgegeben von Beáta Wagner-Nagy. (Studia Uralo-Altaica. Vol. 45). Szeged, SzTE Finnisch-Ugrisches Institut, 2004, 175 p.
- Labanauskas K. Die probabilistischen Formen des Enzischen. *Sovetskoe finnougrovedeniye*, 1987, vol. 23, pp. 275–284.
- Plungian V. A. Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira [The Introduction into Grammatical Semantics: Grammatical Meaning and Grammatical Systems of the World's Languages]. Moscow, Russian State Uni. for the Humanities Press, 2011, 672 p. (in Russ.)
- Sorokina I. P., Bolina D. S. Enetskie teksty [Enets texts]. St. Petersburg: Nauka, 2005, 350 p. (in Russ.).
- Urmanchieva A. Yu. Formy so znacheniem epistemicheskoi modalnosti v enetskom yazyke [Forms with the meaning of epistemic modality in Enets]. In: Daniel M. A. et al. (eds.). Yazyk. Konstanty. Peremennyye. Pamyati A. E. Kibrika [Language. Constants. Variables. In memory of A. E. Kibrik]. St. Petersburg, Aletaya Publ., 2018, pp. 579–595 (in Russ.)
- Wagner-Nagy B. A grammar of Nganasan. Leiden: Brill, 2018, 583 p.

Информация об авторе

Анна Юрьевна Урманчиева, доктор филологических наук
Scopus Author ID 57170923300
WoS Researcher ID A-3837-2016
SPIN 6787-0940

Information about the Author

Anna Yu. Urmanchieva, Doctor of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 57170923300
WoS Researcher ID A-3837-2016
SPIN 6787-0940

Статья поступила в редакцию 15.11.2022;
одобрена после рецензирования 21.01.2023; принята к публикации 23.01.2023
The article was submitted on 15.11.2022;
approved after reviewing on 21.01.2023; accepted for publication on 23.01.2023

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-74-82

К жанровой интерпретации сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Кисель»

Марина Андреевна Алякринская

Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Санкт-Петербург, Россия

alyakrinskaya-ma@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6581-2988>

Аннотация

Исследуется практически не изученная сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина «Кисель». В советском литературоведении ее центральный образ ассоциировался с русским мужиком, а проблематика сводилась к обличению «народной пассивности». Исходя из жанрового своеобразия «Киселя» как сказки-притчи, автор рассматривает ее в контексте публицистических циклов М. Е. Салтыкова 1870–1880-х гг., в которых писатель систематически обращался к темам хищничества, варварского уничтожения природных богатств России и бессилия русского дворянства перед новыми социальными вызовами. Сравнивая данную проблематику с художественной системой сказки, автор приходит к выводу, что ее центральные персонажи – «свинья», «кисель» и «господа» – соотносимы с понятиями «хищничества», патриархальной крестьянской России и уходящего с общественной арены культурного класса.

Ключевые слова

М. Е. Салтыков-Щедрин, «Сказки», «Кисель», притча, хищничество, свинья.

Для цитирования

Алякринская М. А. К жанровой интерпретации сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Кисель» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 74–82. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-74-82

On the Genre Interpretation of the Fairy Tale *Kissel* by Saltykov-Shchedrin

Marina A. Alyakrinskaya

The North-West Institute of Management
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
St. Petersburg, Russian Federation
alyakrinskaya-ma@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6581-2988>

Abstract

Introduction. The article explores the almost unstudied fairy tale *Kissel* by M.E. Saltykov-Shchedrin. There are no surveys on the story except for the writer's comments on collected works. The key concept of the tale (*kissel*) is identified by the Soviet literature as a Russian man, while the problem is limited to denouncing "peoples' lack of participation".

© Алякринская М. А., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 74–82

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 74–82

Results. As the genre of the tale *Kissel* is actually a parable, it is important to understand both literary and historical context. The historical context is represented by the rapid development of “wild” capitalism in post-reformed Russia, described in different publicistic series of 1870–1880s written by M. E. Saltykov-Shchedrin, as well as the emergence of the “Russian bourgeois” class (the satirist was very skeptical of the idea that the class could become a base for the new social order). The literary context is observed in the satirist’s works of 1870–1880s empathizing problems of predation, uncontrolled and merciless elimination of Russian natural resources, as well as the inability of Russian nobility to resist those social challenges. Those problems are characterized by the three main characters of the tale *Kissel*: the pig, the kissel and the lords personalizing concepts of “predation”, patriarchal peasant Russia, and the cultural class losing its positions in social life.

Conclusion. The author claims that the fairy tale *Kissel* by M. E. Saltykov-Shchedrin is the satirist’s peculiar warning that such uncontrolled embezzlement of the country’s wealth (i.e. the pig eating kissel) might lead to painful consequences for the Russian society.

Keywords

M. E. Saltykov-Shchedrin, “Fairy tales”, “Kissel”, parable, predation, pig

For citation

Alyakrinskaya M. A. On the Genre Interpretation of the Fairy Tale *Kissel* by Saltykov-Shchedrin. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 74–82. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-74-82

Введение

«Сказки» М. Е. Салтыкова-Щедрина – одно из наиболее изученных сочинений писателя. Однако, несмотря на большое количество работ и достаточно полные комментарии к этому циклу, многие тексты в нем до сих пор с трудом поддаются истолкованию. Такова самая маленькая по объему сказка «Кисель», написанная в январе-феврале 1885 г. Генезис этой сказки-миниатюры, по предположению С. А. Макашина, связан с пословицей «мужик простой – кисель густой»; ее основная проблематика сводится к обличению «народной пассивности» [Макашин, 1989, с. 374]. В. Н. Баскаков пишет, что в сказке, с одной стороны, «высмеивается крестьянская <...> податливость по отношению к социально-экономическому угнетению», а с другой – «говорится о печальных результатах вековой эксплуатации крестьян со стороны помещиков, а также и российских капиталистов, персонифицированных в образе “свиной”» [Баскаков, 1974, с. 469].

Заметим, что данная интерпретация, основанная на аллегории «мужик – кисель», не вполне согласуется с художественным целым сказки, в частности делает непонятным финал, в котором от киселя остались лишь «одни засохшие поскребушки» [Салтыков-Щедрин, 1974, т. 16, кн. 1. с. 177]¹. М. Е. Салтыков вряд ли мог предсказывать подобную судьбу русскому мужику, тем более что одновременно с «Киселем» опубликована сказка «Коняга» – «лирический монолог автора, исполненный беззаветной любви к народу...» [Баскаков, 1974, с. 468].

В комментариях к изданию «Сказок» в серии «Литературные памятники» приведена цитата [Баскаков, Бушмин, 1988, с. 267] из письма М. Е. Салтыкова В. М. Соболевскому – редактору «Русских ведомостей», в котором сатирик, высказывая свое мнение по поводу статьи Г. И. Успенского, использовал образы «Киселя»: «Успенского статью читал у Вас в газете и, признаться, нашел ее несколько необдуманною. Плохой он публицист, да и мыслитель не вполне исправный. <...> Верит в чудотворную силу крестьянского банка и радуется заведению 5 переселенческих станционных пунктов с 40-тысячным бюджетом на несколько сот тысяч переселенцев. <...>. А вот, когда окажется, что земля, купленная под влиянием увлечения, не дает столько выгод, чтоб покрыть ежегодные платежи, и когда, вследствие, начнутся продажи – тогда и окажется, что такое русский кисель. Способен ли он выработать из себя бланманже, или так навсегда и останется киселем» (т. 20, с. 173).

¹ В дальнейшем ссылки на М. Е. Салтыкова-Щедрина приводятся по этому изданию, с указанием в круглых скобках тома, книги и страницы.

При попытке объяснить мысль писателя посредством аллегории «мужик – кисель» получается, что речь в цитируемом фрагменте идет чуть ли не о революции: пробудится ли самосознание народа («выработает из себя бланманже») или не пробудится (и останется «киселем»). Представляется, что такое толкование невозможно, уже хотя бы потому, что подобные соображения М. Е. Салтыкову было бы странно высказывать в диалоге с В. М. Соболевским, западником-гуманистом, и тем более делать это в контексте письма, значительная часть которого посвящена обсуждению возможной покупки имения сатириком под Москвой. Смысл образов «Киселя» в приведенном отрывке другой, но для понимания этого смысла необходимо обратиться к текстам писателя.

Результаты исследования

Исследователи рассматривают «Кисель» либо как бытовую сказку [Макашин, 1989, с. 374], либо как притчу [Баскаков, 1974, с. 469]. По манере изложения, традиционным сказочным формулам и некоторым сюжетным ходам ² эта сказка стилизована под народную, но таковой не является, а вот признаки притчи в ней просматриваются отчетливо: сюжет не развернут и иносказателен; высока степень абстрагирования (действие происходит как бы «без декораций» [Аверинцев, 1971, с. 20]); композиция и система персонажей («субъектов этического выбора» [Там же]) сведены к минимуму, элементарны, что обеспечивает «предельную концентрированность» [Тюпа, 2014, с. 36], плотность слова. В качестве основных составляющих текст «Киселя» включает поучительный случай и сентенцию; присутствует и «нарративная интрига», требующая «активизации воспринимающего сознания» и «извлечения адресатом некоего ценностного урока» [Там же, с. 39].

В силу «притчеобразности» текст сказки представляет собой гипердинамичное повествование, легко распадающееся на композиционные части: исходную ситуацию (*Господа сами «объедались» киселем, да и другим на улице выставляли*); завязку (*Прискучил кисель господам, и они уехали «на теплые воды гулять», а кисель решили отдать свиньям*); кульминацию (*Свинья засунула «рыло в кисель по самые уши и на весь скотный двор чавкотню подняла. <...> Сытости, подлая, не знает: чуть замешкается кухарка, она уж хрюкает: “Подливай!” А ежели скажут: “Был кисель, да весь вышел””, – она и по углам, и по закоулкам, и под навозом мордой вышарит и уж где-нибудь да отыщет*) (т. 16, кн. 1, с. 176)); развязку (*«Ела да ела свинья и наконец все до капли съела», а господа «гуляли-гуляли, да и догулялись. <...> Приехали они домой, взялись за ложки – смотрят, ан от киселя остались только засохшие поскребушки*) (т. 16, кн. 1, с. 177)) и заключительную сентенцию (*«И теперь и господа, и свиньи – все в один голос вопиют: “Ели мы кисель, а про запас не оставили! Чем-то на будущее время сыты будем! Где ты, кисель, ау?”»*) (т. 16, кн. 1, с. 177)).

По справедливому утверждению С. А. Макашина, «Сказки» Салтыкова являются своего рода микрокосмом – «малым миром» всего творчества писателя [Макашин, 1989, с. 368]. Поэтому, несомненно, смысл притчи должен дублироваться семантикой других произведений сатирика, особенно 1870–1880-х гг.

Исторический контекст сказки «Кисель» – ситуация в России 1870–1880-х гг., связанная с бурным, неконтролируемым и грабительским развитием капитализма. После реформ 1860-х гг. на поверхность русской жизни вышел дух наживы, на общественной сцене появилась новая сила – буржуазия, складывающаяся из зажиточного крестьянства, купечества, мещанства и даже дворянства, многие представители которого, бросив имения, устремились за «длинным рублем». В циклах Салтыкова этого времени, таких, как «Благонамеренные речи», «Сборник», «Убежище Монрепо», «Круглый год» и других, описывается Россия, погруженная в жульничество, аферах, плутовстве – самых разнообразных махинациях, сопряжен-

² В начале «Киселя» можно разглядеть мотивы волшебной сказки: есть изначальная ситуация изобилия, отправка героя (героев) из дома, вредитель (свинья), беда (пожирание свиньей киселя), – но на этом сходство заканчивается.

ных с тем, что К. Маркс называл первоначальным накоплением капитала. По словам сатирика, наступило время, когда «выжимание гроша» сменилось «грабежом “отвлеченным”, не сопряженным с оханьями и криками, но дающим в несколько часов рубль на рубль» (т. 11, с. 158); когда мошенничество и воровство приобрели облик благонамеренности, а воровство среди бела дня «усложнилось до того, что сделалось неосязаемым, не допускающим мысли ни о поличном, ни об ответчике» (т. 12, с. 381). М. Е. Салтыков внимательно следил за финансово-экономической составляющей жизни страны, за громкими судебными процессами о расхищениях и мошенничествах – в его очерках фигурируют и дело «червонных валетов», и дело Струсберга, и дело Юханцева³. В очерке «Дети Москвы» сатирик иронически противопоставил прежнее величие Москвы ее новому «воровскому» облику; а в очерке «Дворянская хандра» заметил, что русский культурный человек, проходя путь от 1840-х гг. к 1880-м, вместо «храма славы» ненароком «попал в хлев» (т. 12, с. 484).

Образ «хлева» как пространства жизни близок символике «Киселя», в котором свинья – одно из основных действующих лиц, а также ключевых элементов, образующих сюжетную основу сказки. Свинья в сказке выступает в той же функции, что и «господа» – функции поедателя киселя, но, если господа ели кисель так, что на нем это не отражалось (он «никакого неудобства не чувствовал»); то свинья поглощает кисель варварски – без остатка и надежды на возобновление. «Свиное», хищническое начало в сцене уничтожения киселя подчеркивается всеми средствами поэтики произведения: грубой лексикой («рыло», «под навозом мордой вышарит»); звукоподражательной фонетикой («чавкотню подняла / чавкает да похрюкивает»); экспрессивным синтаксисом («сытости, подлая, не знает!»); реминисценцией формулы волшебной сказки («Покатаюся, поваляюся, господского киселя наевшись!»), напоминающей о ведьме, затаскивающей детей «совсем не на символическое пожирание»⁴ [Пропп, 1986, с. 111]. Немаловажно и то, что в кульминационном моменте поедания киселя множественные «свиньи» подменяются одной «свиньей», выступающей здесь уже в качестве символа хищничества – алчности, чревоугодия, прожорливости, наглости и агрессии.

Параллель «свинья – русская буржуазия» указывалась исследователями [Баскаков, 1974, с. 469], и такая параллель, безусловно, имеет место; ее можно увидеть во многих произведениях Салтыкова. В цикле «Убежище Монрепо», рассуждая о русском буржуа, сатирик отметил, что это совсем не тот европейский труженик-профессионал, который завоевал свое место в обществе «трудолюбием и пристальным изучением профессии», а просто «праздный, невежественный и притом ленивейший забулдыга, которому, благодаря слепой случайности, удалось уйти от каторги и затем слопать кишасные вокруг него массы “рохлей”, “ротозеев” и “дураков”» (т. 13, с. 352). Именно потому такой социальный хищник получил у сатирика наименование «чумазый» (тоже, кстати, напоминающее о свинье), и пришел этот чумазый – «с ног до головы наглый, с цепкими руками, с несытой утробой» (т. 13, с. 381) – в Россию совсем не для того, чтобы «новое слово» сказать, а чтобы «с неуголимой алчностью глотать, глотать, глотать...» (т. 16, кн. 2, с. 13).

³ «Червонные валеты» – члены «Клуба червонных валетов»; преступного сообщества 1860–1870-х гг., занимавшегося мошенничеством и подлогами и состоявшего преимущественно из дворян. Суд над «червонными валетами» состоялся в 1877 г.

Б. Г. Струсберг – железнодорожный магнат, получивший кредит в размере более 7 млн рублей в Московском ссудно-кредитном банке под залог ничем не обеспеченных ценных бумаг, что стало причиной краха банка в 1875 г.; судебные слушания по делу шли в октябре-ноябре 1876 г.

К. Юханцев – кассир Петербургского общества взаимного поземельного кредита, похитивший 2 млн 537 тыс. рублей; дело слушалось в январе 1879 г. Всем этим громким делам непосредственно посвящен очерк Салтыкова «Дети Москвы», упоминаются они и в других произведениях сатирика.

⁴ Эта сказочная формула в своем истинном виде использована Салтыковым в «Истории одного города»: «Баба-яга была не кто иное, как градоправительница, или, пожалуй, посадница, которая, для возбуждения в обывателях спасительного страха, именно этим способом путешествовала по вверенному ей краю, причем забирала встречавшихся по дороге Иванушек и, возвратившись домой, восклицала: “Покатаюся, поваляюся, Иванушкина мясца поевши”» (т. 8, с. 349).

«Чумазий» не имеет представления ни о каких «словах», ему неизвестны понятия «общество», «правда», «свобода», «отечество», известна только материальная выгода, «грош» (т. 13, с. 383). Салтыков и мысли не допускал, чтобы Деруновы, Колупаевы и Разуваевы могли стать элитой общества, «дирижирующим» классом, он считал, что эти новоявленные «столпы» неспособны ни к общественному, ни к культурному созиданию именно в силу хищнической природы: «Разуваев, заспанный и пахучий, буйный, бесшабашный, безвременно оплывший, с отяжелевшею от винного угара головой и с хмельною улыбкою на устах! Подумайте! да он в ту самую минуту, как вы, публицисты, призываете его: иди и володей нами! – даже в эту торжественную минуту он пускает враскос глаза, высматривая, не лежит ли где плохо?» (т. 13, с. 388)

В природе свинья всеядна: согласно Брэму, она ест всё, «даже падаль, мертвую дичь, человеческие трупы и трупы себе подобных», нередко пожирает собственных чад [Брэм, 1869, с. 44, 54]. Аналогично поступают и новые социальные хищники. У Салтыкова, чрезвычайно чуткого к языку, в «Мелочах жизни» приводится этимология слова «мирод» – это человек, который ест своих «однообщественников» (т. 16, кн. 2, с. 79). Аллегорическое сопоставление новых «столпов» общества с идеей «торжествующего свинства», нацеленного на поедание всего и вся, можно усмотреть и в очерке Салтыкова «Столп», где рассуждения Осипа Дерунова по общему смыслу и агрессивной логике развития напоминают рассуждения Свиньи, «чавкающей» Правду, в цикле «За рубежом».

Что поедает свинья? В ответе на этот вопрос, собственно, и заключается загадка сказки, так как кисель – ключевой и самый сложный ее образ. В сказочном фольклоре фразеологизм «молочные реки, кисельные берега» – знак материального благополучия, в языке – аналог достатка, изобилия [Захаренко, 2006, с. 386]. Кисель как «пища от земли» выступает в знаменитом «Сказании о белгородском киселе» из «Повести временных лет»; в русских пословицах, собранных В. Далем («Киселю да царю всегда место есть» [Даль, 1862, с. 903]); как магическая еда в заговорах: «Мороз, мороз! приходи кисель есть // Мороз, мороз! не бей наш овёс» [Сказания..., 1885, с. 116]). Характерно, что народным сознанием кисель воспринимался как еда, ассоциирующаяся с Россией; врагу киселя не положено («Видел Татарин во сне кисель, да ложки не было; лег спать с ложкой, не видал киселя») [Даль, 1862, с. 33]); при этом кисель – еда скудная, позволяющая лишь не умереть с голоду, и в этом смысле она также репрезентативна для российской крестьянской жизни: «Кисель ноги подьел»; «Кисель да сыта – бабья еда»; «Привел Бог киселем заговориться, так гущу на разговенье поставим» [Там же, с. 903–904].

У Салтыкова понятие «кисель», как представляется, недалеко отходит от фольклорной традиции; это сложный образ-символ, аккумулирующий в себе множество смыслов. Кисель – знак патриархальной России с ее великими природными богатствами и примитивной экономикой, одновременно это обозначение того жизненного минимального достатка, который даже при общей бедности большинства населения так или иначе всегда обеспечивали природные ресурсы страны. Кисель в сказке – что-то исконное, архаичное, это именно крестьянский, «пузырящийся» кисель, а не его европейские «бланманжейные» аналоги с крахмалом, модные во второй половине XIX в.: в поваренной книге 1875 г. для господ рекомендован «белый картофельный кисель, заменяющий бланманже» с миндалем и сливками, а вот овсяный кисель, фигурирующий в сказке Салтыкова, описывается в разделе «Еда для слуг». Интересно, что автор этой поваренной книги всячески преуменьшает достоинства русского киселя перед европейскими желе и бланманже, так, она пишет, что русский повар или кухарка редко сварят кисель удовлетворительно, дадут ему «надлежащую прозрачность, возвышающую его иногда до достоинства желе» [Авдеева, 1875, с. 334].

Литературным автокомментарием к сказке «Кисель» могут служить циклы М. Е. Салтыкова 1870–1880-х гг., в которых рассказывается о том, как хищнически «новым хозяином» разоряется, изничтожается патриархальная Россия. В очерках «Благонамеренных речей», к примеру, многократно повторяется мотив уничтожения дворянских усадеб, божественно

прекрасной природы во имя денег – мотив, позже нашедший воплощение в чеховском «Вишневом саде». В очерке «Кандидат в столпы» владелец старого имения (автобиографический герой-повествователь у Салтыкова) размышляет о судьбе сада: «И эти отливающие серебром тополи, и эти благоухающие липы, и эти стройные, до самой верхушки обнаженные от сучьев березы, неслышно помавающие в вышине своими включенными, чуть видными вершинами... Еще месяц – и старый чemezовский сад будет представлять собою ровное место, усеянное пенками и загроможденное полсаженками дров, готовых к отправлению на фабрику» (т. 11, с. 127).

В очерке «Опять в дороге» автор-повествователь едет по местам своего детства – и не узнает их. Когда-то здесь были сплошные «береженные» леса, но теперь «по обеим сторонам дороги лежат необозримые пространства, покрытые пенками» (т. 11, с. 218). Вообще весь очерк построен на сравнении прошлого с настоящим, причем настоящее представлено апокалиптически – «словно последние времена пришли» (т. 11, с. 218):

Прежде	Теперь
Весна, май: «...В это время скотина была уж сыта в поле, леса стонали птичьим гомоном, воздух был тих, влажен и нагрет. Выйдешь, бывало, на балкон – так и обдает тебя душистым паром распутившейся березы или смолистым запахом сосны и ели» (т. 11, с. 218).	«Пошли сиверки, холода, бездождица: земля трескается, а пару не дает. Шутка сказать: май в половине, а из полушубков не выходим!» (т. 11, с. 218).
«...Девки венки завивали, и дворянские дети, с букетами пионов, нарциссов и сирени, ходили в троицын день в церковь» (т. 11, с. 219).	«...Не то что пиона, а и дворянского дитяти по всей окрестности днем с огнем не отыщешь! Теперь семик на дворе, и не то что цветка не сыщешь, а скотина ходит в поле голодом» (т. 11, с. 219).
Усадьба помещика Григория Александровича Гололобова «кипела млеком и медом» (т. 11, с. 219).	«Ни одного цельного стекла, а в иных местах вместо стекол вмазана синяя сахарная бумага. Нигде – ни плетня, ни изгороди. Бывший перед домом палисадник неведомо куда исчез <...>; бывший “проспект” наполовину вырублен; бывший пруд зарос и покрыт плесенью, а берега изрыты копытами домашних животных; от плодового сада остались две-три полувыверзшие яблони, едва показывающие признаки жизни» (т. 11, с. 219).
Сам Григорий Александрович «белый да румяный» (т. 11, с. 221).	«...Старик в засаленном стеганом архалуке, из которого местами торчит вата. <...> На голове у него теплый картуз, щеки и губы обвисли, борода не брита, жидкие волосы развеваются по ветру; в левой руке березовая палка, которую он тщетно старается установить» (т. 11, с. 220–221).

Примеры можно умножать, сравнение «прежде – теперь» в очерке разворачивается, но в силу объема статьи привести весь материал не представляется возможным. Кроме того, похожие ситуации описаны и в других циклах. В «Убежище Монрепо» разоряется имение Ивана Косушкина: купивший его трактирщик «птицу на скотном перерезал, карасей в пруде выловил, скот угнал...»; в дальнейших планах нового владельца «дом распродавать, лес рубить»

и, наконец, пустое место «задешево» продать (т. 13, с. 379). Аналогичное сравнение встречается также в «Письмах к тетеньке»: «Парки вырублены, соловьи улетели, старая Анфиса давно свезена на погост. Ни волнующихся нив, ни синеющих вдали лесов, ни троек с малиновым звоном, ни кучеров в канаусовых рубашках и плисовых безрукавках – ничего нет!» (т. 14, с. 316).

Интересно, что не только Колупаевы и Разуваевы изничтожают мир вокруг себя, т. е. изверски поедают «кисель»; в «хищничестве» Салтыков обвиняет и администраторов «новой школы», которые с мыслью об управлении государством смешивают понятие о государственном «пироге»: «Мальчики, без году неделю вылезшие из курточек и об том только думающие, как бы урвать, укусить...» (т. 13, с. 417). Не случайно в первой, январской, главе цикла «Круглый год» появляется «провиденциальная» телеграмма, адресованная молодому «преспособному» коллежскому советнику Феденьке Неугодову: «Vendez Russie, vendez vite», «argent envoyez» / «Продавай Россию, продавай скорее», «деньги высылай» (т. 13, с. 408).

Итак, кисель – патриархальная Россия с ее природными богатствами; свинья – народившаяся русская буржуазия и сближающиеся с ней по аппетитам новые администраторы, которые используют административный ресурс фактически для того же грабежа страны. Есть в сказке и третья составляющая – господа, тоже в истоках своих сложный образ, восходящий к «культурным людям» в циклах сатирика.

О дворянстве как потерянном сословии идет речь во многих произведениях М. Е. Салтыкова 1870–1880-х гг.: лейтмотивом эта тема проходит в «Благонамеренных речах», непосредственно ей посвящен цикл «Убежище Монрепо». «Был, было, дворянин, да черт переменил!» (т. 11, с. 114) – говорит старый слуга Лукьяныч барину, приехавшему в усадьбу «кончить» (продать имение. – М. А.). В очерке «Опять в дороге» сатирик напишет, что с упразднением крепостного права помещиками «овладело какое-то страстное желание ликвидировать» (т. 11, с. 217); для них стали бременем «и вода, и небо, и земля, и даже собственный, приходящий к разрушению дом» (т. 11, с. 217). А «ликвидировать» означает продать задешево, получить денег – и бежать проживать эти деньги на Запад. Но, что характерно, бежать с мыслью, что Россия – это источник (кисель), который способен кормить всегда: «Нагуляемся вдосталь, а там, *если уж это непременно нужно* (курсив мой. – М. А.) и опять домой воротимся кисель есть» (т. 16, кн. 1, с. 176).

Отношение к «культурным людям» у Салтыкова неоднозначное; примером может служить очерк «Дворянские мелодии» из цикла «В среде умеренности и аккуратности», в котором писатель выступает одновременно и как прокурор, и как адвокат поколения 1840-х гг.: он обвиняет это поколение идеалистов в неприспособленности к жизни, в том, что оно даже и не пыталось сделать гуманистические социальные идеи реальностью, «утопии» были лишь средством «украсить» жизнь. Но, с другой стороны, в очерке высказывается и мысль о том, что экскурсии «в область униженных и оскорбленных» в принципе бесполезны: у человека, способного сочувствовать ближнему, есть некая нравственная опрятность, понятия о великодушии, совести, долге, самоотверженности, есть чувство стыда, – всё это позволяет ему не быть «совсем скотиною». Салтыков сам принадлежал к поколению 1840-х гг. и не мог ему не симпатизировать, но не мог и закрыть глаза на то, что многие из его сверстников забыли о своем общественном долге, и, главное, на то, что люди «тургеневского» поколения, предпочитающие слово делу, на практике совершенно бессильны противостоять хищничеству.

Заключение

Подведем итоги: о чем сказка-притча Салтыкова? Думается, о России – сказочно богатой стране, богатства которой бесконтрольно и в гигантских масштабах начали истребляться с приходом «дикого» капитализма, чему способствовала идеология хищнического предпринимательства, с одной стороны, и легкомысленная позиция «культурных людей», с другой. «Столпов» – расхитителей общественной и личной собственности – легион, поэтому они

и сливаются у Салтыкова в символический образ свиньи, пожирающей всё, что попадется на пути, и выступающей только с одним нехитрым лозунгом: «Подливай!» «Кисель» – это притча-предупреждение о том, что российские богатства не бесконечны. В этом отношении «Кисель» аналогичен сказке «Богатырь», тематическое задание которой также заключается в указании на печальные перспективы страны в случае сохранения такого положения дел.

Вернемся к цитате из письма М. Е. Салтыкова В. М. Соболевскому, к вопросу о том, что хотел сказать писатель с помощью образов сказки «Кисель». Судя по письму, Салтыков скептически относился к переселенческой политике правительства и к попытке властей таким образом наладить крестьянское хозяйствование в России. Безусловно, в случае успешного решения аграрного вопроса страна могла бы превратиться в цивилизованный Запад (вырабатывать из себя «бланманже»), а в случае неуспеха (который и предвидит Салтыков) она останется киселем, т. е. патриархальной Россией с ее колоссальными природными богатствами и неразвитой экономикой.

Салтыков, подводящий в 1880-е гг. жизненные итоги, в цикле «Сказок» мучительно размышлял о судьбах России, пытаясь предостеречь русское общество от путей, которые казались ему тупиковыми. Ведь, как заметил он в «Убежище Монрепо», «ни о чем не болит сердце такую острую болью, как об отечестве» (т. 13, с. 393).

Список литературы

- Аверинцев С. С. Притча // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 6. С. 20–21.
- Авдеева Е. А. Полная поваренная книга русской опытной хозяйки. СПб.: Изд. книгопродавца Д. Федорова, 1875. 507 с.
- Баскаков В. Н. Комментарии: М. Е. Салтыков-Щедрин. Сказки // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 16, кн. 1. С. 468–469.
- Баскаков В. Н., Бушмин А. С. Примечания к «Сказкам» // Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки. Л.: Наука, 1988. 279 с.
- Брэм А. Жизнь многокопытных и морских млекопитающих животных. СПб.: Изд. М. Хана, 1869. 210 с.
- Даль В. Пословицы русского народа. Издание Императорского общества истории древностей российских при МУ. М., 1862. 1095 с.
- Захаренко И. В. Молочные реки (и) кисельные берега // Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 385–387.
- Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. М.: Худож. лит., 1989. 526 с.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ. 1986. 362 с.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1965–1977.
- Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1885. 116 с.
- Тюпа В. И. Нарративная стратегия притчи в литературной традиции // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности: Коллективная монография. Новосибирск: ИИЦ НГУ, 2014. С. 34–78.

References

- Avdeeva E. A. Polnaya povarennaya kniga russkoi opytnoi khozyaiki [The Complete Cookbook of the Russian Experienced Housewife]. St. Petersburg, Izdanie knigoprodavtsa D. Fedorova, 1875, 507 p. (in Russ.)
- Averintsev S. S. Pritcha [Parable]. In: Kratkaya literaturnaya entsiklopediya [Brief literary encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1971, vol. 6, pp. 20–21. (in Russ.)

- Baskakov V. N.** Kommentarii: M. E. Saltykov-Shchedrin. Skazki [Comments: M. E. Saltykov-Shchedrin. Tales]. In: Saltykov-Shchedrin M. E. Collected works. In 20 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974. vol. 16, pt. 1, pp. 468–469. (in Russ.)
- Baskakov V. N., Bushmin A. S.** Primechaniya k “Skazkam” [Notes to “Tales”]. In: Saltykov-Shchedrin M. E. Skazki [Fairy tales]. Leningrad, Nauka, 1988, 279 p. (in Russ.)
- Brehm A.** Zhizn' mnogokopynykh i morskikh mlekopitayushchikh zhivotnykh [Life of multi-hoofed and marine mammals]. St. Petersburg, Izdanie M. Khana, 1869, 210 p. (in Russ.)
- Dal V.** Poslovitsy russkogo Naroda [Proverbs of the Russian people]. Izdanie Imperatorskogo obshchestva istorii drevnostei rossiiskikh pri MU. Moscow, 1862, 1095 p. (in Russ.)
- Zakharenko I. V.** Molochnye reki (i) kisel'nye berega [Dairy rivers (and) kissel banks]. In: Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka [Big phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ, 2006, pp. 385–387. (in Russ.)
- Makashin S. A.** Saltykov-Shchedrin. Poslednie gody [Saltykov-Shchedrin. The last years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989, 526 p. (in Russ.)
- Propp V. Ya.** Istoricheskie korni volshebnoi skazki [The historical roots of fairy tales]. Leningrad, Leningrad Uni. Press, 1986, 362 p. (in Russ.)
- Saltykov-Shchedrin M. E.** Collected works. In 20 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965–1977. (in Russ.)
- Skazaniya russkogo naroda, sobrannye I. P. Sakharovym [Tales of the Russian people collected by I. P. Sakharov]. St. Petersburg, Izdanie A. S. Suvorina, 1885, 116 p. (in Russ.)
- Tyupa V. I.** Narrativnaya strategiya pritchi v literaturnoi traditsii [The Narrative Strategy of the Parable in the Literary Tradition]. In: Pritcha v russkoi slovesnosti: ot Srednevekov'ya k sovmennosti: kollektivnaya monografiya [Parable in Russian literature: from the Middle Ages to the present: a collective monograph]. Novosibirsk, NSU Press., 2014, pp. 34–78. (in Russ.)

Информация об авторе

Марина Андреевна Алякринская, кандидат филологических наук
SPIN 1967-4160

Information about the Author

Marina A. Alyakrinskaya, Candidate of Sciences (Philology)
SPIN 1967-4160

*Статья поступила в редакцию 13.02.2023;
одобрена после рецензирования 23.02.2023; принята к публикации 25.02.2023
The article was submitted on 13.02.2023;
approved after reviewing on 23.02.2023; accepted for publication on 25.02.2023*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-83-97

Переписка Л. Н. Толстого и Ю. Ф. Самарина: новые контексты и проблемы взаимоотношений двух современников

Валерия Геннадьевна Андреева¹

Людмила Викторовна Калюжная²

^{1,2} Институт мировой литературы им. А. М. Горького

Российской академии наук

Москва, Россия

² Государственный музей им. Л. Н. Толстого

Москва, Россия

¹ lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

² kalyuzhnaya_54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3640-8783>

Аннотация

Анализируется переписка Л. Н. Толстого и Ю. Ф. Самарина, впервые вводятся в научный оборот и комментируются три письма Самарина к Толстому, хранящиеся в Отделе рукописей Государственного музея им. Л. Н. Толстого. В работе объясняются многие реалии и факты посланий указанных корреспондентов, осуществлена датировка трех вводимых в научный оборот писем с аналитическими разъяснениями их места и роли в общении Толстого и Самарина. Отмечается взаимное влияние, которое оказали Толстой и Самарин друг на друга, оцениваются их идейные сближения и расхождения, определяются некоторые новые аспекты отношения Толстого к славянофилам. Осмысливается роль Самарина в мировоззренческой и художественной эволюции Толстого.

Ключевые слова

Л. Н. Толстой, Ю. Ф. Самарин, переписка, научный комментарий, датировка, славянофилы

Благодарности

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00661 «Переписка Л. Н. Толстого с русскими писателями, литераторами и публицистами. 1860-е годы», <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>

Для цитирования

Андреева В. Г., Калюжная Л. В. Переписка Л. Н. Толстого и Ю. Ф. Самарина: новые контексты и проблемы взаимоотношений двух современников // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 83–97. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-83-97

Correspondence of L. N. Tolstoy and Yu. F. Samarin: New Contexts and Problems of Relations between Two Contemporaries

Valeria G. Andreeva¹, Lyudmila V. Kalyuzhnaya²

^{1,2} A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

² Tolstoy State Museum
Moscow, Russian Federation

¹ lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

² kalyuzhnaya_54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3640-8783>

Abstract

Purpose. The purpose of this article is an analytical study of the correspondence between Tolstoy and Samarin, the introduction into scientific circulation of three letters that are stored in the Department of Manuscripts of the State Museum of Leo Tolstoy in Moscow and have not been published until that time.

Results. The problem of creative and personal connections between Tolstoy and Samarin, their interaction and especially correspondence is comprehended in many ways. The authors of this article present a detailed scientific commentary on the letters of Tolstoy and Samarin, and explain many realities and facts that have not been given attention in Tolstoy studies. The dating of three Samarin's letters introduced into scientific circulation with analytical explanations of their place and role in the communication of correspondents has been carried out. The work uses biographical, comparative, historical and typological methods, hermeneutic and ontological methods.

Conclusion. Despite the fact that Tolstoy could not find a best friend in Samarin, as he really wanted in the early 1860s, it was thanks to communication with him that he deeply comprehended the ambiguity and complexity of a number of Slavophiles' beliefs in their application to real life.

Keywords

L. N. Tolstoy, Yu. F. Samarin, correspondence, scientific commentary, dating, Slavophiles

Acknowledgments

This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00661 "Correspondence of L. N. Tolstoy with Russian writers and publicists. 1860s", <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>

For citation

Andreeva V. G., Kalyuzhnaya L. V. Correspondence of L. N. Tolstoy and Yu. F. Samarin: New Contexts and Problems of Relations between Two Contemporaries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 83–97. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-83-97

Введение

Современные исследователи творчества Л. Н. Толстого справедливо замечают, что переписка знаменитого классика с русскими писателями, литераторами и публицистами до сих пор содержит немало непроясненных мест, требующих научного комментария. Большинство писем Толстого и к Толстому уже опубликовано (в Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого, в издании «Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями» в 2 томах, в советское время выдержавшем два издания [Толстой, 1928–1958; Л. Н. Толстой. Переписка..., 1978]), однако есть и такие ценные материалы, которые еще не были обнародованы. В частности, это касается писем к Толстому Юрия Федоровича Самарина (1819–1876) – русского публициста и общественного деятеля, славянофила, много сил и времени отдавшего работе по подготовке крестьянской реформы.

Несмотря на то что общение Толстого и Самарина не было очень продолжительным, а вся переписка между ними относится к 1860-м гг., Самарин на протяжении почти двух десятилетий оставался для Толстого одним из самых интересных и близких по духу и типу мышления людей. Переписка корреспондентов насчитывает всего 5 писем: сохранились три письма Са-

марина и два письма, написанные Толстым. Они позволяют глубже осмыслить взаимоотношения классика и общественного деятеля, уяснить некоторые важные аспекты литературной, культурной и политической жизни России времени великих реформ.

Целью данной статьи является аналитическое изучение переписки Толстого и Самарина, введение в научный оборот трех писем, которые хранятся в Отделе рукописей Государственного музея им. Л. Н. Толстого в Москве и до этого времени не были опубликованы. Авторами настоящей статьи представлен подробный научный комментарий к письмам обоих корреспондентов, объяснены многие реалии и факты, которым в толстоведении не уделялось внимания, осуществлена датировка трех вводимых в научный оборот писем с аналитическими разъяснениями их места и роли в общении Толстого и Самарина. В работе используются биографический, сравнительно-сопоставительный, историко-типологический, герменевтический и онтологический методы.

Взаимодействию и взаимоотношениям Толстого и славянофилов, отдельным идейным моментам творчества писателя, близким к славянофильскому направлению, не уделялось должного внимания в советское время. В последнее десятилетие этому вопросу посвящаются все больше интересных работ – М. А. Можаровой [2012; 2013], Ю. В. Лебедева [2021], Л. А. Сапченко [2020], А. Кавацца [1998], И. Ш. Юнусова [2014], И. Ю. Матвеевой [2022], С. А. Шпагина [2004] и др., однако указанное поле для изучения так велико, что проблема до сих пор остается актуальной. Еще больший пробел в литературоведении связан не просто с отношениями, а с перепиской Толстого и славянофилов. Проблема творческих и личных связей Толстого и Самарина, их взаимодействия и особенно переписки до сих пор не была в поле внимания ученых. Единственная статья, посвященная этой теме, – это работа М. А. Можаровой «Ю. Ф. Самарин и Л. Н. Толстой в литературно-эстетическом контексте эпохи» [2020]. Автор рассматривает литературно-эстетические споры 1840–1850-х гг., отношение к ним Толстого и Самарина, описывает историю взаимодействия писателя и общественного деятеля. Однако за рамками внимания М. А. Можаровой в этой содержательной работе остались некоторые важные аспекты взаимоотношений Толстого и Самарина, в том числе история их переписки.

Результаты исследования

Известно, что Толстой познакомился с Самариным в 1856 г. Впервые его имя упоминается в дневнике Толстого 23 мая 1856 г.: «Поехал к Юрию Самарину с Оболенским. Юрий Самарин очень мне нравится. Холодный, гибкий и образованный ум. Его звали обедать. Я уехал, обещаясь вернуться в 11» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 74]¹. Молодой, но уже признанный писатель в это время посещал Москву и Петербург не просто ради общения и развлечений, но в том числе и с целью выбора дальнейшего пути, достойного круга для делового и творческого сотрудничества. В русской критике, среди современников-литераторов так и осталось недооцененным толстовское «Утро помещика», вышедшее в 12 номере журнала «Отечественные записки» за 1856 г. Однако волновавшие писателя проблемы организации хозяйственной жизни, во многом чуждые Некрасову и Тургеневу как землевладельцам, активно поднимал Самарин – и как хозяин, и как государственный деятель. Среди статей, написанных до открытия Самарского губернского комитета 25 сентября 1858 г., есть его работа «О теперешнем и будущем устройстве помещичьих крестьян в отношениях юридическом и хозяйственном», в которой публицист пишет: «Нас, помещиков, пугает мысль не только новая, но даже несколько обидная для нашего самолюбия, что нам придется перевоспитывать самих себя, изменять свое обращение с окружающими нас людьми и перелаивать свои домашние привычки...» [Самарин, 1885, т. 3, с. 35]. Уже этот отрывок показывает сходство

¹ В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.

воззрений Самарина и Толстого в понимании ими в 1860-е гг. сложности трансформации замкнутой крепостнической системы, необходимости инициативных перемен.

Толстого привлекали в это время сильные личности, люди, способные стать учителями, вести за собой. Писатель в конце 1850-х и в 1860-х гг. усиленно искал *лучшего друга и союзника* сначала в Б. Н. Чичерине – примерно в 1858–1859 гг. [Андреева, 2023, с. 63], а потом и в Самарине. В 1862–1867 гг. Толстого притягивали начитанность, образованность Чичерина и Самарина, их государственная служба, мысль о необходимости быть полезным своей стране. Они придерживались различных взглядов, однако это не мешало общению либерала Чичерина и консерватора Самарина. Чичерин писал: «В Москве было несколько человек, которые умели хорошо говорить: Юрий Самарин, Черкасский, Голохвастов...» [Чичерин, 2010, т. 2, с. 67]. Примечательно, что из всего образованного общества Чичерин указывает только три имени и ставит Самарина на первое место.

Для либерала Чичерина был ненавистен *напускной* либерализм, он ожидал от властей утверждения прав и свобод личности. Отрицательно, как к пережитку прошлого, Чичерин относился к крестьянской общине, к произволу властей, к бюрократии, настаивал на том, что самодержавная власть уже выполнила в России свою основную задачу. Консерватор и славянофил Самарин, сходясь с Чичериным в негативной оценке крепостнического общества, наоборот, всеми силами призывал к реформам при сохранении дворянских прав, самодержавия, был противником принятия конституции, считая Россию еще не готовой к этому решительному шагу.

По нашему мнению, не случайно после охлаждения отношений Толстого с Чичериным, которое произошло во время заграничной командировки последнего и второй поездки Толстого в Европу [Андреева, 2023], Толстой обратился в сторону Самарина, в то время принимавшего реальное участие в подготовке Крестьянской реформы, отрицательно относившегося к западноевропейскому рационализму, апофеозу личности в европейской общественной жизни, писавшего о необходимости ликвидации крепостного права, но при сохранении прежних форм жизни во избежание потери крестьянами нравственных ориентиров, связи с землей, деревней, общиной. В статье «Два слова о народности в науке» Самарин писал: «...говоря о русской народности, мы понимаем ее в неразрывной связи с православною верою, из которой истекает вся система нравственных убеждений, правящих семейною и общественною жизнью русского человека» [Самарин, 1877, т. 1, с. 111].

И Самарин, и Чичерин были во многом уверенными в себе и упорными, готовыми к борьбе и отстаиванию своей правды общественными деятелями (это же качество, фактически даже упрямство, отмечали современники и в Толстом). Вступив 25 июня 1858 г. в Самарский губернский комитет в качестве члена от правительства, Самарин развернул там бурную деятельность, составил свой проект положения об улучшении быта крестьян. Во всех государственных учреждениях, где находился Самарин, он проявлял себя как неуклонный борец.

Приезды Толстого в Москву в 1858 г., как правило, сопровождались общением с Самариным, которое всегда, даже в неформальной обстановке, было достаточно серьезным. Так, 27 января 1858 г. Толстой записывает в дневнике: «К Шевич, спор с Самариным о искусстве и Кокорева...» (т. 48, с. 5). Толстой неоднократно бывал в гостях у Самарина в свой проезд к нему весной 1858 г. 5 апреля 1858 г. он записывает в дневнике: «Покупки, отправка садовника, завтрак у Самарина. Вечер у Киреевой; музыка, Сушковы, кн. Щербатова» (т. 48, с. 12). 8 апреля 1858 г. Толстой, много общавшийся в это время с Чичериным, вместе с ним был у Самарина: «Укладывался. Пришел Чичерин. Делал покупки. Обедал дома. С Чичериным пошли к Самарину. Выпили. Ненужно. К Фету спать» (т. 48, с. 12).

Общение Толстого и Самарина, начатое в Москве, было продолжено в Самаре, куда писатель отправился на лечение. 12 мая 1862 г. в состоянии измождения от дел и проблем, а также от кашля, переживаний за здоровье, Толстой отправился на кумыс в Самарскую губернию. Утомление писателя было связано не с каким-либо конкретным происшествием, но с целой чередой сложностей, а одновременно и плохо продвигавшихся дел, требовавших его

внимания. «Хомуты», хозяйственный, школьный, журнальный, посреднический – т. е. обязанности, о которых Толстой с удовольствием писал А. А. Толстой 12–14 мая 1861 г. (т. 60, с. 389), начали его серьезно придавливать. Неуверенность в выборе спутницы жизни, ссора с Тургеневым, постоянное нездоровье, неудачи с журналом, а в начале 1862 г. – проигрыш в карты крупной суммы и взятые на себя обязательства по предоставлению М. Н. Каткову нового романа тяготили писателя. 27 мая 1862 г. Толстой писал Т. А. Ергольской о своей поездке: «Я нынче еду из Самары за 130 верст в Каралык, – Николаевского уезда. Адрес мой – в Самару, Юрию Федоровичу Самарину, для передачи Л. Н. Т. Путешествие я сделал прекрасное, место мне очень нравится, здоровье лучше, т. е. меньше кашляю» (т. 60, с. 427). Насколько можно судить по последующей переписке, Толстой в Самаре или останавливался у Самарина, или, по всей видимости, неоднократно виделся с ним, а накануне отъезда писатель просил последнего получать всю его корреспонденцию и по необходимости высылать ему нужные для обустройства и проживания вещи, которые могут потребоваться в месте его временного проживания, – Толстой решил отправиться в уже знакомое ему с. Каралык на берегу одноименной реки.

Первое письмо Самарина не было опубликовано до этого времени, в автографе письма *датировка отсутствует*. Однако по начальным вопросам Самарина в адрес Толстого можно понять, что это именно первое его послание, которому не предшествовало писем Толстого из Каралыка. Приводим письмо полностью – оно публикуется по автографу, хранящемуся в Отделе рукописей Государственного музея им. Л. Н. Толстого:

19–25 июня 1862 г. Самара

Любезнейший граф, что с Вами сделалось? Или Вы до такой степени одичали, что уж не хотите и перо взять в руки? Я всё ждал от Вас уведомления о приискании Вами приличной усадебной оседлости, ждал адреса, но до сих пор от Вас ни строчки.

На днях я принес с почты два письма на Ваше имя. Теперь посылаю их почти наугад через удельные и казенные волостные правления. Пропасть они не могут, но дойдут ли, отыщут ли Вас – неизвестно.

Брат привез мне из Москвы дурное известие. Систематическая вражда против «Дня» Валуева, немцев и многих других, им же имя легион, подбитая дряблой уступчивостью Головина, восторжествовала.

Аксаков лишен по Высочайшему повелению редакторства. Он ищет подставного редактора и вошел в соглашение с Чижевским. Я ему писал по телеграфу, чтобы он просил о передаче газеты на мое имя. Вся эта история сопровождалась прекурьезными обстоятельствами. Именем Государя и на основании данной присяги от Аксакова требовали, чтоб он назвал автора какой-то статьи, которую ему прислали, взявши с него слово автора не называть.

После этого удивляются, что проповедь неверия и непризнания властей идет успешно. Невольно приходит на ум латинская поговорка: *quos vult perdere dementat*.

Душевно преданный

Юрий Самарин²

По нашему мнению, с точностью до недели письмо можно датировать 19–25 июня 1862 г. 16 июня 1862 г. Самарин сообщал в письме И. С. Аксакову, что от приезжавшего брата он узнал все новости по поводу газеты «День». Самарин показывает в письме, что такое отношение к «Дню» является законным продолжением проводимой государственной политики: «Всё идет по-прежнему. «День» запретят, а «Слово» и «Современник» будут продолжать свое дело». В этом письме от 16 июня Самарин предложил Аксакову свою кандидатуру в качестве редактора: «Право быть подставным редактором я удерживаю за собой. Научи, как это сде-

² ОР ГМТ. Ф. 1. № 183/158-3.

лять. Всего лучше будет, если ты пришлешь мне готовую просьбу к подписанию» [Переписка..., 2016, с. 126].

В тексте письма Толстому Самарин указывает на тот факт, что он уже написал письмо И. С. Аксакову по телеграфу с уведомлением о готовности принять на себя официально обязанности главного редактора газеты «День»: «Я ему писал по телеграфу, чтобы он просил о передаче газеты на мое имя». Самарин отправил И. С. Аксакову, как он сам отметил, «официально-церемонное письмо» с просьбой передать ему газету и уверением в собственной готовности принять всю ответственность за издание, а также небольшое личное послание, в котором показывал абсурдность предложения на роль главного редактора Ф. И. Чижова. В связи с тем, что письмо Самарина к И. С. Аксакову датировано 19 июня 1862 г., рассматриваемое нами письмо Самарина к Толстому не могло быть написано ранее. Таким образом, получается, что Толстой, уехав из Самары, не писал Самарину в течение приблизительно трех недель, не ставил его в известность о своем местонахождении.

Примечательно, что письмо Самарина начинается с ряда вопросов. По всей видимости, Самарин был обеспокоен «молчанием» Толстого, однако тон переживания, звучащий в первом предложении, компенсируется шуткой, присутствующей во втором. В третьем предложении письма Самарин не оставляет своего шутливого тона, обыгрывая одно из самых актуальных для него понятий: «Я всё ждал от Вас уведомления о приискании Вами *приличной усадебной оседлости*, ждал адреса, но до сих пор от Вас ни строчки» (курсив наш. – В. А., Л. К.). Самарин применяет к описанию места проживания Толстого в Самарских степях понятие «усадебной оседлости» – одно из ключевых в трудах Самарина и документах при подготовке реформы 1861 г. Усадебная оседлость стала камнем преткновения и в Самарском губернском комитете по улучшению быта помещичьих крестьян, в который входил Самарин.

Ю. С. Посталюк отмечает, что «определение усадебной оседлости крестьян обсуждалось в шести заседаниях Самарского комитета с 19 по 31 ноября 1858 г.», а «Проект главы IV Положения об улучшении быта помещичьих крестьян Самарской губернии был разработан... губернским предводителем дворянства А. Н. Чемодуровым совместно с членами комитета Ю. Ф. Самариным, А. И. Сосновским, А. Д. Лазаревым, И. Д. Лазаревым, Д. Н. Рычковым, Н. Л. Мухановым». Исследователь пишет, что «определение усадебной оседлости, предложенное в проекте главы IV, не было принято членами комитета» из-за серьезных разногласий между ними о том, что должно входить в состав усадебной оседлости [Посталюк, 2012, с. 929–930]. Можно предположить, что во время пребывания Толстого у Самарина в Самаре, тот делился с ним сложностями по поводу обсуждения понятия «усадебная оседлость», оказавшегося наиболее спорным в ряде важных заседаний.

Также в письме Самарин сообщает о получении им двух писем на адрес Толстого: это была часть договоренности товарищей. Не зная местоположения Толстого, Самарин не мог отправить эти письма с конкретным посланным, поэтому он сообщает, что высылает их наугад «через удельные и казенные волостные правления».

Следующая часть письма Самарина касается московских новостей, которые привез ему младший брат Дмитрий Федорович Самарин (1831–1901) – писатель, гласный Московского земства, сотрудник изданий И. С. Аксакова и «Московских ведомостей». Самарин сообщает Толстому новости по поводу газеты «День» и сразу же характеризует эти новости как «дурные». Рассказывая о тех постоянных трудностях, которые приходилось выдерживать редакции газеты «День» и И. С. Аксакову, Самарин использует в письме лаконичную конструкцию официально-делового стиля: «Систематическая вражда против “Дня” Валуева, немцев и многих других, им же имя легион, подбитая дряблой уступчивостью Головнина, восторжествовала»³. По всей видимости, эта формулировка появилась у Самарина несколько неосоз-

³ ОР ГМТ. Ф. 1. № 183/158-3.

нанно. Она не была «сконструирована» им с какой-либо целью, но воспоминания о ряде лиц, от которых зависела участь издания и в целом деятельность в области просвещения, побудили Самарина прибегнуть к такой форме предложения. О деятельности П. А. Валуева и А. В. Головнина Самарину регулярно сообщал И. С. Аксаков. Так, в письме от 21–22 июня 1862 г. он писал: «Валуев очень ревностно занимается ревизией журналов и газет и посылает каждую неделю Головнину короб замечаний, который Головнин печатает и рассылает Цензурным комитетам и цензорам!.. [Переписка..., 2016, с. 137].

Д. А. Бадалян с привлечением переписки участников конфликта и многочисленных документов выстраивает последовательность всех событий от того момента, как 2 июня 1862 г. был выпущен в свет № 34 газеты «День», а ее редакторство приостановлено по распоряжению императора Александра II в связи с тем, что И. С. Аксаков отказался объявить, кто является автором «Очерка местного городского православного духовенства из одного провинциального города Западной России», опубликованного в № 31 газеты «День». Д. А. Бадалян иллюстрирует негативное отношение П. А. Валуева к Аксакову и его изданию, цитируя яркое письмо Н. С. Соханской: «Валуев вас терпеть не может, соединяя в своем чувстве и вас лично, и “День” литературно, – говоря, что он не может быть покоен с вашим “Днем”» [Бадалян, 2015, с. 318].

Умелый оратор и публицист Самарин буквально в нескольких предложениях краткого письма передает Толстому всю ситуацию с главным редактором газеты «День»: Аксаков предложил номинально занять место главного редактора издания своему другу Ф. В. Чижову, который безоговорочно согласился на такой ход, но он сам оказался в немилости у правительства, кроме того, Чижов был обременен изданиями – выпускал журнал «Вестник промышленности», а с 1860 г. газету «Акционер». Самарин уже в первом письме к Аксакову после известия о приостановке выпуска газеты «День» писал, что Чижов является не лучшей кандидатурой на роль главного редактора и предлагал свою кандидатуру, о чем он очень кратко рассказывает в данном письме Толстому.

Самарин, сочувствовавший Аксакову и разделявший взгляды славянофилов, завершает письмо к Толстому как истинный представитель официальной власти: «После этого удивляются, что проповедь неверия и непризнания властей идет успешно». Использованная им в финале «латинская поговорка» «*quos vult perdere dementat*» полностью звучащая так: «*Quos vult perdere Jupiter, dementat prius*» («Кого Бог хочет наказать, того сначала лишает разума»), иллюстрирует, что, несмотря на все сложности и присутствие во властных структурах людей, по мнению Самарина, не понимавших правильного вектора движения, в общем управлении страной и будущем ее развитии неизбежно должны восторжествовать разумные начала, причем торжество их не может наступить для России без Божественного произволения. Примечательно, что эту же крылатую фразу в сокращенном варианте Самарин употребит и в письме к И. С. Аксакову от 5 июля 1862 г.: «Если б мы имели свободу книгопечатания, какую бы можно было устроить батарею против “Современника”, “Слова” и всей базаровщины! Но они этого не поймут никогда. Сквозь тучу сгущенных недоразумений никогда не проникнет ни один луч. *Quos vult perdere dementat*» [Переписка..., 2016, с. 140].

В нашем распоряжении далее находится следующее (согласно произведенной нами датировке) письмо Самарина к Толстому – очень краткое и лаконичное, извещающее о прибытии посланного от писателя и собственно сообщающее об отсутствии у Самарина возможности (не по его вине) написать более пространное и содержательное послание. Вновь в данном письме авторская датировка отсутствует, письмо датировано нами:

20 июня – конец июня 1862 г. Самара

Сейчас неожиданно явился ваш посланный. – Он приехал на два часа.

Постараюсь всё закупить, но угля достать нельзя; в городе его нет продажного; надобно бы послать за город, а посланный не едет. Не нужно ли книг, газет или чего другого?

Ю. Самарин

Мой адрес:
дом Овсянникова
на Вознесенской⁴

С точностью до двух недель письмо можно датировать 20 июня – концом июня 1862 г. В связи с тем, что Самарин не получал писем Толстого до 19 июня и сам отправил ему послание первым в этот день, данное письмо, являющееся ответом на записку Толстого, отправленную с посланным, может быть датировано уже 20 июня и позднее. Вполне вероятно, что Толстой отправил посланного к Самарину, еще не получив его письма от 19–25 июня 1862 г. Кроме того, не случайно Самарин пишет о неожиданности появления посланного – это значит, что он мог приехать буквально сразу после отправки письма Самарина Толстому: в этот же день, на следующий день или через несколько дней. В связи с отсутствием какого-либо почтового сообщения, корреспонденция отправлялась Толстым и Самариным с посланными или нарочными: насколько можно судить по сохранившимся письмам, почти всегда Толстой отправлял посланного с письмом и просьбами к Самарину, который отправлял того же посланного назад с вещами и посланием. Судя по ответу Самарина об угле и его вопросе о печатных изданиях, Толстой делал акцент в своем письме именно на необходимых вещах, которые просил приобрести Самарина.

Письмо Толстого Самарину из Каралыка, начинающееся словами «Первобытность первобытностью...», опубликовано в 90-м томе полного собрания сочинений Толстого. На письме стоит авторская дата 1 июля, а редакторы указывают год «по почерку и на том основании, что письмо Толстой отправил с посланным в Самару, где в то время находился Ю. Ф. Самарин» (т. 90, с. 225–226). Первая фраза письма: «Первобытность первобытностью, а, признаюсь, мучаюсь нетерпением получить письма и журналы» является своеобразным ироничным ответом писателя на вопрос Самарина в письме от 19–25 июня 1862 г.: «Или Вы до такой степени одичали, что уж не хотите и перо взять в руки?». Кроме того, письмо можно датировать 1862 г. и по содержанию: не только по его связи с предыдущими письмами, но и по упоминанию определенных фактических данных. Так, в письме Толстой спрашивает: «Не приехал ли Замятнин?» (т. 90, с. 226). Н. А. Замятнин (1824–1868) – российский государственный деятель, в 1862–1863 гг. самарский губернатор. Замятнин был товарищем председателя уголовной палаты гражданского суда в Рязани и Туле; 11 мая 1862 г. назначен исполняющим должность самарского губернатора вместо Арцимовича, 18 мая утвержден в должности. Он прибыл в Самару 7 июля 1862 г. и вступил в должность. Вполне вероятно, что Толстой знал Замятнина еще по Туле. 12 июля 1862 г. Самарин писал в ответ на послание А. В. Головнина, извещающее о назначении Самарина главным редактором «Дня» и неформальном указании на необходимость появления в столице: «Я с радостью приехал бы немедленно в Петербург; но в настоящую минуту не решаюсь отлучиться вот почему: к нам приехал новый губернатор Замятнин» [Бадалян, 2015, с. 331].

В заключении письма Толстой благодарит Самарина за хлопоты и значительную помощь в предоставлении необходимых ему в быту вещей – все заказы Толстого исполнялись Самариным неукоснительно, всё необходимое пересылалось писателю. На небольшое послание Толстого, отправленное с посланным, Самарин ответил сразу же, в день его получения. По всей видимости, он был даже несколько удивлен и обескуражен настойчивостью посланного от Толстого человека, заявившего о своем скором необходимом отъезде, – Самарин даже подчеркнул слово «должен». В связи с этим он не смог ответить Толстому целостно и обстоятельно:

⁴ ОР ГМТ. Ф. 1. № 183/158-1.

3 июля 1862 г. Самара.

Ваш посланный сейчас ко мне явился и объявил, что *должен* ехать через 10 минут. Посылаю Вам что набралось. Отвечать теперь решительно нельзя. О молоканах нужно справиться. Известия из Петербурга скверные, во всех отношениях.

Все Ваши поручения исполнены, всё высылается.

Сверх того газеты и множество писем.

Душевно преданный

Юрий Самарин

3 июля ⁵.

Характер замечаний Самарина во многом определяется письмом Толстого от 1 июля 1862 г. Кроме того, Самарин указывает в письме на скверные новости: дело в том, что 3 июля, в день отправки Толстому с посланным этого краткого письма, Самарин еще не получил из Петербурга послания от А. В. Головнина, в котором последний заявлял о своей поддержке, поэтому общую ситуацию в этом кратком письме к Толстому Самарин оценивает как неблагоприятную: он сам и многие его знакомые считали, что препятствием к утверждению Самарина редактором московской газеты может быть его служба в Самаре.

В 20-х числах июля 1862 г. Толстой уже вернулся в Москву. Здоровье писателя приходило в норму, а мысли сразу по приезде были отвлечены негодованием по поводу обыска, произошедшего в Ясной Поляне. В письме А. А. Толстой от 22–23 июля 1862 г. он писал, отмечая близость А. А. Толстой к властным структурам и свою от них удаленность: «Какой-то из ваших друзей, грязный полковник, перечитал все мои письма и дневники, которые я только перед смертью думал поручить тому другу, который будет мне тогда ближе всех...» (т. 60, с. 428). После возвращения из Самары Толстой вполне мог разуместь, что таким другом он сможет считать Самарина. Не случайно в его письме А. А. Толстой встречается указание на «равнодушие к теперешним либералам», а также ироничное замечание в духе Самарина: «Вот как делает себе друзей правительство» (т. 60, с. 428).

Занятый устройством семьи, вниманием к жене и детям, хозяйством в Ясной Поляне, началом работы над новым произведением, Толстой фактически не виделся с Самариным. Однако многие мысли и убеждения Самарина и, шире, славянофилов, их взгляды на историю, личность и народ в это время были Толстому очень близки. Ю. В. Лебедев показал, что «есть все основания полагать, что в процессе работы над “Войной и миром” Толстой испытывал влияние работ А. С. Хомякова» [Лебедев, 2021, с. 93]. Самарин во многом наследовал отдельные взгляды Хомякова, считал его одним из выдающихся мыслителей-славянофилов. С. И. Скороходова справедливо отмечает, что Хомяков и Самарин очень много сделали для появления завершенной славянофильской концепции: значительной заслугой Хомякова является разработка философии религии, а заслугой Самарина – развитие основ политической философии [Скороходова, 2017, с. 16]. Толстому не была близка идея славянского единения – одна из центральных у славянофилов, однако в момент работы над «Войной и миром» писатель основывался на ключевых позициях философии истории Хомякова и Самарина: «Самарин так же, как и Хомяков, полагал, что только цельное познание, в единстве всех сил духа, способно проникнуть в смысл исторических процессов» [Там же, с. 17].

У Толстого появляется потребность разговоров с Самариным на исторические и политические темы для укрепления собственной концепции и уверения в ее справедливости. Летом 1867 г. Толстой несколько раз встречается с Самариным и рядом историков и общественных деятелей, советуясь с ними по поводу отдельных исторических глав «Войны и мира». В письмах к С. А. Толстой писатель констатирует, что из всех консультантов ближе и дороже всего ему именно Самарин. Письмо от 20 июня 1867 г.: «Из типографии поехал к Самарину

⁵ ОР ГМТ. Ф. 1. № 183/158-2.

и проговорил с ним часа три, и еще более полюбил его, и уверен в том же с его стороны...» (т. 83, с. 143). Письмо от 21 июня 1867 г.: «После приезда Кузминского приехал Самарин и задержал меня часа два...» (т. 83, с. 146). Особенное отношение Толстого к Самарину вполне объяснимо: общаясь с историками, он находил во всех исключительно специалистов, а в Самарине видел не только умного человека, философа и историка, но и друга. Толстовская фраза «и еще более полюбил его, и уверен в том же с его стороны» в отношении Самарина становится полностью понятна после осмысления письма Толстого к Самарину от 10 января 1867 г., которое было написано, но не отправлено.

Это письмо сохранилось в архиве Толстого. Впервые оно было опубликовано в журнале «Печать и революция» (1928, № 6) а позднее в юбилейном полном собрании сочинений Толстого (т. 61, с. 156–159). В этом искреннем и откровенном послании Толстой называет Самарина одним из самых близких себе людей: «Не знаю, как и отчего это случилось, но вы мне так близки в мире нравственном – умственном, как ни один человек» (т. 61, с. 156). Далее Толстой пишет о своей идейной близости к Самарину, говорит о собственном духовном и умственном одиночестве, необходимости поддержки и совета: «И я ищу помощи и почему-то невольно один вы всегда представляетесь мне» (т. 61, с. 157). В письме Толстого заявлена мысль о необходимости в друге, понимающем, умном союзнике и грамотном советчике, с высоты жизненного опыта, мудрости и знаний готовом подсказать писателю верное направление в жизненной путанице.

Не исключено, что написанное послание просто ожидало часа своей отправки, а Толстой хотел увериться, что все-таки может рассчитывать на дружбу Самарина, не столкнется с непониманием и холодностью. Несмотря на теплое общение и взаимодействие с Самариным летом 1867 г., писатель все-таки не отправил этого письма: по всей видимости, у Толстого были какие-то сомнения, о которых он не писал С. А. Толстой, или он оставлял еще некоторое время на «проверку» отношений с Самариным. На самом деле, Толстой правильно ощущал некоторую удаленность, закрытость Самарина. Насколько можно судить по переписке Самарина с И. С. Аксаковым, в частности по их письмам о возможном редакторе газеты «Дело», ни Самарин, ни Аксаков в 1862 г. Толстому полностью не доверяли. 5 июля Самарин писал Аксакову: «На днях я получил от Льва Толстого письмо из степи, где он пресыщается кумысом (речь идет о неизвестном нам сейчас письме. – В. А., Л. К.). Он пишет мне: “Известие об Аксакове для меня очень грустно и важно. Ежели вы будете писать ему, скажите, что я тоже готов к его услугам”. Что он под этим понимает – не знаю. Я спрошу его. Если откажут мне, не сойдешься ли ты с ним. Я не знаю, каковы ваши отношения, да и его самого я мало знаю» [Переписка..., 2016, с. 140]. И. С. Аксаков ответил Самарину вежливо, но однозначно. Он не считал Толстого человеком «своего лагеря»: «Льва Толстого очень благодарю, но, разумеется, согласиться на его предложение не могу. Я могу передать или человеку, принадлежащему к одному со мной лагерю, или же лицу, совершенно бесцветному, ничтожному в литературе. У меня в запасе есть еще Василий Елагин» [Там же, с. 149]. У нас нет серьезных оснований считать, что ситуация с отношением Самарина к Толстому изменилась в 1867 г., так как после встреч и общения в Самаре они в течение пяти лет общались мало.

Значительную часть неотправленного письма Толстого составляют также его рассуждения о государственной службе Самарина. Толстой пытается найти у Самарина ответы на два вопроса: о его участии в политической деятельности и о его религиозных убеждениях. Толстой был предельно внимателен к жизни и работе Самарина, следил за его продвижением, читал его выступления. Однако писатель приходил к выводу, что при всем успехе Самарина его деятельность государственного служащего во многом бесполезна, что на нее можно было бы тратить гораздо меньше усилий: «Земство, мировые суды, война или не война и т. п. – всё это проявление организма общественного – роевого (как у пчел), на это всякая пчела годится и даже лучше те, которые сами не знают, что и зачем делают...» (т. 61, с. 158). По мнению Толстого, в государственной деятельности чиновника любого уровня нет произвола и Самарин попросту губил свой талант, выполняя дело тех людей, которые могли бы с сознанием

исполненного долга, но не вдумываясь, совершать подобную же работу со сходными результатами: «Пускай клячи ходят на этом рушительном колесе, но вы ходите в этом колесе сознательно, вы, как добрый скакун, которой бы мог свободно скакать по полям, стали на колесо...» (т. 61, с. 158). Государственное управление, которое всегда было для Самарина одной из важнейших сторон жизни, Толстой считал не зависящим от поступков и надежд отдельных людей. Между тем, как справедливо отметил Ю. С. Пивоваров, Самарин сам вручал государству мандат на преобразование общественных основ [Пивоваров, 2021, с. 19]. Расхождение Толстого и Самарина хорошо ощущается в представлении о свободе человека, живущего в государстве: Толстой в это время считал личность свободной в выборе следования общественно-политическим векторам, Самарин же видел жизнь человека, особенно государственного деятеля, четко встроенной в определенную концепцию управления. В сознании Толстого, день ото дня все чаще сталкивавшегося с произволом властей, постепенно зарождалась идея о необходимости защиты личности от государственного и властного произвола. Самарин думал иначе: он пытался уберечь от необдуманных действий и слов людей сам монархический строй. Вопрос Толстого о религиозных убеждениях Самарина гораздо более краток. Писателю, по всей видимости, было очень важно понимать, как в данном случае мыслит его друг: Высшая воля, Бог или Провидение находились в это время в центре концепции самого Толстого, считавшего одной из важнейших задач человека реализацию этой воли.

Примечательно, что Толстой достаточно высоко оценивал возможности дружеского и творческого союза с Самариным, фактически отмечая, что их сотрудничество могло бы быть максимально полезным окружающим людям: «Не знаю, как и отчего, но я много жду не для одних нас от нашего такого умственного сближения» (т. 61, с. 158). В самом послании указана еще одна возможная причина того, что письмо Самарину не было отправлено Толстым: писатель отмечал, что при условии отсутствия взаимности со стороны Самарина ему будет несколько совестно с ним встречаться.

Однако по мере течения времени Толстой все больше идейно удалялся от Самарина, который оставался ему важен как историк. Два года спустя после написания своего неотправленного письма Самарину, 18 января 1869 г., Толстой сообщал жене о некотором своем разочаровании в гипотетическом друге: «Исторические мысли мои поразили очень Юрьева и Урусова и очень оценены ими; но с Самариным, вовлекшись в другой философский спор, и не успели поговорить об этом. Я несколько разочаровался в нем» (т. 83, с. 160). Писатель продолжал считать своего знаменитого современника человеком светлого ума, огромной эрудиции, но не другом, с которым можно обсуждать все, что угодно. В письме С. А. Толстой от 2–4 марта 1874 г. Толстой сообщал, что будет читать свой новый роман у Сушковых, «если привезет туда Самарина» (т. 83, с. 215). А 6 марта 1874 г. Толстой писал Н. Н. Страхову о том, что «прочел несколько глав дочери Тютчева и Ю. Самарину»: «Я выбрал их обоих, как людей очень холодных, умных и тонких...» (т. 62, с. 71).

Если отношение Самарина к власти было приблизительно понятно Толстому – он образно описал выбор Самарина между хождением в замкнутом круге и свободной прогулкой по полям (не в пользу последней), то вопрос с религиозными взглядами Самарина так и остался для Толстого не проясненным. Примечательно, что через два месяца после смерти Самарина, 17–18 мая 1876 г., Толстой писал о нем Н. Н. Страхову – человеку, ставшему для писателя одним из самых близких людей – фактически занявшему то место, на которое когда-то Толстой хотел поставить Самарина: «На днях П. Самарин был у меня и читал мне немецкую статью брата своего Юрия о религии. Вы прочтете ее в Православном обозрении, пожалуйста, напишите мне свое мнение. В ней хорошо доказательство, основанное на воздействии Бога на человека (хотя гегелианское) и на важности, которую человек приписывает своей личности» (т. 62, с. 276). Статья Ю. Ф. Самарина «Из посмертных сочинений Ю. Ф. Самарина. Два письма об основных истинах религии, по поводу сочинений Макса Мюллера: “Введение

в сравнительное изучение религий” и “Опыты по истории религий”» была помещена в первом номере журнала «Православное обозрение» за 1878 г.

Остается добавить, что после смерти Самарина Толстой неоднократно вспоминал о нем, причем нередко во время важных и значимых рассуждений о себе, собственном выборе. К примеру, 10 июля 1903 г. писатель отметил в дневнике: «Я очень дурной по свойствам человек, очень туп к добру, и потому мне необходимы большие усилия, чтобы не быть совсем мерзавцем. Как Юрий Самарин как-то очень хорошо сказал, что он – прекрасный учитель математики, потому что очень туп к математике. Я – совершенно то же в математике, но я, главное, то же в деле добра – очень туп, и потому не совсем дурной, – нет, смело скажу: хороший учитель» (т. 54, с. 181).

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что при всей краткости общения Толстого и Самарина их творческое и личностное взаимодействие было продуктивным и результативным. Несмотря на то что Толстой не смог найти в Самарине лучшего друга, как этого ему очень хотелось в начале 1860-х гг., именно благодаря общению с ним он глубоко осмыслил неоднозначность и сложность ряда убеждений славянофилов в их применении к реальной жизни. Сохранившаяся переписка Толстого и Самарина, часть писем из которой впервые опубликована в данной статье, позволила нам сделать важные выводы о человеческом общении двух корреспондентов, их взаимодействии с рядом известных современников и влиянии на общественную жизнь России середины XIX в.

Список литературы

- Андреева В. Г.** «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 54–83. DOI 10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83
- Бадалян Д. А.** Письма и документы Ю. Ф. Самарина и А. В. Головнина о возобновлении издания газеты «День» (июнь – октябрь 1862 г.) // Цензура в России: история и современность. СПб., 2015. Вып. 7. С. 308–345.
- Кавацца А.** Л. Н. Толстой и А. С. Хомяков // Хомяковский сборник. Томск, 1998. Т. 1. С. 303–325.
- Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. 495 с.
- Лебедев Ю. В.** А. С. Хомяков и «мысль народная» в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 6 (1). С. 91–97. DOI 10.20339/PhS.6-21.091
- Матвеева И. Ю.** Влияние философии славянофилов на концепцию семьи и народной религиозности в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Византия, Европа, Россия: Социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. СПб.: РХГА, 2022. С. 52–65.
- Можарова М. А.** «Грамота, процесс чтения и писания, вреден»: Л. Н. Толстой и К. С. Аксаков в споре о книгах для народа // Библиотекословие. 2012. № 5. С. 56–61.
- Можарова М. А.** Л. Н. Толстой и славянофилы в литературных спорах 1850-х годов // Духовно-нравственный и эстетический потенциал русской литературной классики. М.: МГОУ, 2013. С. 209–214.
- Можарова М. А.** Ю. Ф. Самарин и Л. Н. Толстой в литературно-эстетическом контексте эпохи // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 165–176. DOI 10.24411/2588-0276-2020-10009
- Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876). СПб.: Пушкинский Дом, 2016. 707 с.

- Пивоваров Ю. С.** Юрий Самарин и наше время // Труды по Россиеведению. 2021. № 8. С. 15–29.
- Посталюк Ю. С.** Рассмотрение вопроса об усадебной оседлости крестьян в Самарском губернском комитете по улучшению быта помещичьих крестьян // Изв. ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 929–932.
- Самарин Ю. Ф.** Собр. соч.: В 12 т. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К, 1877. Т. 1; 1878. Т. 2; 1885. Т. 3.
- Сапченко Л. А.** Сюжетно-композиционная организация текста в автобиографической прозе С. Т. Аксакова и Л. Н. Толстого // Наследие семьи Аксаковых в литературно-эстетическом контексте цифровой эпохи / Под ред. Т. В. Бакиной. Самара, 2020. С. 84–93.
- Скороходова С. И.** К вопросу о некоторых философско-исторических аспектах творчества А. С. Хомякова и Ю. Ф. Самарина // Проблемы современного образования. 2017. № 1. С. 15–23.
- Чичерин Б. Н.** Воспоминания: В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. Т. 1. 496 с.; Т. 2. 528 с.
- Шпагин С. А.** Славянофилы глазами Л. Н. Толстого // А. С. Хомяков: личность – творчество – наследие. Хмелитский сборник. Смоленск, 2004. Вып. 7. С. 262–273.
- Юнусов И. Ш.** Славянофилы и Л. Толстой: «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» К. Аксакова и «Утро помещика» и «Казачи» Л. Толстого // Вестник Вят. гос. ун-та. 2014. № 2. С. 81–85.

Список источников

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.

References

- Andreeva V. G.** “Lyubeznyy drug... ne serdis' za otkrovennost'!": perepiska L. N. Tolstogo i B. N. Chicherina [“Dear Friend... Do not be Angry for Frankness!": Correspondence of L. N. Tolstoy and B. N. Chicherin]. *Dva veka russkoi klassiki*, 2023, vol. 5, no. 1, pp. 54–83. (in Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83
- Badalyan D. A.** Pis'ma i dokumenty Iu. F. Samarina i A. V. Golovnina o vozobnovlenii izdaniya gazety “Den” (iyun' – oktyabr' 1862 g.) [Letters and documents of Yu. F. Samarin and A. V. Golovnin about the resumption of the publication of the newspaper “The Day” (June – October 1862)]. In: *Tsenzura v Rossii: istoriia i sovremennost'* [Censorship in Russia: History and Modernity]. St. Petersburg, 2015, iss. 7, pp. 308–345. (in Russ.)
- Chicherin B. N.** *Vospominaniya* [Memoirs]. In 2 vols. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2010, vol. 1, 496 p., vol. 2, 528 p. (in Russ.)
- Iunusov I. Sh.** Slavyanofily i L. Tolstoi: “Kniaz' Lupovitskii, ili Priezd v derevnyu” K. Aksakova i “Utro pomeschchika” i “Kazaki” L. Tolstogo [Slavophiles and L. Tolstoy: “Prince Lupovitsky, or Arrival in the Village” by K. Aksakov and “Morning of the Landowner” and “Cossacks” by L. Tolstoy]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 2, pp. 81–85. (in Russ.)
- Kavatstsa A.** L. N. Tolstoi i A. S. Khomyakov [L. N. Tolstoy and A. S. Khomyakov]. In: *Khomyakovskii sbornik* [Khomyakov Collection]. Tomsk, 1998, vol. 1, pp. 303–325. (in Russ.)
- Lebedev Yu. V.** A. S. Khomyakov i “mysl' narodnaya” v romane-epopee L. N. Tolstogo “Voina i mir” [A. S. Khomyakov and “Folk Thought” in L. N. Tolstoy’s Epic Novel “War and Peace”]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, 2021, no. 6 (1), pp. 91–97. (in Russ.) DOI 10.20339/PhS.6-21.091
- L. N. Tolstoi. *Perepiska s russkimi pisatelyami* [L. N. Tolstoy. Correspondence with Russian Writers]. In 2 vols. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1978, vol. 1, 495 p. (in Russ.)

- Matveeva I. Yu.** Vliyanie filosofii slavyanofilov na kontseptsuyu sem'i i narodnoi religioznosti v romane L. N. Tolstogo "Voina i mir" [Influence of Slavophil Philosophy on the Concept of Family and Folk Religiosity in L. N. Tolstoy's Novel "War and Peace"]. In: *Vizantiya, Evropa, Rossiya: Sotsial'nye praktiki i vzaimosvyaz' dukhovnykh traditsii* [Byzantium, Europe, Russia: Social Practices and the Relationship of Spiritual Traditions]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2022, pp. 52–65. (in Russ.)
- Mozharova M. A.** L. N. Tolstoi i slavyanofily v literaturnykh sporakh 1850-kh godov [L. N. Tolstoy and the Slavophiles in the Literary Disputes of the 1850s]. In: *Dukhovno-nravstvennyi i esteticheskii potentsial russkoi literaturnoi klassiki* [Spiritual, Moral and Aesthetic Potential of Russian Literary Classics]. Moscow, MSRU Press, 2013, pp. 209–214. (in Russ.)
- Mozharova M. A.** "Gramota, protsess cheniya i pisaniya, vreden": L. N. Tolstoi i K. S. Aksakov v spore o knigakh dlya naroda ["Literacy, the Process of Reading and Writing, is Harmful": L. N. Tolstoy and K. S. Aksakov in a Dispute about Books for the People]. *Bibliotekovedenie*, 2012, no. 5, pp. 56–61. (in Russ.)
- Mozharova M. A.** Yu. F. Samarin i L. N. Tolstoi v literaturno-esteticheskom kontekste epokhi [Yu. F. Samarin and L. N. Tolstoy in the Literary and Aesthetic Context of the Era]. *Russko-Vizantiiskii vestnik*, 2020, no. 1 (3), pp. 165–176. (in Russ.) DOI 10.24411/2588-0276-2020-10009
- Perepiska I. S. Aksakova i Yu. F. Samarina (1848–1876)** [Correspondence of I. S. Aksakov and Yu. F. Samarin (1848–1876)]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2016, 707 p. (in Russ.)
- Pivovarov Yu. S.** Yurii Samarin i nashe vremya [Yuri Samarin and our Time]. *Trudy po Rossievedeniiu*, 2021, no. 8, pp. 15–29. (in Russ.)
- Postalyuk Yu. S.** Rassmotrenie voprosa ob usadebnoi osedlosti krest'yan v samarskom gubernskom komitete po uluchsheniyu byta pomeschich'ikh krest'yan [Consideration of the Issue of the Settled Way of Life of Peasants in the Samara Provincial Committee for Improving the Life of Landlord Peasants]. *Izvestiia PGPU im. V. G. Belinskogo*, 2012, no. 27, pp. 929–932. (in Russ.)
- Samarin Yu. F.** Collected Works. In 12 vols. Moscow, A. I. Mamontov i K Publ., 1877, vol. 1; 1878, vol. 2; 1885, vol. 3. (in Russ.)
- Sapchenko L. A.** Syuzhetno-kompozitsionnaya organizatsiya tekste v avtobiograficheskoi proze S. T. Aksakova i L. N. Tolstogo [Plot-compositional Organization of the Text in the Autobiographical Prose of S. T. Aksakov and L. N. Tolstoy]. In: *Nasledie sem'i Aksakovykh v literaturno-esteticheskom kontekste tsifrovoi epokhi* [Heritage of the Aksakov Family in the Literary and Aesthetic Context of the Digital Era]. Samara, 2020, pp. 84–93. (in Russ.)
- Shpagin S. A.** Slavyanofily glazami L. N. Tolstogo [Slavophiles through the Eyes of L. N. Tolstoy]. In: *A. S. Khomyakov: lichnost' – tvorchestvo – nasledie. Khmelitskii sbornik* [A. S. Khomyakov: personality – creativity – heritage. Khmelitsky collection]. Smolensk, 2004, iss. 7, pp. 262–273. (in Russ.)
- Skorokhodova S. I.** K voprosu o nekotorykh filosofsko-istoricheskikh aspektakh tvorchestva A. S. Khomyakova i Yu. F. Samarina [To the Question of Some Philosophical and Historical Aspects of the Work of A. S. Khomyakov and Yu. F. Samarin]. *Problemy sovremennogo obrazovaniia*, 2017, no. 1, pp. 15–23. (in Russ.)

List of Sources

- Tolstoi L. N.** Complete works. In 90 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1928–1958. (in Russ.)

Информация об авторах

Валерия Геннадьевна Андреева, доктор филологических наук

Scopus Author ID 57219553599
WoS Researcher ID Z-4774-2019
RSCI Author ID 712864
SPIN 8349-0805

Людмила Викторовна Калюжная

RSCI Author ID 628051
SPIN 7867-1094

Information about the Authors

Valeria G. Andreeva, Doctor of Sciences (Philology)

Scopus Author ID 57219553599
WoS Researcher ID Z-4774-2019
RSCI Author ID 712864
SPIN 8349-0805

Lyudmila V. Kalyuzhnaya

RSCI Author ID 628051
SPIN 7867-1094

Вклад авторов

В. Г. Андреева – разработка концепции исследования, написание текста статьи, редакция и оформление работы.

Л. В. Калюжная – подготовка текстов писем Ю. Ф. Самарина по архивным источникам, редакция статьи.

Contribution of the Authors

Valeria G. Andreeva – development of the research concept, writing the text of the article, editing and design of the work.

Lyudmila V. Kalyuzhnaya – preparing the texts of letters from Yu. F. Samarin according to archival sources, editing the article.

*Статья поступила в редколлегию 12.07.2023;
одобрена после рецензирования 13.07.2023; принята к публикации 24.07.2023
The article was submitted on 12.07.2023;
approved after reviewing on 13.07.2023; accepted for publication on 24.07.2023*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-98-108

**Алексей Ремизов: учитель и его ученики
(к истории смыслообраза «учитель музыки»
в контексте нового искусства XX века)**

Елена Рудольфовна Обатнина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

lena.eo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>

Аннотация

Смыслообраз «учитель музыки», давший название известному роману А. М. Ремизова, является манифестацией латентной темы преемственности поколений в среде творческой эмиграции, которая актуализирована посредством таких коннотативных значений, как «школа», «мастерство», «творческое дарование», «абсолютный слух». Музыка в этом семантическом поле представляет собой универсальный язык, объединяющий традицию, современность и культуру. На основе неизвестных писем музыканта и дирижера Н. Л. Слонимского в статье раскрыты реальные подтексты двух рассказов из корпуса романа, посвященных новаторству и эксперименту в авангардной музыке начала 1930-х гг. Автор сопоставляет интенции Ремизова в преобразовании формы автобиографической прозы с творческим вектором композитора Эдгара Вареза, отмечая сходные признаки культуры нового времени. Впервые автор интерпретирует значение образа Александра Блока в системе денотатов смыслообраза «учитель музыки».

Ключевые слова

смыслообраз, литературная школа, ученичество, язык и текст искусства, авангардная музыка, документальность, традиция, новаторство

Для цитирования

Обатнина Е. Р. Алексей Ремизов: учитель и его ученики (к истории смыслообраза «учитель музыки» в контексте нового искусства XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 98–108. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-98-108

**Alexey Remizov: Teacher and His Pupils
(On the History of the Meaning of *Music Teacher*
in the Context of Modern Art of the 20th Century)**

Elena R. Obatnina

Institute of Russian Literature (Pushkin House)

of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

lena.eo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>

Abstract

The image of “Music teacher” and its semantic meanings. The object of the research is the semantic image of “music teacher” in the title of the famous novel by A. M. Remizov as a manifestation of the latent theme of continuity of generations in the environment of creative emigration. Music in this semantic field is a universal language uniting tradi-

© Обатнина Е. Р., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 98–108

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 98–108

tion, culture and modernity. 2. *On the creation of two “musical” episodes*. Based on the unknown letters of the musician and conductor N. L. Slonimsky, who belonged to the Parisian group of Remizov’s pupils, the article discovers the real subtexts of two stories devoted to the avant-garde music innovation and some experiments of the early 1930s within the novel. 2.1. *Remizov and Varèse: on the typology of creative search*. Author compares Remizov’s intentions in transforming the form of autobiographical prose with the creative vector of composer Edgar Varèse and reveals similar features of modern culture. 2.2. *Literary lesson for a professional musician*. The image of Slonimsky in the structure of the novel *Music teacher* is related to the objectification of the equal force vector which defines similar tasks for literature and music art. The important conclusion of the article is an explanation of the significance of Alexander Blok’s image among denotatives of “music teacher” as an ideal creator able to perceive the historical time and culture by “inner hearing”.

Keywords

meaning of image, literary school, apprenticeship, language and text of art, avant-garde music, contemporaneity, tradition, innovation

For citation

Obatnina E. R. Alexey Remizov: Teacher and His Pupils (On the History of the Meaning of Music Teacher in the Context of Modern Art of the 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 98–108. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-98-108

1. Смыслообраз «учитель музыки» и поле его семантических значений

Роман «Учитель музыки» – богатый источник биографии А. М. Ремизова, позволяющий оценить степень его участия в культурном процессе начала 1930-х гг. [д’ Амелия, 2002]. Семантика названия этого произведения никогда не обсуждалась в научной литературе ввиду раскрытой самим писателем имплицитной связи авторского «Я» с образом центрального героя – учителя музыки Александра Александровича Корнетова. К пересмотру этого, казалось бы, решенного вопроса, мы подойдем, приняв во внимание функцию заголовков в творческой системе писателя и объективные обстоятельства истории создания текста.

На наш взгляд, название романа представляет собой смыслообраз¹, который служит для манифестации латентной идеи, получившей развитие на начальной стадии создания этого наиболее сложного по структуре и замыслу произведения в творческом наследии писателя. В 1931–1933 гг., когда появились в печати первые рассказы из корпуса будущего романа, Ремизов был увлечен созданием новой формы художественной автобиографии. Рассказы о похождениях автобиографических героев содержали ироническое описание бытия творческой индивидуальности в контексте литературной и общественной жизни эмиграции. Скрываясь под масками целой группы мизерабельных персонажей, писатель позиционировал себя как незаметного, но влиятельного актора своего времени.

В эти годы вокруг Ремизова образовался кружок творческой молодежи, в общении с писателем осваивавшей азы литературного ремесла и приемы тонкой работы с традицией и новациями [Обатнина, 2021а, с. 469–472]. Детальная реконструкция обстановки ремизовских «журфиксов» едва ли возможна ввиду осколочных свидетельств, оставленных представителями младшего окружения Ремизова. История публикаций первых глав романа «Учитель музыки», осуществлявшаяся поначалу в режиме предельной (по условиям периодической печати) синхронизации, думается, продемонстрировала для ремизовских воспитанников мастер-класс по созданию современного мифа об эмигрантской одиссее русских писателей. Многие из них, являясь участниками событий, перенесенных в литературную оболочку художественного повествования, находили в этих рассказах не только узнаваемые приметы собственной частной жизни, но и хронику динамического развития важных тенденций и процессов как в узко эмигрантском сообществе, так и в разных областях западноевропейской культуры.

Фрагменты сохранившихся эго-документов подтверждают, что метод неявного «научения», которым пользовался Ремизов в своих контактах с начинающими писателями, заклю-

¹ О философском наполнении понятия «смыслообраз» см. [Голосовкер, 2010, с. 47–49; 140–156].

чался в совместном разборе их сочинений, а также в беседах о русской классике и литературных памятниках разных эпох. Закономерно, что концепт *МУЗЫКА* в семантическом поле сформировавшегося тогда смыслообраза «учитель музыки», вбирает в себя понятие «слух», которое характеризует способность к восприятию вообще и, в частности, особенный рецептивный талант, известный по определению «абсолютный слух». На примере двух рассказов, опубликованных в 1931 и 1932 гг., рассмотрим, каким образом Ремизов производил прямое транспонирование этих значений в область литературы.

В реальной жизни такого рода перекодировка осуществлялась благодаря развитию специфического творческого практикума – чтения вслух известных и забытых шедевров русской прозы. Чтению в кругу друзей посвящено в романе значительное количество сюжетов, в которых писатель представил новую, порой парадоксальную интерпретацию известных произведений Гоголя, Достоевского и Тургенева. Подчеркнем, что для такого ценителя словесного материала, как Ремизов, передача голосом ритма текста и его языкового богатства была сопоставима с искусством исполнения музыкальных сочинений. Характеризуя одного из своих литературных двойников – Василия Куковникова, писатель проводил неожиданную аналогию: «книга для него, как партитура для музыканта» [Ремизов, 2002, т. 9, с. 305]². Прочитанный отрывок появился в печати в 1933 г. в составе рассказа «Шиш еловый». Для читателей литературного круга этот пассаж, несомненно, ассоциировался с традицией ежегодных публичных выступлений писателя, собиравших в Париже переполненные залы почитателей его феноменального таланта чтеца. В составленном Ремизовым печатном анонсе одного из таких вечеров чтения находим краткое изложение идеи музыкальной природы литературного текста:

Отдельное слово имеет свой напев, слова – свой лад, ряд слов – ритм. Всякое произведение выговаривается по-своему, и только выговаривание, а никакая игра (представление), сохраняет ритм произведения [Б. п. <Ремизов>, 1936].

Характерно, что Корнетов – выразитель авторского «Я» в «Учителе музыки» – представлен как носитель базовых знаний о музыкальном искусстве: он только «учитель музыки и никакой музыкант», единственным подтверждением его музыкальных способностей служил камертон. Между тем, обычный атрибут музыкальных учебных классов – «этот камертон был тот знак, который отличал его от других, и та заветная вещь – бесполезная, с которой он не расставался на всех путях своей жизни» (т. 9, с. 8, 208).

Камертон – несомненный «знак», денотат эталонного звука, в широком значении – символ музыки как универсального языка, законы которого приложимы к другим видам искусства. Благодаря высказываниям писателя, собранным в 1950-х гг. его биографом, мы находим подтверждения интермедийной природы этой творческой установки, в которой музыкальному искусству придавалось особое значение³. С первых литературных шагов Ремизов, чутко улавливавший тенденции символистской культуры к синкретизму творчества, в работе над своими произведениями ориентировался на структуру музыкальных сочинений. Примечательно, что в 1931 г. в журнале «Числа» появилась статья Бронислава Сосинского, в которой этот литературный воспитанник Ремизова, транслировал мысль о музыкальном кредо его творчества, без сомнения, почерпнутую непосредственно в личных беседах с писателем:

Сдержанность и скупость слов, подчиненность вещи определенной музыке – ибо каждый роман, каждый рассказ Ремизова имеет свою, особую, только ему присущую музыку, – ведет к большой расточительности и богатству оборотов. Стиль Ремизова – по изобию оттенков, переходов, по двух – трех – планности, по бесконечной варьации зрительных представлений – единственен! [Сосинский, 1931, с. 258].

² В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием тома и страницы.

³ Ср. высказывания писателя: [Кодрянская, 1959, с. 110], которые, в частности, послужили основанием для анализа авторского нарратива в прямом сопоставлении со структурными элементами музыкальной архитектоники [Целовальникова, 2005].

Смыслообраз «учитель музыки» коррелирует не только с идеей мимесиса как основы мастерства и опыта, но и с развитием способности распознавать и понимать новые тенденции западноевропейской культуры. Здесь стоит вспомнить, что Ремизов в 1927 г., накануне собственного творческого юбилея (25-летия со дня первой публикации), адресуясь к тому же Сосинскому, в качестве краткого напутствия, посоветовал «обращать внимание на здешнее и это очень будет полезно для России»⁴.

В начале 1930-х гг. индивидуальный поиск самого писателя был обращен к проблеме обновления дискурсивной формы. Не ограничиваясь только литературой, за новыми именами которой он пристально следил⁵, писатель находил понятные ему приемы в средствах художественной выразительности других видов искусства. Рассматривая «Учитель музыки» как индивидуальный ответ русского писателя на процессы современного мира, остановимся на двух эпизодах романа, имевших прямое отношение к авангардной музыке, – языку, который, как мы постараемся показать, отвечал задаче создававшегося романа – запечатлеть «дух времени».

2. К истории двух «музыкальных» эпизодов

6 июня 1931 г. в парижском «Salle Gaveau» состоялось премьерное исполнение сочинения французского композитора Эдгара Вареза «Intégrales». За дирижерским пультом – Николай Слонимский, уже к этому времени снискавший славу пропагандиста музыкального авангарда. Впоследствии маэстро, подробно описывая программу памятного концерта и отзывы известных профессиональных критиков, в ряду хвалебных отзывов привел фрагмент из романа «Учитель музыки» [Слонимский, 2006, с. 180–182]. За рамками его воспоминаний осталась история создания первой публикации ремизовского рассказа «Intégrales: Géométrie sonore», который вместе с одноименным рисунком писателя был напечатан уже 9 октября на страницах нового журнала «Кино: internationale du cinéma» (№ 12), выходившего в Париже под редакцией В. Р. Ховина с мая этого же года. По форме это был очередной сюжет из жизни вымышленных героев, повествующий о том, как Корнетов с Полетаевым побывали на концерте заезжей знаменитости. По содержанию – своевременное описание нового феномена музыкальной культуры.

Открытием имени Вареза – французского представителя американского авангарда – писатель был обязан своему молодому другу Николаю Леонидовичу Слонимскому (1894–1995). Для Ремизова дирижер стал «проводным» в мир нового искусства и конгениальным исполнителем новой музыки, запечатлевшей звуковой и ритмический образ современности. В Париже контакты Ремизова и Слонимского приобрели характер дружеского расположения в 1925 г., когда музыкант, пианист, начавший карьеру дирижера еще до своего переезда в Бостон, приобщился к кругу молодежи, собиравшейся в квартире писателя для литературных бесед. Впоследствии, каждый раз при возвращении во Францию, визиты маэстро к Ремизову были непереносимыми. Николай Слонимский, человек, одаренный в разных областях творческой реализации, для писателя косвенно ассоциировался с молодежным объединением «Серапионовы братья», одним из зачинателей которого являлся его младший брат Михаил Леонидович Слонимский (1897–1977). Именно «серапионы» как литературная, по словам Ремизова, «поросль», пробившаяся из-под обломков революционной разрухи, заслужили его внимание накануне отъезда из России и в истории литературы составили плеяду ремизовских литературных воспитанников [Обатнина, 2001б, с. 206–215].

Мотив давнего знакомства в рассказе «упакован» в предысторию отношений Корнетова с теперь уже ставшим известным в Европе и Америке дирижером. Профессиональный музы-

⁴ РГАЛИ. Ф. 2505. Оп. 2. № 19. Л. 1; п. от 21 июля.

⁵ См., в частности, исследование: [Грачева, 2011]. Подробно о разносторонних интересах Ремизова в литературе и музыке см.: [Резников, 1994, с. 259–261].

кант получает здесь характеристику, достойную ученика-вундеркинда, превзошедшего своего учителя в способности «слышать»:

Как у ольфактера абсолютный нос, у дегустатора язык, знаменитый Бостонский дирижер имел абсолютное ухо, или, говоря иносказательно: человек с абсолютным слухом отличает звуки, отстоящие друг от друга на 1/16 тона, собака – на 1/64, Слонимский же мог в муравьиной куче по муравьиному голосу определить, кто из муравьев взял неверную ноту» (т. 9, с. 221).

Тема «учительства и ученичества» в рассказе проявляется на разных смысловых уровнях. Однако использованная Ремизовым литературная аллюзия к лермонтовскому рассказу «Максим Максимович» подчеркивает односторонность или даже мифичность этих отношений. Усилению приема служит высказывание Корнетова: «Учителя помнят своих учеников, но ученики забывают – это общее правило» (т. 9, с. 221). Для литературных «учеников» Ремизова заявленная модель преемственности раскрывала позицию писателя, в реальной жизни отводившего себе роль заботливого старшего товарища, опыт которого лишь способствовал развитию молодого дарования. С другой стороны, проецируя авторское «Я» на образ Корнетова – учителя музыки, куда более известного в дружеской среде своими литературными интересами, автор актуализировал коннотативную связь «языков» двух искусств.

Встречи Ремизова со Слонимским в дни парижских гастролей дирижера подтверждаются письмами, сохранившимися в архиве писателя. По получении экземпляра двенадцатого номера «Кино» с публикацией рассказа и рисунка, дирижер, упоминая имя редактора журнала, отзывался в письме от 6 ноября 1931 г.:

Дорогой Алексей Михайлович!

Спасибо и за «Интегралы». Жалко, Варез не может прочесть – вот ему бы удовольствие было! Я перевожу на английский – от французского я отучился, и переводить трудно – и пошлю ему. На всякий случай даю Вам его адрес: Edgar Varèse, 7 Rue Belloni. М<ожет> б<ыть>, скажете Ховину, чтобы послал экземпляр Варезу – хоть название прочтет, и картинку посмотрит <...>.

Посылаю Вам свой новый «prospectus». Писал ли я Вам, что был в Сан-Франциско и в русской книжной лавке нашел почти все Ваши издания?

Сердечный привет Серафиме Павловне.

Н. Слонимский

Я не знал, что собака может распознавать 1/64 тона

(Amherst, Box 6, Folder 3) ⁶.

Свое намерение молодой друг писателя исполнил, отправив Варезу номер журнала «Кино» с публикацией и рисунком писателя, а также собственный перевод ремизовского рассказа в личном письме, которое в наши дни обнаружено среди эпистолярных документов, хранящихся в Фонде Пауля Захера (Швейцария) [Маклыгина, 2017, с. 42].

Благодаря Слонимскому прецедент состоявшейся в творчестве Ремизова двойной перекодировки текста музыки – на естественный язык и язык графики – стал фактом международной музыкальной культуры. Осенью 1932 г. между гастрольными выступлениями музыкант сообщил писателю:

Понедельник.

Дорогой Алексей Михайлович,

Я только что приехал из Берлина, в четверг улетаю в Лондон, оттуда в Ливерпуль, а оттуда в Бостон через Ирландию. Зайду к Вам сегодня в семь, наудачу.

Ваш рисунок Интегралов воспроизведен в Нью-Йорском журнале Эолос, а также перевод «Звучащей геометрии» <...>

Н. Слонимский

(Amherst, Box 6, Folder 3).

Указанное в письме издание являлось специфически профессиональным и издавалось американской национальной ассоциацией арфистов в Нью-Йорке (Eolos. N. Y.: National Association of Harpists, Inc., 1925–1932). Этот факт служит для нас подтверждением того, что

⁶ Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers (здесь и далее: Amherst, с указанием шифра).

ремизовская художественная рецепция соответствовала прогрессивным музыковедческим взглядам на творчество композитора-модерниста.

2.1. Ремизов и Варез: к типологии творческого поиска

Свой рассказ Ремизов завершает чудесной сценкой возвращения Полетаева и Корнетова домой после концерта. В ней сплелись в один узел подтексты, обнаруживающие амбивалентность авторского отношения к новому музыкальному языку:

Всю дорогу до самого дома Корнетов объяснял мне всякие музыкальные тонкости; иллюстрируя, напевал, и я ничего не понял, мне показалось, а может, так оно и было, очень «дико» и не похоже ни на какую «музыку», но я одно понял, почему так часто в разговорах поминался Слонимский (т. 9, с. 224).

На примере двух автобиографических героев Ремизов показал диаметрально противоположное восприятие «текста» современной музыки. Закономерно, что именно учитель музыки Корнетов выступает транслятором творческого единомыслия с композитором и дирижером. В целом рассказ открывает горизонт для сопоставления Ремизова и Вареза по творческому типу художников – выразителей сходных тенденций развития европейской культуры. Характерно также, что оба сочинителя активно использовали интермедиаальный инструментарий. Так, в творческом диапазоне Вареза абстрактный рисунок служил восполнению проблемных лакун музыкальной идеи [Маклыгина, 2018, с. 13].

Феномен музыкального «текста» французского композитора-авангардиста оказался для Ремизова подтверждением современных запросов культуры, касающихся переосмысления традиции и новой образности. Неслучайно, озадачившись «переводом» музыкальных метафор из варезовских «*Intégrales*» на язык художественного дискурса, он воспроизвел «кудрявый» стиль одной из журналистских рецензий, навязывающих сочинению композитора банальные метафорические определения («солнечный луч», «прорезавший туман» и пр.). Репортерским трюизмам писатель противопоставил свои собственные рассуждения о природе «сонорности», обращенной к пространственно-временному континууму, в котором сошлись доисторические и современные звукообразы:

Есть в природе человеческого голоса такие звуки, которые идут из подгрудной глубины. Наблюдали ли вы пение спящего, когда снятся ему страхи – какие странные звуки! и если источник их перевести вовне, они кажутся доходящими из-за тысячи километров, но от этих звуков вы непременно проснетесь с забившимся сердцем. Слышали ли вы голоса «порченных», которыми когда-то колдовала «Святая Европа», и которые «бесновались» в России у мошей, святых колодцев и чудотворных икон, а может – и теперь «кличут» на заповедных местах <...>, – и если не слышали, так я вам скажу, что это те же самые звуки подгрудной глубины до клокота из-за тысячи километров <...> У Вареза есть и еще – <...> шумы города: работа по металлу на бетонных площадках (т. 9, с. 244).

Воспоминания Слонимского открыли музыковедам ремизовское экфрастическое описание, которое стало успешно использоваться в профессиональном дискурсе, посвященном звучанию опуса «*Intégrales*» для 12 духовых и ударных [Манулкина, 2016, с. 278; Маклыгина, 2017, с. 42]. Свои впечатления писатель построил на таких оригинальных метафорах, как «стратосферическая музыка», «звучащая», или «сонорная геометрия». Двусоставные тропы, которыми он охарактеризовал новый музыкальный язык, в своем единстве объективируют метод «пространственного проектирования», суть которого, в частности, известна по комментариям композитора к собственным сочинениям [Маклыгина, 2018, с. 15–16].

Примечателен ассоциативный повод, благодаря которому Ремизов вновь возвращается к имени французского композитора в рассказе «Кэмпер». Полетаев, характеризуя сверхвысокий уровень уличного шума, сравнил его со звучанием известных ему авангардистских музыкальных опусов: «такой звуковой массе позавидовал бы сам Эдгар Варез, автор “Интегралов” и “Аркан”» (т. 9, с. 244). Словосочетание «музыкальная масса» (по всей вероятности, извлеченное писателем из рассказов Слонимского о композиторе) в терминологическом лек-

сиконе Вареза, по утверждению исследователей, представляло собой ключевую категорию концепции «*Intégrales*» [Маклыгина, 2016, с. 109].

Возможно, Ремизова также интересовали особенности музыкального нарратива Вареза, допускающего естественно-произвольную трансформацию первоначальной идеи [Варез, 2009, с. 11]. Согласно истории создания «*Intégrales*», форма этого произведения не была заранее предустановлена, а возникла как результат, объединяющий в целом – интегральном значении – малые величины музыкальных тем. Близкий с формальной точки зрения творческий подход обнаруживается и в канонической редакции «Учителя музыки», сюжеты которого также возникали «естественно-произвольно», согласно течению жизни. По завершении работы над целостной версией романа в 1949 г. писатель сообщил о кардинальной перемене своего исходного замысла: «“Учитель музыки” – идиллия. Начал о здравии, кончил за упокой. Незаметно перешла в “каторжную идиллию” с припевом “пропад”» (т. 9, с. 4).

Намеченные нами «созвучия» в интенциях композитора и писателя в целом позволяют исследовать архитеконику романа «Учитель музыки» как произведение, созданное в русле новейшего западноевропейского мейнстрима.

2.2. Литературный урок для профессионального музыканта

Как уже отмечалось, знания о Варезе и его творчестве Ремизов получал опосредованно, в рассказах Слонимского. Однако интерес писателя к опыту композитора в поисках нового звучания был избирателен. Новый звук для Ремизова – это звук забытых инструментов древней музыкальной культуры. Возможность убедиться, что экспериментальное направление авангардистов не оставило писателя равнодушным, позволяет содержание вскоре написанного рассказа «Кран гиппопотама»⁷, затекстовая реальность которого также, как и «*Intégrales: Géométrie sonore*», была прочно связана с именем Николая Слонимского. И на этот раз сюжет был преподнесен самой жизнью.

В феврале 1932 г. бостонский маэстро дал в Париже два концерта. В личном архиве Ремизова, в альбоме с письмами этого времени, полученными от Слонимского, находим газетную заметку с программой музыкальных вечеров. Первый из них, состоявшийся 21 февраля, был построен на классическом репертуаре, зато в завершение второго концерта прозвучало сочинение Вареза «Арканы» («*Arcana*», 1928). Автор анонимного сообщения подчеркнул особенности композиции и исполнения: «В этом произведении, написанном для максимального состава оркестра, имеется специальная “партитура в партитуре” для ударных инструментов, в том числе для китайских брусков, трещотки и “львиного рыка” – барабан с пропущенной через мембрану струной» (Amherst, Box. 6, Folder 3). Перечислительный ряд традиционных музыкальных ухищрений в точности был перенесен писателем в опубликованный уже 19 октября рассказ «Кран гиппопотама», где тема звукоизвлечения доведена до своего бурлескного апогея: резонатором для «сверхъестественной» музыки здесь послужила особенная звуковая зона квартиры главного героя – «взбесившийся» водопровод в уборной.

Несомненно, метафорическое имя импровизированного «инструмента» возникло по аналогии с названием этнического барабана, звучание которого традиционно ассоциировалось с «львиным рыком» (во французском переводе – «*rugissement de lion*»). Акустические возможности корнетовского «*robinet de l’hippopotame*» прошли апробацию во время «лекции» учителя музыки «о всяких новых диковинных инструментах», прочитанной для узкого круга знакомых. И, по утверждению Полетаева, то и дело покидавшего собрание, чтобы дернуть за известную цепочку, «даже те, кто, не обознавшись, на водопровод подумал, поверили, слушали и удивлялись» (т. 9, с. 224).

Учитывая периодические встречи Ремизова со Слонимским, возьмемся предположить, что тема «нового инструмента» в рассказе «Кран гиппопотама» восходила к содержанию бесед

⁷ Современные записки. 1932. Кн. 50. С. 96–112. (номер поступил в продажу 19 октября).

с музыкантом, делившимся с писателем творческими идеями, воспринятыми от Вареза. В 1928–1931 гг. Слонимский вместе с физиком-акустиком Львом Терменом и композитором Генри Кауэллом работал над концепцией и настройкой уникальных «музыкальных машин», получивших названия «терменвокс» и «ритмикон» [Манулкина, 2011, с. 51–166]. Проблема практического освоения ритмикона в переписке Слонимского с Кауэллом стояла на первом месте. Еще в ноябре 1931 г. планировалось, что дирижер исполнит программу сочинений для нового инструмента в концертах предстоящего в следующем году турне по Европе. Останавливало только то, что ритмикон «капризен в обращении и подвержен приступам музыкальной хандры» [Слонимский, 2006, с. 219]. Звуковые возможности «футуристической штуковины», по словам его испытателя, напоминали звучание целого индонезийского оркестра, состоящего преимущественно из ударных инструментов [Там же, с. 218–219]. Весной и летом 1932 г. Слонимский и Кауэлл провели цикл просветительских лекций с демонстрацией своего детища. Таким образом, в тексте рассказа «Кран гиппопотама» обнаруживается прямая перекличка с реальной деятельностью авангардистов⁸. Внешне конкретный эпизод с лекцией Корнетова «о диковинных инструментах» представляет собой комический перенос исканий новаторов-музыкантов на реалии бытовой жизни профанов. Подобная литературная клоунада наверняка повеселила читателя, далекого от мира музыки и литературы, но окружением писателя этот сюжет, надо полагать, воспринимался не так односложно.

Новый рассказ, еще до публикации прочитанный писателем в кругу его молодых литературных друзей, буквально стал притчей во языцех. В письме Слонимского 1932 г. находим упоминание об этом: «...О “гиппопотамовом кране” слышал от Мочульского, но хочется послушать в Вашем исполнении»⁹. Неожиданный литературный кунштюк не мог не затронуть творческих амбиций музыканта, для которого адресация ремизовской иронии была более, чем прозрачной. Его творческая биография со всей очевидностью доказывает безразличие к недвусмысленным намекам на избранный им ошибочный путь, приводящий к подмене «музыкальными машинами» не только живого «голоса» инструмента, но и близкой Ремизову идеи передавать «дух» времени средствами традиционной культуры, а значит, – обогатить новую нарративную форму забытыми средствами выразительности. В мемуарах, опубликованных под знаковым названием «Абсолютный слух» [Slonimsky, 1988], Слонимский ни словом не обмолвился о своей причастности к ремизовской «школе», несмотря на историю интенсивных контактов с писателем и отведенную ему в конструкте «Учителя музыки» роль идеального «ученика».

Эксперименты с «искусственной» музыкой, получившие отражение в ремизовском романе, позволяют рассматривать смыслообраз его названия в системе координат историософии и культуры. Возвращаясь к процитированному выше письму Слонимского 1931 г., восстановим купюру в тексте, касающуюся вопроса о генезисе главного героя: «А мне все хочется сообразить, – писал музыкант, – кто такой Корнетов, синтетический персонаж, или Ваш alter ego»¹⁰. Будто откликаясь на раздумья своего «мифического» ученика, два года спустя, в рассказе «Чинг-Чанг» (1933) Ремизов предоставил объяснения к опубликованным главам: «Прошу не путать никого с Александром Александровичем Корнетовым <...> это я сам. Имя Корнетову дано было еще в Петербурге в честь Александра Александровича Блока...» (т. 9, с. 437). Оставшаяся немотивированной литературная отсылка имеет прямое отношение к созданному Ремизовым своего рода культу блоковского «внутреннего слуха», обращенного к современности, истории и культуре¹¹. Эталон «внутреннего слуха», коррелирующий с символическим значением упомянутого в романе «камертона», закрепился в латентном семантическом поле смыслообраза «учитель музыки» благодаря развитию темы музыки в двух очерках памяти Блока («Из огненной России» (1921) и «Десять лет» (1931)). Подтверждение

⁸ См. о лекциях [Манулкина, 2011, с. 60–161].

⁹ Купюра из письма (осень 1932 г.), приведенного на с. 103 наст. изд.

¹⁰ См. место купюры в письме от 6 ноября 1931 г., приведенном на с. 103 наст. изд.

¹¹ См. (т. 10, с. 331–332, 334).

в верности своей интерпретации гения Блока писатель, несомненно, нашел также в прочитанных не позднее 1931 г. дневниках поэта (Л., 1928, под ред. П. Н. Медведева), на страницах которых формировалась блоковская концепция «духа музыки». Закономерно, что в тексте романа мы находим градацию творческих способностей, позволяющих отличить художника от эпигона или обладателя абсолютного слуха от заурядного «слушателя». Так, например, Полетаев в музыкальном отношении был бездарен, но прославился изобретением «чудеснейшего аппарата, с помощью которого у человека делаются два уха вместо одного и изощряется слух до восприятия самых неуловимых и отдаленных звуков» (т. 9, с. 88).

В силу прямой зависимости художественного мира романа от событий реальной жизни семантика смыслообраза «учитель музыки» постепенно дезактивировала такие первоначально доминантные коннотации, как «школа», «преемственность», «ученичество», «творческое дарование» («абсолютный слух» и «внутренний слух»), и зафиксировалась на том уровне простейшей импликации, с которой мы начали свои рассуждения: если Корнетов – автобиографический герой, то Ремизов – учитель музыки. Авторская формула ««Учитель музыки» – моя бытовая автобиография» (т. 9, с. 4), известная из вступления к книге, возникла в 1949 г. и мало соотносима с начальным замыслом 1931–1933 гг., получившим отражение в названии еще не законченного романа.

Список литературы

- Б. п. <Ремизов>.** Чтение А. М. Ремизова // Последние новости. 1936. № 5486. 31 марта. С. 3.
- Варез Э.** Освобождение звука / Пер. А. Маклыгиной // Композиторы о современной композиции: хрестоматия / Ред.-сост. Т. С. Кюрегян, В. С. Ценова. М., 2009. С. 7–17.
- Голосовкер Я. Э.** Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.
- Грачева А. М.** Алексей Ремизов и Джеймс Джойс: Интродукция // Культурный палимпсест: Сб. ст. к 60-летию В. Е. Багно / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. А. В. Лавров. СПб.: Наука, 2011. С. 135–145.
- д'Амелия А.** «Автобиографическое пространство» Алексея Ремизова // Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). М.: Рус. книга, 2002. Т. 9: Учитель музыки: Каторжная идиллия. С. 449–464.
- Кодрянская Н.** Алексей Ремизов. Париж: Изд. авт., [1959]. 333 с.
- Маклыгина А. А.** «Интегралы» Вареза. От радикального к преемственному // Вестник КАЗ-ГУКИ. 2016. № 2. С. 109–115.
- Маклыгина А. А.** Слово Вареза и о Варезе (из архива композитора в Фонде Пауля Захера) // Журнал Общества теории музыки. 2017. № 3 (19). С. 40–50.
- Маклыгина А. А.** Теоретические проблемы музыки Эдгара Вареза: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Казань, 2018. 28 с.
- Манулкина О.** Композиция для ритмикона и четырех модернистов // Opera musicologica. 2011. № 3–4. С. 151–161.
- Манулкина О. Б.** «Абстрактная музыка там не проходит»: как Николай Слонимский и Генри Кауэлл планировали американское музыкальное вторжение в СССР // Liber amicorum Людмиле Ковнацкой. СПб.: Библио-Россика, 2016. С. 277–289.
- Обатнина Е.** Димитрий Солунский и Алексей Человек Божий о литературных «чадах» (новонайденные дополнения к истории эпистолярных контактов Д. В. Filosofova и А. М. Ремизова) // Русский модернизм И его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова / Под ред. А. Ю. Сергеевой-Клятис, М. Ю. Эдельштейна. М.: НЛЮ, 2021а. С. 460–480.
- Обатнина Е.** Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001б. 384 с.

- Резников Е. Д.** Ремизов и музыка. Ч. I: Воспоминания // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб.: Дм. Буланин, 1994. С. 259–266
- Ремизов А. М.** Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 8: Иверень. Подстриженными глазами. 704 с.; 2002. Т. 9: Учитель музыки. 512 с.; 2003. Т. 10: Петербургский буерак. 592 с.
- Слонимский Н.** Абсолютный слух: История жизни / Пер. Н. Кострубиной и В. Банкевича; примеч. О. Рудневой, В. Банкевича и А. Вульфсона. СПб.: Композитор, 2006. 424 с.
- Сосинский Б.** О Алексее Ремизове // Числа. 1931. № 5. С. 258–262.
- Целовальникова Н. В.** Ритм прозы А. Ремизова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2005. 16 с.
- Slonimsky N.** Perfect pitch: A life story. Oxford; New York: Oxford Uni. Press, [1988]. 263 p.

References

- Anonym <Remizov>.** Chtenie A. M. Remizova [The Remizov's reading]. *Poslednie Novosti* [The Last News], 1936, no. 5486, p. 3. (in Russ.)
- d'Amelia A.** "Avtobiograficheskoe prostranstvo" Aleksey Remizova ["Autobiographical space" by Alexey Remizov]. In: Remizov A. M. Collected Works. In 10 vols. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2002, vol. 9, pp. 449–464. (in Russ.)
- Golosovker Ya. E.** Izbrannoe. Logika mifa [Selected works. The logic of the myth]. Moscow; St. Petersburg, Centr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2010, 496 p. (in Russ.)
- Gracheva A. M.** Aleksei Remizov i Dzheims Dzhойс: Introduktsiya [Alexey Remizov and James Joyce: Introduction]. In: Lavrov A. V. (ed.). Kul'turnyi palimpsest [Cultural palimpsest]. Collection of articles in honor of the 60th anniversary of V. E. Bagno. St. Petersburg, Nauka, 2011, pp. 135–145. (in Russ.)
- Kodrianskaia N.** Aleksei Remizov. Paris, Authors's Publ., [1959], 333 p. (in Russ.)
- Maklygina A. A.** "Integraly" Vareza. Ot radikal'nogo k preemstvennomu ["Integrals" by Varez. From Radical to Succession]. *Vestnik KAZGUKI*, 2016, no. 2, pp. 109–115. (in Russ.)
- Maklygina A. A.** Slovo Vareza i o Vareze (iz arkhiva kompozitora v Fonde Paulya Zakhera) [The word Varez and about Varese (from the composer's archive at the Paul Zaher Foundation)]. *Zhurnal Obshchestva teorii muzyki* [Society of Music Theory Journal], 2017, no. 3 (19), pp. 40–50. (in Russ.)
- Maklygina A. A.** Teoreticheskie problemy muzyki Edgara Vareza [Theoretical problems of music of Edgar Varez]. Abstract of Thesis Cand. Art Sci. Kazan, 2018, 28 p. (in Russ.)
- Manulkina O.** Kompozitsiya dlya ritmikon i chetyrekh modernistov [Composition for rhythmicon and four modernists]. *Opera musicological*, 2011, no. 3–4, pp. 151–161. (in Russ.)
- Manulkina O. B.** "Abstraktnaya muzyka tam ne prokhozhit": kak Nikolai Slonimskii i Genri Kauell planirovali amerikanskoe muzykal'noe vtorzhenie v SSSR ["Abstract music doesn't work there": how Nicholas Slonimsky and Henry Cowell planned the American music invasion to the USSR]. Liber amicorum to Liudmila Kovnatskaya. St. Petersburg, Biblio-Rossika Publ., 2016, pp. 277–289. (in Russ.)
- Obatnina E.** Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'yan'ya Velikaya i Vol'naya Palata A. M. Remizova v litsakh i dokumentakh [Tsar Asyka and his subjects: A. M. Remizov's Great and Free Monkey Chamber in persons and documents]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001. 384 p. (in Russ.)
- Obatnina E.** Dimitrii Solunskii i Aleksii Chelovek Bozhii o literaturnykh "chadakh" (novonaidennye dopolneniya k istorii epistol'iarnykh kontaktov D. V. Filosofova i A. M. Remizova) [Dimitri Solunsky and Saint Alexius of Rome on literary "children" (new additions to the history of epistolary contacts between D. V. Filosofov and A. M. Remizov)]. In: Sergeeva-Kliatis A. Yu., Edelshtein M. Yu. (eds.). Russkii modernizm i ego nasledie. Kollektivnaya monografiya v chest' 70-letiya N. A. Bogomolova [Russian Modernism And its Heritage. Col-

- lective monograph in honor of the 70th anniversary of N. A. Bogomolov]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 460–480. (in Russ.)
- Remizov A. M.** Complete Works. In 10 vols. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2000, vol. 8, 512 p.; 2002, vol. 9, 704 p.; 2003, vol. 10, 592 p. (in Russ.)
- Reznikov E. D.** Remizov i muzyka. Ch. I: Vospominaniya [Remizov and Music. Part I: Memories]. In: Gracheva A. M. (ed.). Aleksei Remizov: Issledovaniya i materialy [Alexey Remizov: Research and Materials]. St. Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 1994, pp. 259–266. (in Russ.)
- Slonimsky N.** Perfect pitch: A life story. Oxford; New York: Oxford Uni. Press, [1988], p. 263.
- Slonimsky N.** Absolyutnyi slukh: Istoriya zhizni [Perfect Pitch: An Autobiography]. Trans. by N. Kostubina and V. Bankevich, comment. by O. Rudneva, V. Bankevich and A. Vulfson. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2006, 424 p. (in Russ.)
- Sosinsky B.** O Aleksee Remizove [About Aleksei Remizov]. *Chisla* [The Numbers], 1931, no. 5, pp. 258–262. (in Russ.)
- Tselovalnikova N. V.** Ritm prozy A. Remizova [Rhythm of prose by A. Remizov]. Abstract of Thesis Cand. Philol. Sci. Astrakhan, 2005, 16 p. (in Russ.)
- Varèse E.** Osvobozhdenie zvuka [Releasing the sound]. Trans. by A. Maklygina. In: Kiuregiap T. S., Tsenova V. S. (eds.). Kompozitory o sovremennoi kompozitsii: khrestomatiya [Composers about Modern Composition: Anthology]. Moscow, 2009, pp. 7–17. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Рудольфовна Обатнина, доктор филологических наук
Scopus Author ID 56989896100
WoS Researcher ID N-5784-2017

Information about the Author

Elena R. Obatnina, Doctor of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 56989896100
WoS Researcher ID N-5784-2017

*Статья поступила в редакцию 22.02.2023;
одобрена после рецензирования 01.04.2023; принята к публикации 04.04.2023
The article was submitted on 22.02.2023;
approved after reviewing on 01.04.2023; accepted for publication on 04.04.2023*

Научная статья

УДК 82(091)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-109-119

Family Saga as a Genre of World Literature

Oleg A. Donskikh ¹, Rayhan Md Tapu ²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation

² Noahali University of Science and Technology
Noahali, Bangladesh

¹ oleg.donskikh@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7297-9754>

² tapu.engdu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9214-6338>

Abstract

This article questions the reasons for the interest in the genre of saga, and discusses the peculiarities of its construction depending on the time and place of its origin, starting with the oral tradition. This genre is defined firstly by describing the life of no less than three families during a considerable span of history of a country, it also includes precise environmental details, such as dress and behavior, and exact dates of events against which the life of the heroes flows. Yet there are some differences in the choice of the narrator (whether it is the heroes themselves, or an objective observer of the events), the way of presenting time and space, ways of communication, etc. These differences are analyzed in the examples of four novels representing four literary traditions. The specifics of Russian literary tradition are also emphasized.

Keywords

saga, family saga, link with history, autobiography, *Buddenbrooks* by Thomas Mann, *Roots*, by Alex Haley, *Durbin* by Shirshendu Mukhopadhyay, *The Last Bow* by Astafyev

For citation

Donskikh O. A., Rayhan Md Tapu. Family Saga as a Genre of World Literature. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 109–119. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-109-119

Семейная сага как жанр мировой литературы

Олег Альбертович Донских ¹, Райхан Мд Тапу ²

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия

² Ноахалийский научно-технический университет
Ноахали, Бангладеш

¹ oleg.donskikh@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7297-9754>

² tapu.engdu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9214-6338>

Аннотация

В данной статье обсуждается современный интерес к жанру саги, появление значительного числа семейных саг, написанных как по материалам реальных биографий, так и в жанре фантастическом. Рассматриваются

особенности построения жанра семейной саги в зависимости от времени и места возникновения, начиная с устной традиции. Так, сага, в отличие от скальдической поэзии, лишена авторского начала, в ней доминирует клановое сознание, она описывает только важные для клана события, и посвящаются они одному герою, поэтому лишь серия античных саг дает общую литературную историю. Саги отличаются от эпоса привязкой к конкретному времени. Интерес к жанру возрождается в период романтизма вместе с появлением исторического романа и жанра автобиографий. Именно последние ведут прямо к появлению современного жанра семейной саги. Вводится различие между семейной хроникой и семейной сагой. Семейная сага определяется прежде всего описанием жизни не менее трех семей на протяжении значительного отрезка истории страны, его также отличают точные детали в обстановке, включая одежду и поведение, точные даты событий, на фоне которых протекает жизнь героя. И все же есть некоторые различия в выборе рассказчика (будь то сам герой или объективный наблюдатель событий), способе представления времени и пространства, способах коммуникации и т.д. Эти различия анализируются на примере четырех романов, представляющих четыре разные литературные традиции, включая «Будденброки» Томаса Манна, «Корни» Алекса Хейли, «Дарбин» Ширшенду Мухопадхья, «Последний поклон» Виктора Астафьева.

Ключевые слова

сага, семейная сага, связь с историей, автобиография, «Будденброки» Томаса Манна, «Корни» Алекса Хейли, «Дурбин» Ширшенду Мухопадхья, «Последний поклон» Астафьева

Для цитирования

Donskikh O. A., Rayhan Md Tapu. Family Saga as a Genre of World Literature // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 109–119. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-109-119

Introduction

Family chronicles (or family sagas) are one of the most popular genres of world literature, and they developed independently in different cultures at different times, and are now experiencing a rise. Such famous authors as Orhan Pamuk (*Cevdet Bey and his Sons*), Alex Haley (*Roots*), Salman Rushdie (*The Moor's Parting Sigh*), Ann Patchett (*The Dutch House*), Herbjørg Wassmu (*One Hundred Years*), Anne Karin Elstad (*Innhaug Manor*), Doris Lessing (*Great Dreams*), Michael Cunningham (*Flesh and Blood*), Daniel Speck (*Bella Germany*) and others all lean into this genre. And the modern saga sometimes acquires very peculiar features, including mythological and mystical motifs in the narrative or tries to reconstruct the family stories of the past in modern conditions. Examples include such works as *One Hundred Years of Solitude* by Gabriel Garcia Marquez, *The Vorkosigan Saga* by Lois McMaster Budjold, *Midnight's Children* by Salman Rushdie, *The House of Spirits* by Isabel Allende, or *The Wheel of Fortune* by Susan Howatch, etc.

This article discusses the reasons for the interest in this genre and some peculiarities of its construction depending on the time and place of its origin. In order to formulate the issue more precisely, it is necessary to distinguish the saga from similar genres. It is worth noting that the terms “family chronicle” and “family saga” are often used synonymously, although the term “chronicle” introduces an element of consistency, whereas the word “saga” introduces an element of epic nature. Nevertheless, the boundary between these names is so shaky that the overlap is much greater than the difference. In fact, originally, a “saga,” as defined by Munro Chadwick and Nora Chadwick, is a prose story preserved by oral tradition [Chadwick & Chadwick, 2010, p. 2]. That is, it is a narrative directly opposed to the poetic tradition. The saga appears when the individual clans and people as a whole become aware of themselves, for in time the appearance of the sagas coincides with the establishment of laws. “Both in Norway and in Iceland the writing of the vernacular seems to have begun with the Laws, which were written early in the twelfth century” [Chadwick & Chadwick, 2010, p. 9]. Roughly the same process can be observed in ancient Greece, where genealogies and then the first prose texts appear in the 7th – 6th centuries [See: Boedeker, 2011; Grethlein, 2011] and in ancient Israel [Van Seters, 2011].

The specifics of the ancient saga

The most thorough and well preserved are the Scandinavian sagas, where the word itself came from. “In amount, quality and variety Icelandic saga far surpasses anything of the kind which is to

be found in other countries. It provides us with a knowledge of the life, both material and intellectual, of the tenth and eleventh centuries and of the personnel of these times, which can hardly be paralleled in any other barbaric period – indeed perhaps in any period before the sixteenth century. The leading characters in the sagas differ greatly from the semi-idealised figures which we find in heroic poetry” [Chadwick & Chadwick, 2010, p. 332]. The sagas are structured differently depending on whether they are sagas of Icelanders (Family) sagas, King’s sagas, or Legendary sagas.

These narratives have some defining specifics. Firstly, they are devoid of authorial origin. M. I. Steblin-Kamenskiy notes that the authorship of the Icelandic sagas is not determinable because “...those who wrote the “Icelandic sagas” were certainly just as unaware of their authorial contribution as those who created or transmitted the oral tradition on which the sagas were based were unaware of it” [Steblyn-Kamenskiy, 1976, p. 151]. At the same time, the authors of the skaldic poems, which were performed along with the sagas, were clearly aware of their authorship. Thus, it is the genre of the saga that determines the lack of authorial identity. This is also pointed out by A. Gurevich: “In contrast to the skald, the author of the saga of the Icelanders was a representative of the predominantly “collective” type of creativity” [Gurevich, 2009, p. 89]. Secondly, the sagas represent “all events that took place in the private life of all the Icelanders of a certain age. ... Only a breach of the peace, i.e. a quarrel between individual members of society, was considered an event. If there was no quarrel, it was assumed that nothing happened and there was nothing to describe. “Everything was calm,” the Icelandic sagas say on such occasions” [Steblyn-Kamenskiy, 1976, p. 152]. Thirdly, a notable feature of the sagas is that they usually focus on one hero. If the saga is about kings, it is about one king. However, combining a number of sagas presents a common story. In this case the account of Danish history from the middle of the 10th century to the beginning of the 13th century, which includes hagiographies of some 20 kings, is rather a “corpus of king’s sagas” [Dzhakson, 2021, p. 8]. In the king’s sagas, unlike generic sagas, time is objectified. “The inner connection of events, characteristic of the ‘family sagas’, begins to give way to a connection of simultaneity” [Steblyn-Kamenskiy, 1980, p. 591]. However, the sagas, even the corpus of royal sagas, are not history in the modern sense of the word, because they lack a critical attitude to the events told. Moreover, the narrators, unlike historians, freely describe such details of the narrative that they could not know in principle, including, for example, conversations, etc. Fourth, the sagas also differ from epic works due to the fact that epic time is a completed time, it is the time of gods and heroes. Bakhtin singles out “absolute past”, “national legend” and “absolute epic distance” as features of the epic [Bakhtin, 2012, p. 617], whereas the sagas link representatives of clans that actually existed with their contemporaries. Fifth, the observational plausibility of the narrative of the saga can be compared with the genre of the historical novel, but while the author of the historical novel understands the subjectivity of the narrative, for the author of a saga, it is a completely objective account of what actually happened. Steblin-Kamenskiy introduces the concept of “prehistory” in order to combine, on the one hand, the truthfulness of the story, characteristic of a proper historical work, and, on the other hand, the liveliness and detail of the story, characteristic of the historical novel [Steblyn-Kamenskiy, 1980 p. 582–583].

Saga: the new appeal

The original genre of saga existed for a few centuries in vernacular language while European literature asserted itself in Latin, and since 14th – 15th centuries in national languages. An interest in folklore, particularly the saga, parallels the interest in the life of the individual with the Romantics from the end of 18th century. At this time, national history is reinterpreted, the historical novel appears and develops, as well as such genres as the autobiography¹ and so called ‘fictional autobiography’. The latter has been coined in order “to define novels about a fictional character written as

¹ The word “autobiography,” even though some works of this genre were known as far back as antiquity (Augustine’s *Confessions*) was first used by W. Taylor in the *Monthly Review* and in 1809 by R. Southey [See: Mann, Naumova, p.160].

though the character were writing their own biography". The examples are the autobiographical novels of Ch. Brontë *Jane Eyre* (1847), with "An Autobiography" noted on the front page of the original version and Dickens's *The Life of David Copperfield. Told by Himself* (1850). In Russian literature the most distinguished narratives are S. Aksakov's *A Family Chronicle* (1856), *Recollections* (1856) and *The Childhood Years of Bagrov Grandson* (1858), Maxim Gorky's *Childhood* (1913), *Among People* (1915) and *My Universities* (1928). These novels lead us directly towards family sagas. Fictional autobiographies eventually split with family sagas due to the fact that the former concentrates around one individual while the latter widens to the description of the family history, which is "the systematic narrative and research of past events relating to a specific family. While genealogy is the convenient label for the field, family history is the overarching term, since genealogy in the strict sense is only concerned with tracing unified lineages" [Mann, Naumova, 2011, p. 167]. If we take family history as the generic term, the specifics of the saga are 1) the presentation of family history in at least three generations and 2) set upon the background of the history of the state or nation. Thus, Thomas Mann in his novel maintains a consistent interest in the changing climate of economic life in the social and business world [Swales, 1991, p. 89].

Thereby, the modern saga to a certain extent bears the features of the old sagas. It is a focus on the story of a specific person as a representative of the family (clan) in very specific situations with precise details in dress and behavior, the exact dates of the events against which the life of the hero flows. And this distinguishes the family chronicle from another major genre: the epic novel. It should be indicated that the epic novel is developed predominantly in Russia ("War and Peace" by Leo Tolstoy) because "...the Western mentality is strongly individualistic, which is why we do not find epics in the literature of Western Europe and America. Major, fateful events are presented here through the prism of the lives of individuals, and we rather observe the biography of a person in the background of events, rather than vice versa. This is why the tradition of novels, historical and biographical novels, family chronicles, rather than epic novels, has taken root here. The epic hero is unthinkable in an individualistic paradigm" [Nikol'ski, Lill'-Bezak, 2019, p. 60]. Thus, the epic novel is more relevant with the Russian communal mentality.

Nikol'ski and Lill'-Bezak state: "The family chronicle is similar in scope to the epic, but it introduces pictures of life and the everyday life of generations, rather than describing a historical event, and also differs in its temporal length (50 – 100 years). Its heroes are individuals rather than social types. It does not have a panoramic and global nature, due to the lack of a high level of generalization, as it is customary for an epic. It may refer to a major historical event, but only if it concerns an individual family. The family chronicle also lacks epic completeness, which is why its finale is open. The difference also concerns the image of the author: they are not a demiurge, as in the epic, but rather an observer". [Nikol'ski, Lill'-Bezak, 2019, p. 27]. The comparison with the epic is important in the sense that since the 1960s in the USSR several major literary paintings have been produced that clearly claim to be epics. But they should rather be characterized as socialist realist family chronicles. These are *Eternal Call* by A. Ivanov, *The Strogovs* by G. Markov, *The Zhurbins* by V. Kochetov, *Destiny* and *Your Name* by P. Proskurin. This is an attempt to understand an important historical period in Russian life through the prism of family relationships. Presenting the tragic events of a transition to a new social relationship, these authors are in the blinds of socialist realism. V. Astafyev, on the other hand, spent 25 years writing his book, having started in 1968, and ideologically, his book has nothing to do with socialist realism, and here one can really speak without any reservations about the continuation of the pre-revolutionary tradition. It is important to note that in this tradition the spiritual and moral vector of the family chronicles is evident. They are designed to stipulate the unity of the cultural and historical field. It can be seen in proper family chronicles (Aksakov, Saltykov-Shchedrin, Garin-Mikhailovsky, etc) as well as in memoir literature (*Grandmother's Tales: From the Memories of Five Generations...* D.D. Blagovo, *Memories of the past: from the family chronicle* by E.A. Sabaneyeva, *From the family chronicle: memories of children and grandchildren* by N.P. Grot etc.) [Evdokimova, Komatesova, 2017].

Being the heir to this tradition Astafyev also clearly refers to the so-called Village Prose. Therefore, he belongs to the group of such writers as Vasily Belov, Fyodor Abramov, Aleksander Yashin, Valentin Rasputin, Vasily Shukshin, and other writers who predominantly originated from Northern regions of Russia and from Siberia.

It is interesting to compare some examples of modern literary sagas representing different cultural and literary traditions in order to understand the specifics of the Russian family saga.

The examples of modern family sagas

In this case, *Buddenbrooks* by Thomas Mann, *Roots* by Alex Haley, and *Durbin* by Shirshendu Mukhopadhyay are selected for comparison to examine similarities and differences with the Russian family saga represented by Astafyev's *The Last Bow*.

Buddenbrooks by Thomas Mann is a prominent work of 20th-century German literature, and is often regarded as the prototype of the Western family saga genre. The novel's structure and themes are in line with the literary traditions of 20th-century German literature, particularly the theme of realism. While there are other modern family sagas of German literature, such as *The Glass Bead Game* by Hermann Hesse, *The Seventh Cross* by Anna Seghers, and *Stein House: A German Family Saga* by Myra Hargrave McIlvain, *Buddenbrooks* stands out as a significant example of the genre due to its impact on subsequent family sagas in Western literature.

A noteworthy number of 20th-century American literary works are influenced by the experiences of African immigrants in America, with a focus on slavery, racism, and other forms of discrimination faced by African Americans. Novels such as *Roots* by Alex Haley, *Beloved* by Toni Morrison, *Homegoing* by Yaa Gyasi, *The Known World* by Edward P. Jones, and *The Underground Railroad* by Colson Whitehead are prominent examples of this genre.

In 20th-century Bengali literature, there are several notable family saga novels such as *Durbin* (Telescope) by Shirshendu Mukhopadhyay, *Pother Panchali* (Song of the Road) by Bibhutibhusan Bandyopadhyay, *Jal O Jiban* (Water and Life) by Tarashankar Bandyopadhyay. Among them, *Durbin* is a significant work of Bengali literature that is often studied for its typology of the family saga genre. The novel's structure adheres to the literary traditions of 20th-century Bengali literature, which were influenced by social realism, colonialism, and modernism.

Thomas Mann's *Buddenbrooks*

The *Buddenbrooks* created a new literary trend by incorporating elements of the family saga into a literary work. Ru says, "I regard Thomas Mann's *Buddenbrooks* as the first prototype of Western family novels (family saga) that mark the ripe development of this sub-genre, one that differentiates it from other kinds of novels" [Ru, 2001, p. 100]. Kerstin Dell says, "A classic example of the family chronicle is Thomas Mann's *Buddenbrooks* [Dell, 2007].

Using a third-person narrative technique, Thomas Mann systematizes it as a family saga genre, including the concept of a multi-hero narrative and extensive family discussions. Lokteva says: "Now there is a renaissance of a type of panoramic, multi-hero narrative, a family chronicle (family saga) in the style of the *Buddenbrooks* or the *Forsyte Saga* [Lokteva, 2022, p. 2] The plot of this novel centres on the bourgeois German Buddenbrook family and the life of their four generations from 1835 to 1877. Like any family saga, this book is partly autobiographical. Harold Bloom describes the book as 'autobiographical' and also sees it as the tale of four generations of a merchant family [Bloom, 2003, p. 12]. The book contains many autobiographical elements, including various settings, characters and incidents from the author's own life. The novel shows the actions, thoughts and gatherings of the family, as well as their lavish lifestyle, and even includes recipes for dishes such as carp in red wine. Much of the historical context of this book can be found on the pages of the enclosed family chronicle. H. Mundt says, "The novel spans German history, from Napoleon's conquest of the German states to the Gründerzeit, the founding of a unified German Empire under

Bismarck. While the Buddenbrooks' decline is embedded in a turbulent time of German history, the changing political and social climate has little if any significant impact upon them" [Mundt, 2004, p. 41].

The *Buddenbrooks* follows a chronological order. The first part of the novel begins with an incident in 1835 and then moves chronologically to 1877. Family saga novels are often long, as they cover a large period of time and several generations. The *Buddenbrooks* is more than 700 pages long, which is the typical length of a standard family saga volume as estimated by Harris and Rowe [See: Harris & Rowe, 2005]. In a family setting, reciprocal relationships between family members are common. In this text, family members often have various house parties, which is one example of their good family relationships. Along with this, intra-family conflict also becomes a defining aspect of this novel. Mann also adheres to the religious beliefs of family members that are commonly found in family sagas. Because of their religious views, many of the characters take a strong stand against any immoral act. The theme of fate plays a semantically important role in the novel *Buddenbrooks*, affecting the personal and family lives of different generations of the Buddenbrook family and leading them to decline, as indicated by the novel's subtitle ("Verfall einer Familie"). This theme shows how one generation's fate (including births and deaths) is linked to another, developing the plot. The birth of a child brings new fates, hopes and aspirations to the family and is celebrated as a joyous occasion. The use of the concept of death is observed in this novel, which is the syntactic and semantic criterion of the family saga genre.

Thomas Mann presents the elements of the family saga on a large scale in this novel. He includes almost all the literary and realistic elements necessary: specific narrative technique, depiction of different generations, autobiographical motifs, the life experiences of the Buddenbrook family, the history of the country, chronological order, family relationships, religion, the theme of fate, birth and death.

Alex Haley's *Roots*

Alex Haley's popular novel *Roots*, published in 1976, is well-received by readers. When speaking about this novel, Barbara J. Shade says, "*Roots* is the story of the progress of an American family with an African heritage" [Shade, 1977, p. 335]. The author has presented the entire history of the Kinte family: "Finally I've woven our whole seven generations into this book that is in your hands" [Haley, 2007, p. 884]. Among all the generations, Kunta Kinte, the main character of the text, belongs to the first generation to settle in America. The author himself is in the seventh generation. John David Smith says, "This is an excellent, although ponderous historical saga which traces the history of the author's black family from its origins in Africa, through American slavery, and up to the present" [Smith, 1977, pp. 246].

Haley uses the third-person narrative technique. He also utilizes a multi-hero narrative technique to analyze different generations of Kunta's family, covering the time frame in which they lived, giving readers a deeper understanding of the characters. He also examines the life experiences of the family members of the successive generations, their memories, their culture, their religiosity, and their births and deaths, which are developed in the plot of the novel. And all of these are the essential criteria for a literary work to be regarded as a genre of the family saga. In the novel each family member has their own personality and unique identity. The intra-family relationship between family members enhances the family structure of this novel. Along with highlighting the history of several generations, the author also depicted the history of America. Taylor says, "However while writing with a historical backdrop that reflects the growth of the United States from the American Revolution to World War I, he frequently gives the reader bits of history that seem too contrived, too convenient" [Taylor, 1977, p. 204]. In *Roots*, the author chronologically begins his narrative from 1750 and traces the lifestyle of many generations over the next two centuries. In terms of volume *Roots* meets the requirements of the structural model of Harris and Rowe [Harris & Rowe, 2005].

The life experiences of generations are characterized by the theme of slavery and racism that are used in the process of the realistic portrayal of their lives in that era (1750 – 1976). Taylor says, “However, the work’s importance is not only as a genealogical study of an Afro-American family, but also as one of the first composite histories of slavery as seen through four generations of slaves” [Taylor, 1977, p. 203]. Here, because of being black Africans, the Kinte family was exploited by whites. According to Maryam Esmikhani and Behzad Pourqarib, “Alex Haley’s *Roots* is the history of black slaves whose identities were stolen from them” [Esmikhani & Pourgharib 2016, p. 24].

Memories are used as a thread from which a family story is woven, connecting the characters with their past, giving an idea of their present, and transmitting to the reader their culture, religious beliefs, celebrations (birth), mourning (death), etc. Iyunolu Osagie outlines the implication of memory in the novel as follows: “Through the implications of migration, memory, and narrative performance, *Roots* illustrates the complexities surrounding the cultural location and production of African American bodies and the inherent anxieties of exilic identities” [Osagie, 2004, p. 394]. The author vividly presents the African culture of that time, especially the culture of the Mandinka tribe. Nancy L. Arnez says, “Approximately one-fifth of the book, *Roots*, is devoted to the cultural history of African people. It is vividly told. It is electrifying in its imagery [Arnez, 1977, pp. 368]. Apart from this, the religious values of the Kinte family over generations, and their change over time, have also been highlighted by the author: the early generations are followers of Islam and follow different customs and policies, while the generations living in America follow Christianity. The narrative of this novel also includes the joyful celebration of family members in the birth of a new child, as well as the shadow of grief that comes from someone's death. Thus, everything that should be in an ideal family saga can be found in this novel.

Shirshendu Mukhopadhyay’s *Durbin*

Shirshendu Mukhopadhyay is a well-known writer of 20th-century Bengali literature. His novel *Durbin*, published in 1986, created a sensation among readers in Bangladesh and India for its literary excellence. Abir Maitra says that this novel, written in the context of a broad period of social life and all the changes from the late 1920s to the 1980s, is a fine example of Shirshendu's literary genius [Abir Maitra, 2020]. The author vividly portrays three generations of the Chowdhury family over six decades. The author uses first- and third-person narrative techniques to tell the story of several generations and their experiences in a simple but subtle manner. Yet the chronological order of this novel is slightly different from other family sagas that have been discussed above: instead of preserving the chronological order of events, the first generation is discussed in the odd chapters (1,3,5...) and the 2nd and 3rd generations in the even chapters (2,4,6...). The length of this book is more than 500 pages, which also fulfills the structural criteria of a standard family saga.

As mentioned above, it is very common for a family saga book to have a narrative involving many heroes. Each hero has a unique perspective and experience. The multi-hero narrative in this book includes Hemkant as the hero of the first generation; Krishnakant as the hero of the second generation; and Dhruv as the hero of the third generation. Through this narrative structure, the author explores how a family's heritage and property are passed down from generation to generation. The author is also interested in introducing many characters at once. Nadejda Lokteva says that the family saga is characterized by a fairly large number of characters belonging to different generations [Lokteva, 2022, p. 2]. The author employs a large cast of characters (more than a hundred) to create a vivid and realistic portrait of 20th-century Bengali society.

Family sagas frequently center on intra-family dynamics. Shirshendu Mukhopadhyay also explores the complex and volatile relationship between family members. Most of the time, they have close relationships characterized by mutual support, shared experiences of joy and sorrow, and a strong sense of loyalty to one another in times of danger or adversity. Apart from this cordial relationship, sometimes conflicts arise between family members. The author also discusses cultural traditions, and practices of contemporary society: the familial concern over a daughter's marriageabil-

ity, the practice of giving dowry to the son-in-law, hunting, political repression, etc. The author also focuses on the history of the country. Historical events (Swadeshi movement 1903 – 1908), Communal riots, Partition of India 1947) that had a direct impact on the family members are mentioned in this novel as well as the names of many historical figures (Khudiram Bose, Surya Sen, Mahatma Gandhi, etc).

In this novel, the author also presents an examination of the religious beliefs and practices of a Hindu family, and explores how their religious practices intersect with their daily lives and cultural traditions. Through religious practices, the Chowdhury family demonstrates how religion is deeply intertwined with their personal and cultural identities. The theme of fate, an important thematic element of the family saga genre, is a crucial aspect of this novel, as it examines how external forces shape the lives of family members across multiple generations. The book also focuses on various festive events marking memorable moments in the lives of the characters, including family gatherings, weddings, and the birth of new children, as well as discusses the deaths of various family members and their impact on others. Thus, in *Durbin*, Shirshendu Mukhopadhyay incorporates many literary, realistic, and structural elements that are integral to the thematic and structural development of the family saga genre.

V. P. Astafyev's *The Last Bow*

The study of V. P. Astafyev's *The Last Bow* within the theoretical framework of the family saga genre in the context of the analysis of the three novels (*Buddenbrooks*, *Roots*, *Durbin*) is necessary to identify the commonality and uniqueness of Russian family saga represented by *The Last Bow*.

V. P. Astafyev's *The Last Bow* is widely recognized as an extraordinary literary work due to its innovative style and insightful portrayal of different generations from a Siberian village. Rayhan in his article *The Last Bow by V. P. Astafyev as a family saga* examined this book in this respect [Rayhan, 2021]. This book also provides a thorough analysis of the experiences and relationships of three generations from interconnected families.

The novel shares many similarities with the other three novels in terms of its themes and structure. Like the others, this novel is characterized by its depiction of multi-generational family history (three generations: the generation of the narrator's grandparents, the generation of the narrator's parents, and generation of the narrators) that spans over a long period (the 1930s to 1990s), resulting in a lengthy volume (more than eight hundred pages) with a large cast of characters (more than 150). Like the above-discussed family sagas, this novel employs a multi-hero narrative that interweaves the family's story with the broader context of the country's history (Dekulakization, Collectivization, World War II). As in the other sagas, the narrative also explores intra-family relationships, religious beliefs, and also depicts significant life events such as births, deaths, marriages, and life-struggles, etc. The intra-family relationship is seen in family gatherings, providing emotional and practical support during times of crisis, assisting each other with work and other tasks, etc. The birth of a child and the death of the family members also have an impact on their lives as well as on the thematic development of the novel. The plot construction also includes marriage, which is an essential element of the family saga genre. The epidemic (the famine of the 1930s) as a part of their life struggle also creates a great impact on the structure of the novel as well as on their lives.

The Last Bow, like the other three novels, explores multiple generations, but in a distinct manner. While *Buddenbrooks*, *Roots*, and *Durbin* focus on several generations within one family, *The Last Bow* portrays the experiences of three interconnected families across different generations.

The authors of *Buddenbrooks* and *Roots* depict their life experiences using the third-person narrative technique. Unlike them, in *The Last Bow*, the author primarily employs a retrospective prose narrative, frequently using the word "I" and following the autobiographical structure of narration introduced by Philippe Lejeune where the author, narrator, and personage are the same entity [Lejeune, 1975]. *The Last Bow* is also different from the other three novels concerning its eco-critical awareness. The other works are situated in either urban or rural settings and their authors do

not give much attention to the relationship between human beings and nature. On the other hand, *The Last Bow* sets itself apart by highlighting the crucial interdependence between human beings and the natural world. The novel's characters have a strong affinity for nature due to their upbringing in Siberia's rural environment which is vividly depicted in this novel. Here, while the author highlights how the human relationships with one another change from one generation to another, he also highlights the deterioration of the relationship between the characters and nature over time, urging readers to cultivate a greater sense of kindness towards the natural world. Rayhan asserts that Astafyev justifies his stance on the preservation of the ecological system by portraying the importance of maintaining a proper ecological balance, the interdependent relationship between humans and nature, and the environmental crisis resulting from humanity's dominant and destructive nature [Rayhan, 2023].

Conclusion

The genre of saga is quite different from the epic, the historical novel, and the autobiography. In sagas (ancient and recent) history is not an 'absolute past' but rather is presented through the eyes of certain real people, through their subjective attitudes and emotions. The time span is defined by generations rather than by any historical events. Also, the life and environment is depicted in extremely conspicuous details. The family saga as it appears in modern times bears the peculiarities of national, literary traditions. The described novels provide a multi-generational analysis of a family's history, but to varying extents. They differ in their narrative perspectives, with some authors telling the life stories of family members across generations from a first-person perspective, while others use a third-person perspective. For example, while Thomas Mann and Alex Haley use the third-person point of view to tell the story's events, Shirshendu uses a hybrid narrative that mixes two different point of views. They also differ in relation to the autobiographical details: if *Roots* is considered autobiographical, tracing the family history of Alex Haley, *Buddenbrooks* includes just some autobiographical elements, and *Durbin* does not have any autobiographical connection to the author.

The Russian family saga eventually differentiated itself from the epic, memoirs, and other genres, though strong autobiographical elements are included. Due to its strong alignment towards reality, the inclusion of mythological and mystical motifs is not popular like in the Western literary tradition. Instead the link to nature is emphasized. Affinity to real life is also accentuated by the 'I' narrative technique, which allows the author to better and more vividly demonstrate various details.

References

- Arnez N. L.** From His Story to Our Story: A Review of 'Roots'. *The Journal of Negro Education*, 1977, vol. 46, no. 3, pp. 367–272.
- Bakhtin M. M.** Roman kak literaturnyi zhanr. In: Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii* [The novel as a literary genre. M. M. Bakhtin Collected Works]. *Teoriya romana* (1930–1961). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012, vol. 3, 880 p. (in Russ.)
- Boedeker Deborah.** Early Greek Poetry as/and History. In: *The Oxford History of Historical Writing*. Vol. 1, Beginnings to AD 600, 2011. pp. 122–147.
- Chadwick H. M., Chadwick N. K.** The growth of literature. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2010, Vol. 1, 672 p.
- Chadwick H. M., Chadwick N. K.** The growth of literature. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2010, vol. 2, 783 p.
- Dell K.** The Family Novel in North America from Post-War to Post-Millennium – A Study in Genre. VDM Verlag Dr. Mueller eK, 2007, 248 p.
- Dzhakson T. N.** Saga o Knyutlingah: perevod i kommentari [The Knyutling Saga: Translation and Commentary]. Issledovaniya. St. Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko, 2021, 512 p. (in Russ.)
- Esmikhani M., Pourgharib B.** A Spivakian Reading of Alex Haley's *Roots*. *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*, 2016, vol. 5, pp. 22–29.

- Evdokimova O. V., Komatesova A. S.** Fenomen semeinoi khroniki v russkoi literature XIX–XXI vekov: opyt opisaniya [The Phenomenon of the Family Chronicle in Russian Literature of the 19th and 21st Centuries: An Experience of Description]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 6, pt. 3, pp. 16–19. (in Russ.)
- Grethlein Jonas.** The Rise of Greek Historiography and the Invention of Prose. In: *The Oxford History of Historical Writing*, 2011, vol. 1: Beginnings to AD 600, pp. 148–170.
- Gurevich A. Ya.** “Edda” i saga [“Edda” and “Saga”]. *Izbrannye trudy. Norvezhskoe obshchestvo*. Moscow, Traditsiya Publ., 2009, 470 p. (in Russ.)
- Harris J., Rowe E. A.** Short Prose Narrative (táttir). In: McTurk, Rory (ed.): *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture*. Malden, Oxford & Carlton, Blackwell Publishing, 2005.
- Haley A.** *Roots: The Saga of an American Family*. New York, Vanguard Books, 2007, 899 p.
- Lokteva N.** “Family Chronicle” Genre in Modern American Literature. *Current research Journal of Philological Sciences*, 2022, vol. 03, no. 06, pp.1–4.
- Mann H., Naumova O.** Memoir versus family history: genre characteristics of the biographical form. *Vestnik NGLU*, 2011, iss. 13.
- Maitra A.** Durbin: Tin projonmer jibonlogno mohoponnas [A great novel about the lives of three generations]. Roar Media, 2020. URL: <https://roar.media/bangla/main/Book-movie/Durbin-a-OVEL-OF-THEGENERATIONS> (in Bangali)
- Mundt H.** *Understanding Thomas Mann*. South Carolina: University of South Carolina Press, 2004, 253 p.
- Nikolski E. V., Lill-Bezak A. V.** Opyt tipologii bol'shikh form romannoï prozy [Experience in the Typology of Large Forms of Novel Prose]. *Libri Magistri*, 2019, iss. 3 (9). (in Russ.)
- Osagie J.** Routed Passages: Narrative Memory and Identity in Alex Haley's ‘Roots’. *CLA Journal*, 2004, vol. 47, no. 4, pp. 391–408.
- Ru Y.** The Family Novel: Toward a Generic Definition. *Comparative Literature: East & West*, 2001, vol. 13, no.1, pp. 99–133.
- Seters, John van.** Historiography in Ancient Israel. *The Oxford History of Historical Writing*, 2011, vol. 1: Beginnings to AD 600, pp. 76–96.
- Shade B. J.** Review of *Roots: The Saga of an American Family*, by A. Haley. *The Wisconsin Magazine of History*, 1977, vol. 60, no. 4, pp. 334–335.
- Smith J. D.** Review of *Roots: The Saga of an American Family*, by A. Haley. *The Register of the Kentucky Historical Society*, 1977, vol. 75, no. 3, pp. 246–247.
- Steblin-Kamenskiy M. I.** “Sagi ob islandtsah” i “Saga o Grettire” [“The Sagas of the Icelanders” and “the Saga of Grettir”]. *Saga o Grettire*. Novosibirsk, Nauka, 1976, 175 p. (in Russ.)
- Steblin-Kamenskiy M. I.** “Krug zemnoi” kak literaturnyi pamyatnik [“The Circle of the Earth” as a literary monument]. Moscow, Nauka, 1980, 687 p.
- Swales M.** *Buddenbrooks. Family Life as the Mirror of Social Change*. Boston: Twayne Publishers, 1991, 127 p.
- Taylor Q.** Review of *Roots: The Saga of an American Family* by A. Haley. *Minnesota History*, 1977, vol. 45, no. 5, pp. 203–204.

Information about the Authors

Oleg A. Donskikh, Doctor of Science (Philosophy), Professor, PhD (Monash, Australia)
 Scopus Author ID 24782261100
 WoS Researcher ID B-5328-2018
 RSCI Author ID 313804
Rayhan Md Tapu, PhD student, Assistant Professor

Информация об авторах

Олег Альбертович Донских, доктор философских наук, профессор, PhD (Monash, Australia)

Scopus Author ID 24782261100

WoS Researcher ID B-5328-2018

RSCI Author ID 313804

Райхан Мд Тапу, аспирант, ассистент

Contribution of the Authors

Oleg A. Donskikh – development of the research concept, description of the peculiarities of the saga genre, formulation of conclusions.

Rayhan Md Tapu – detailed comparative analysis of modern saga samples.

Вклад авторов

О. А. Донских – разработка концепции исследования, описание особенностей жанра саги, формулировка выводов.

Райхан Мд Тапу – сравнительный анализ современных образцов саги.

The article was submitted on 19.03.2023;

approved after review on 25.03.2023; accepted for publication on 27.03.2023

Статья поступила в редакцию 19.03.2023;

одобрена после рецензирования 25.03.2023; принята к публикации 27.03.2023

Научная статья

УДК 82.09

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-120-133

Трикстер как герой фронта, или О механизмах выживания в хаосе

Наталья Вадимовна Ковтун

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
Красноярск, Россия

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского
Санкт-Петербург, Россия

nkovtun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6799-4685>

Аннотация

Статья посвящена изучению фигуры трикстера в дискурсе мировой словесности. Определены особенности поэтики, специфика функционирования и атрибутирования образа *трикстера* в актуальной русской литературе: от лагерной прозы, ключевой герой которой – *голый человек*, *скоморохов* и *озорников* традиционализма до персонажей, созданных в эпоху постмодерна. Особое внимание уделено теме *женщин-трикстеров*. Анализируются причины появления плутовского героя, его возможности для решения насущных вопросов, стоящих перед сознанием рубежа XX–XXI вв. Проведено исследование самой *парадигмы трикстера* с учетом времени создания текстов и поэтики авторов, обратившихся к данному образу. Подчеркивается витальный, жизнеутверждающий потенциал трикстера, присущие ему перспективы, средства осознания и преодоления трагического.

Ключевые слова

русская проза, трикстер, шут, фронт, голый человек

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского

Для цитирования

Ковтун Н. В. Трикстер как герой фронта, или О механизмах выживания в хаосе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 120–133. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-120-133

The Trickster as a Hero of the Frontier, or On Survival Mechanisms in Chaos

Natalia V. Kovtun

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev
Krasnoyarsk, Russian Federation

Russian Christian Humanities Academy named after F. M. Dostoevsky
St. Petersburg, Russian Federation

nkovtun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6799-4685>

Abstract

Purpose. The article explores the image of a trickster, and the peculiarity of its embodiment in world literature. Special attention is paid to the peculiarities of assignment and functioning of the trickster image in modern Russian litera-

© Ковтун Н. В., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 120–133

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 120–133

ture: from camp prose with its interest in the “naked man”, and the weirdos of traditionalism, to the characters created in the postmodern era.

Results. The author analyses the reasons for and prospects of the emergence of the trickster hero, his ability to solve tragic problems facing its consciousness at the turn of the twentieth and twenty-first centuries. The author emphasizes the life-affirming and vital potential of the image, the possibilities inherent in it, the means of understanding and representing tragedy. The author analyses the change of the trickster's paradigm from one epoch and text to another, and presents the peculiarities of every cultural period. The author analyses the features of the modernist trickster, which becomes the initiator of events and the engine of the plot, and the concept of the postmodernist trickster, which differs significantly from his predecessors. The analysis of artistic texts shows that the trickster is used frequently due to its ambivalence and liminality, which meets the needs of the “crisis time”.

Conclusion. The relevance of the figure of trickster is related, in particular, to the obvious fatigue of modern man from the “secondary” playful strategy of postmodernism, when the suspicion of irony is total, and to the enormous pressure that man feels and the trickster can alleviate.

Keywords

trickster, buffoon, frontier, world culture, Russian prose, naked man, weirdo

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation no. 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky

For citation

Kovtun N. V. The Trickster as a Hero of the Frontier, or On Survival Mechanisms in Chaos. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 120–133. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-120-133

Введение

В переломные моменты истории, когда дальнейшее развитие характеризуется как «взрыв», роль героев *трикстерской парадигмы* бесконечно возрастает. Ю. Лотман подчеркивает, что «взрыв» в поле культуры связан с инициативой, свободой творческой личности, его пособники – «великие художники, мыслители <...> и правители» [Лотман, 2001, с. 18]. В это время происходит разбалансировка системы, и явления, считавшиеся периферийными, выдвигаются в центр; девиантное поведение, табуированные ритуалы выходят из-под запретов. Отрицание традиций, *ситуация неопределенности* требуют героя, способного ориентироваться в хаосе, демонстрируя неистребимую витальность. Трикстер способен угадать новые, необычные пути становления общества, развернутые в непредсказуемое будущее, он соединяет противоположности, балансируя на границе *своего* и *чужого*. Эти качества и позволили ему стать одной из самых востребованных фигур в условиях цивилизационного кризиса. Такой герой принципиально чужд общине, привычно ориентированной на устойчивость нормы, неизменность как формы бытия: «Каждая культура создает свою систему “отброшенных”, изгоев – тех, кто в нее не вписывается и кого строгое системное описание просто исключает. Вторжение внесистемного в системное составляет один из важнейших источников превращения статической модели в динамическую» [Лотман, 2010, с. 41]. Подчеркнем: центральная проблема для философии языка, занимающая крупнейших мыслителей XX столетия, и есть *проблема Чужого*, вне размышлений о котором невозможно движение культуры. «Культурологический интерес последних десятилетий был направлен прежде всего на контакт с чужими культурами, на опыт “другого”, распространяющийся поверх символических, системных и культурных границ» [Кошорке, 2012, с. 31].

В различные периоды особенности воплощения образа трикстера меняются, сохраняя, однако, устойчивость ключевых характеристик. Среди важнейших из них: амбивалентность, неуловимость образа, ускользающего из известных культурных координат; витальность, связанность со стихией смеха; талант медиатора, путь которого соединяет различные языки и пределы; лиминарность, ситуативность трикстера, его принадлежность пространству дороги; талант лицедейства, оборотничества; связанность с сакральным контекстом, что можно считать определяющим в структуре образа. «Трикстер – предшественник Спасителя, и, подобно ему, он одновременно Бог, человек и животное. Он и недочеловек, и сверхчеловек,

бестия и божество», – пишет К. Юнг (цит. по: [Радин, 1999, с. 276]). Связь со священным и отличает трикстера от банального жулика.

Результаты исследования

Трикстер как герой ситуации фронта

В пределах западной культуры трикстер как *литературный персонаж* заявляет о себе в текстах великих авторов. В этом ряду роман Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1532), затем на мировую арену вступают шекспировские шуты и ловкачи, легко манипулирующие своими господами. С точки зрения героя-игрока взрывной эпохи, тот, кто живет по законам ритуала, – *глуп*, а сам хитрец, с позиций своего оппонента, – *коварен* и *бесчестен*. В этой логике разворачиваются конфликты «глупого» рыцаря и «плута», «доброго крестьянина» и готового на обман, проделки торговца. Будучи свободными от ограничений морали, любых обязательств, трикстеры следуют своим, «кривым путем». Эпоха Просвещения, закончившаяся крахом веры в человеческие разум и добродетель, только усилила позиции игрока, признав за ним право не только выступать *тенью*, *комическим двойником короля*, но заменить его в сюжете. Достаточно назвать в этом ряду блистательного героя Бомарше – обаятельного пройдоху Фигаро, Вамбу – шута Седрика Сакса из исторического романа В. Скотта «Айвенго».

Модернизм с его отказом от традиции, приоритетом новизны, мифотворчеством, любовью к эксперименту и вовсе делает избранным персонажем смельчака, обаятельного лжеца, который и становится ключевой фигурой текста, что демонстрирует плутовской роман Т. Манна «Признания авантюриста Феликса Круля» (1954). В ситуации глобальной бифуркации системы герои и праведники неуместны, заранее обречены, но плут, проникающий через все преграды, обживающий перекрестки, способен устоять, демонстрируя неистребимую витальность. А. Битов не случайно назвал XX век «Ха-Ха» веком [Битов, 2000, с. 84]. Актуальная словесность, передающая трагическое самоощущение мира, движущегося к катастрофе, видит в трикстере, умеющем бросать вызов безысходности, смерти, свою последнюю надежду.

В европейской теории искусства вводят и новое понятие *трикстер постмодерна* на том основании, что ключевые черты трикстера (двузначность, языковая игра, непредсказуемость и неуловимость в традиционных координатах культуры) являются опорными и для эстетики постмодернизма в целом [Vizenor, 1990]. Современный поиск *активного героя*, способного ответить на вызовы времени, оказывается обречен без трикстера как испытателя самой этой возможности. Плут, ловкач, обживающийся на страницах современной прозы, безусловно, отличается от архаического собрата, наделен способностью к *саморефлексии*, не чужд *философских поисков* и *чувства драматизма*. Он выбирает гораздо более утонченные авантюры, отдавая себе отчет, что знак, маркирующий вещь, и сама вещь не одно и то же, в силу этого знания он может работать над перенастройкой сети знаков [Hyde, 1998, p. 171]. Современность с ее страхом перед будущим, атмосферой фарса и драмы актуализирует иной набор шуток трикстера, меняет само понимание *комического*, далеко не обязательно связанного со смехом, но чаще с безобразным, ужасным. Таковы «висельный юмор», смех, граничащий с наркотическим безумием, истерикой, абсурдом, уводящий за пределы этого мира: «Искусство фантасмагорий, восходящее к Гоголю, Щедрину и Терцу, стало миметично, если не сказать фотографично. Санкционированная сверху и не чуждая большинству (ир)реальность стала (интер)текстом, превратившись в означаемое и поглотив референтную привязку эстетического знака» [Смола, 2020, с. 153].

Исследователи в области гуманитарного знания предупреждают: сегодня мы столкнулись с трагической двузначностью, когда самосознание и саморефлексивность игрока не позволяют однозначно судить, что является трюком, а с чем нужно считаться всерьез, т. е. в каких пределах можно искать хоть какой-то *след смысла*, *истины*, если вера в последнюю

вообще жива. История трикстера в этих условиях профанируется, он исчезает, поглощённый двусмысленностью самого текста. П. Кэвеки свидетельствует, что колебания постмодернизма разыгрываются между позицией *жреца* и *клоуна*, когда первый – защитник сакрального, второй – профан, наблюдатель вне демиургических претензий. Вторичность эстетики постмодернизма, его «усталость» и нарочитость актуализируют параллель с *буффонадой*, *шапито*, но ритуальность жреческого жеста оборачивается парадоксом – «клоунский субъект постмодернизма представлен поведением жреца» [Kawiecki, 1990, p. 101]. Запрет на поиск подлинного, *следов смысла*, как и признание множественности истин в игровой эстетике постмодернизма, влечет за собой целый спектр причин, в силу которых трикстер лишается главной отличительной черты – *сакрального ореола*!

Сегодняшняя обстановка исторического слома, цивилизационного выбора заставляет анализировать русскую и прежде всего американскую культуры в перспективе интереса к фигуре трикстера. Ситуация *фронта* для понимания специфики становления, развития США – ключевая. Б. Гиленсон свидетельствует: фронт – «важнейший фактор формирования таких ярко выраженных черт американского менталитета и национального характера, как свободолюбие, индивидуализм, оптимизм, трудолюбие, предприимчивость» [2003, с. 7]. Своеобразие американского фронта в сравнении с европейским, связанным с укрепленными сооружениями в пределах городов, определено положением на ближнем крае свободных земель, его героями стали так называемые *фронтирsmены*, или «охотники», сознательно выбиравшие пространство риска. Самыми обсуждаемыми в этой парадигме стали приключения романтического, бесстрашного Нати Бампо, получившего множество прозвищ: Кожаный Чулок, Зверобой, Следопыт, а также истории реально существовавших Дэви Крокета (1786–1836) и Даниэля Буна (1734–1819). По экстравагантности сочиненных и подлинных авантур, фокусов они легко могли бы составить соперничество знаменитому Мюнхгаузену. Всех названных персонажей объединяют типичные приметы неунывающего забияки, хвастуна и воина: *авантюризм*, *витальность*, *бесстрашие*, *умение действовать по ситуации*. Героям-трикстерам и сегодня ставят памятники, о них снимают фильмы, пишут книги, их именами названы дороги, лайнеры, парки и школы.

Трикстер в русской литературе XX–XXI вв.

Несмотря на универсальность фигуры трикстера, она отмечена целым рядом оригинальных черт, связанных с воплощением образа в различных культурах и текстах. В отличие от европейской и американской традиций, где ключевыми стали миграционные вопросы, изживание травмы колониализма, особенности гендерной идентичности, транскультурной коммуникации [Anzaldúa, 1999, p. 25], – русская литература апеллирует к образам, мотивам, восходящим к фольклору и национальной классике. К народнопоэтической традиции возводят ряд типов, таких как *Иван-дурак*, *скоморох*, *самозванец*, «*голый человек*»: они отличаются друг от друга функционально и атрибутивно, но одновременно содержат устойчивый набор черт, позволяющий говорить о *трикстерской парадигме*. В известных отношениях с трикстером состоят «*маленький человек*», «*лишний человек*» и «*подпольный человек*», составившие узнаваемый ряд отечественной классики [Ковтун, 2022]. Для настоящей статьи актуально определение М. Липовецкого, понимающего под образом трикстера «не “молекулу” коллективного бессознательного, а всего лишь относительно устойчивую риторическую конструкцию, повторяющуюся в литературах и культурах различных эпох» [2009, с. 227].

Репутация трикстера как героя сегодняшней литературы укоренена в ряде исторических, социальных и художественных особенностей времени. Ю. Слезкин [2005] подчеркивает связь с *меркурианством* (отсылка к богу-трикстеру Гермесу-Меркурию), суть которой в знаковом интересе культуры модерна к *Иному*, *Другому*, к тем, для кого игра, авантюра становятся профессиональным признаком, – менеджерам, торговцам, продающим не столько предметы и вещи, сколько технологии соблазна, навыки манипулирования людьми. Многие *художники-модернисты* могут быть рассмотрены в трикстерской парадигме как те, кто игра-

ет с языком, виртуозно обманывая публику (от В. Набокова до А. Синявского с его книгой «Иван-дурак», 1991). Понимая всю неоднозначность самого образа трикстера, мы признаем, что те или иные функции, черты, проявления героя образуют различные смысловые узоры в поэтике авторов. Трикстер приходит тогда, когда бывшие надежды разрушены, когда общество переживает глобальное разочарование в своих целях и возможностях, когда Святые оставляют образа, а богатыри гибнут под осколками Утопий. И только плут находит силы смеяться над собой и миром, острая прежние ценности (*ритуал потлача*), он одновременно открывает иные пути, которые совсем не обязательно ведут к миру и счастью, но обещают новое знание, постижение *Другого*.

Трикстер – порождение духа дионисизма, ряд исследователей пишут о его *онтологическом статусе* [Велижанцева, Першин, 2017, с. 239]. Плут, лицедей в отличие от традиционного *шута* гораздо более самостоятелен, способен на отчаянный риск, сакральную жертву, его стратегия – тайна для окружающих: «Этический элемент, а также тесная связь с монархом отличают шута от трикстера – никому не подвластного плута и пройдохи» [Отто, 2008, с. 222]. Миссия трикстера подлинно драматична, если за ним не следует *герой-Демидур*, для которого он и прокладывает дорогу. Открытие современности в известной мере связано с *идеями трикстера*, авантюрист, плут, игрок и намечает знаки новых онтологических границ, внутри которых развивается информационное общество. *Трикстер и цивилизатор* – два полюса современной картины мира.

Плутовские персонажи в дискурсе *советского времени* уже не раз становились предметом филологического анализа. Интерес к ним М. Липовецкий объясняет своеобразием «закрытого общества» (теория К. Поппера) в его советской модели. «В этом смысле трикстер как плавающее означающее всех противоречий советской “закрытости” становится пустым центром советской цивилизации. Без него советский мир и советская субъективность не могли бы функционировать так долго. И в то же время именно позиция трикстера создала тот критический вектор, который в конечном счете привел советскую цивилизацию к ее кризису и дезинтеграции» [Липовецкий, 2009, с. 239]. Девиантное поведение трикстера, его жесткие провокации обнажают иллюзорный характер социализма, где декорации, лозунги вытеснили подлинное бытие. Плут развивает стратегию *негативной коммуникации*, его усилиями сохраняется связь между мифологией власти, советской символикой и практиками самостояния «*маленького человека*» в пределах метрополии. Самые яркие трикстеры в прозе начала советской эпохи – герой авантюрного романа И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито» (1922), Беня Крик из «Одесских рассказов» (1923) И. Бабеля, Кавалеров из «Зависти» (1927) Ю. Олеши, плутовские персонажи И. Ильфа и Е. Петрова, сентиментальные герои М. Зощенко. На их фоне монументальные «новые люди» официальной словесности (от Павки Корчагина до ударников Вс. Кочетова), воплощающие идею стабильности бытия, поражают «одинаковостью», унылой предсказуемостью речей и действий. Пафос создания канонического образа «настоящего человека» снижается устной площадной речью шутов, занятых не политикой, но вопросами выживания, мелочами существования.

Образ «голового человека» в актуальной прозе

Русская проза рубежа XX–XXI вв. – повествование о «*голодом человеке*», случайно уцелевшем на периферии мироздания, пережившим голод, нищету, тиранию. И, вслед Ивану Денисовичу А. Солженицына, не знающего, где у него больше шансов уцелеть: в лагере или на так называемой воле. Сам образ «голового человека» в отечественной традиции восходит к фигуре *Заточника* («Азбука о голом и небогатом человеке», XVII в.), на первый план выдвигаются категории *одиночества*, *униженности* и *оставленности* [Ковтун, 2019]. Герой находится вне пределов человеческой культуры, главное, на чем сосредоточена такая литература, – проблемы онтологии, возможности существования на границе живого и мертвого, в *кромеишном мире*. Не случайно уже упомянутые идеи позднего Ю. Лотмана рассматривают в парадигме рассуждений таких философов, как Д. Агамбен, А. Бадью и Ж. Рансьер. В конце

XX в. во Франции «формируется направление “эстетика исчезновения” (а применительно к текстам выживших узников лагерей – “эстетика Лазаря”)» [Ардамацкая, 2013, с. 137]. Его миссия – исследовать высказывания о лагерях смерти, преступлениях тоталитарных режимов, имевших место в XX в. Важнейшими инструментами рефлексии стали такие понятия, как *«голая жизнь»*, *письмо*, *след*, *руина*, *призрак*, отражающие картину гибели, истребления и исчезновения его следов. Тогда художественное Слово о «голом человеке», о лагере и должно сохранить *память*, *свидетельствовать* [Агамбен, 2012].

В образе «голового человека», отмеченного приметами трикстера, подчеркиваются *выносливость*, *привычка к физическому труду*, *бытовая смекалка*. В вывернутом пространстве лагеря часто звучит смех, он порой и помогает выжить. Самыми известными героями «лагерной прозы» стали Иван Денисович Шухов А. Солженицына и эки В. Шаламова. В образе крестьянина А. Солженицын подчеркивает приметы «голового человека», страдающего безвинно, запертого в изнаночном мире, и мастера, талант, выдержка которого помогают уцелеть. В. Шаламов, создавший «собственное богословие без Бога, собственную профанную мистику и теологию культуры» [Римский, Римская, 2020, с. 59], рассуждает об особом экзистенциальном опыте, полученном в лагере, в письме к Б. Пастернаку: «Состояние истощения, когда несколько раз за день человек возвращается в жизнь и уходит в смерть... Всё это – случайные картинки. Главное не в них, а в растлении ума и сердца, когда огромному большинству выясняется день ото дня всё четче, что можно, оказывается, жить без мяса, без сахара, без одежды, без обуви, а также без чести, без совести, без любви, без долга. *Все обнажается, и это последнее обнажение страшно*» [Шаламов, 2013, с. 67–68]. По мысли В. Шаламова, только «щит культуры» и «меч культуры» можно считать отличием человеческой «голой жизни» от природной «голой жизни», от мира животных.

Произведения начала XXI в. свидетельствуют: *«голый человек»* по-прежнему остается в центре внимания авторов. Его принципиальный отказ от культурной нормы, от «голового Бога» утверждает силу *кромешиного мира* как единственно возможного. На этом фоне стратегия *героя-трикстера* признаётся едва ли не универсальной, что и демонстрирует *новая лагерная проза* З. Прилепина, Г. Яхиной, Е. Водолазкина. Исследователи считают, что главная цель романа «Обитель» (2014) – «рассказать о человеке, о “голом” человеке, о его выборе» [Толмачева, 2016].

Герой здесь – классический трикстер, в его образе угадываются архаические, инфернальные приметы *наготы* и *насилия*. Нагота в лагере – один из ключевых признаков не только зеков, но и конвоиров, находящихся вне пределов пластической культуры, по ту сторону бытия. Голым оказывается сирота, живущий под нарами, он «был еще человеческого вида, только невозможно грязен и очень худ и, самое главное, почти гол» [Прилепин, 2014б, с. 110]. Раздевают зеков, приговоренных к карцеру, «оставляют только белье. Если белья нет – голый». Образ нищих духом, оставленных Богом нагих людей, собранных на Соловках, отсылает к временам *первотворения*, история лагеря смыкается с трагической историей человечества, открываясь в миф.

Главный герой романа попадает в лагерь не безвинно, на чем настаивала классическая лагерная проза, посвященная жертвам политических репрессий. Артем сидит за убийство отца, которого застал тоже *голым*: «...ужасно было, что он голый... Я убил отца за наготу», – признается он надзирательнице [Там же, с. 462]. Сцена корреспондирует с библейским сюжетом, когда Хам – сын Ноя – рассказывает братьям про опьянение и наготу отца в момент забытья (Быт. 9:22). Произошедшее трактуется как оскорбление Отца, на авторитет которого Хам посягает. В вешем сне Артем видит Бога *голым* и просыпается в ужасе: «Бог здесь голый. Я не хочу на голого Бога смотреть. Бог на Соловках голый. Не хочу его больше. Стыдно мне» [Там же, с. 664]. Отречение героя от *голового Бога*, созданного им мира перекликается с идеями Раскольникова, Ивана Карамазова, Смердякова. Картины насилия, убийства открывают и завершают роман. Артем, в образе которого приметы витальной силы совмещаются с инфернальными, гибнет тоже голым. В интервью газете «Ведомости» З. Прилепин резюмирует

судьбу героя: «Почему он голый в финале романа? Как он шел по жизни голый, так и умер голый. <...> Он голый не потому, что он без свойств, а потому, что он со всеми свойствами одновременно» [Прилепин, 2014а, с. 8]. Образ *голо́го Бога* связан в тексте и с мотивом «*изношенности*» прежних ценностей. Кошунственный смех трикстера над Абсолютом, вызывающий содрогание, ужас, «свидетельствует не о потере веры, но, скорее, о том, что бог “износился”» [Кереньи, 1999, с. 261]. Мотивы драк, наготы, переодеваний создают в романе трагифарсовую атмосферу, которую, по мысли автора, может преодолеть только вера. «Как много в природе страшного, смертельного, ледяного. Как мало умеет голый человек», – заключает нарратор [Прилепин, 2014б, с. 510]. Так повествование о лагерном бытии, соскальзывающем в бездны жестокости, безумия, абсурда, начинает остраивать *кроме́шний мир* из горизонтальной профанной в вертикаль метафизического.

Е. Водолазкин в романе «Авиатор» (2016) продолжает тему тирании и жертвы. Герой здесь – интеллектual, он принципиально отличен от зеков З. Прилепина, подвижных эмоциональным порывом, инстинктом. Иннокентий становится объектом экспериментов спецслужб по преодолению смерти – *новым Лазарем*, который и движется по спирали времени. Текст вписывается в *экзистенциальную традицию* «лагерной прозы», означенной именами В. Гроссмана, В. Шаламова, Ю. Домбровского. В тюремной больнице, где попеременно лежат живые и мертвецы, героя настигает полное равнодушие к собственной судьбе: «Лежим на плотно сдвинутых нарах. Постельного белья нет, голые доски. И мы – голые – нательного белья тоже ведь ни у кого нет» [Водолазкин, 2016, с. 67]. *Кроме́шний мир* уже не пугает, напротив, с голыми, мертвецами надежнее: «Он лежит, а тебе даже спокойно – не вскрикивает, руками не размахивает», – размышляет герой [Там же, с. 68]. В отличие от персонажа З. Прилепина, герой Е. Водолазкина получает, однако, шанс изменить гибельную судьбу. Иннокентий остается в самолете, замершем в небе перед катастрофой, его история разворачивается в Вечность. И в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015) сын главной героини – умница Юзеф – мечтает уйти с обреченной земли, где жизнь мало чем отличается от лагерной. Перед побегом он становится *Другим*, «*голым человеком*». «Так пусть идет, пустым», – дает совет опытный военный, друг матери. Юноше помогают сменить документы и буквально *нагим*, без одежды, еды, в утлой лодочке он отправляется из пределов смерти к иным берегам: «Никто не заметил их исчезновения. Только истрескавшиеся желто-бурые черепа на покосившихся копьях неотрывно смотрели вслед всепонимающим взглядом черных глазниц» [Яхина, 2016, с. 501].

В «долгие семидесятые», параллельно «лагерной прозе», трикстер осваивается и на страницах *традиционализма*. Нищий, голый, «маленький человек», случайно выживший на периферии советских строек, заявляет о себе в текстах Б. Можаева, В. Шукшина, В. Распутина, Б. Екимова вплоть до М. Тарковского с его чудачками и куражливymi алкоголиками. Такой персонаж сосредоточен на деталях быта, жаждет обрести собственную «шинель», чтобы укрыться от ужаса настоящего. Он зачастую выполняет *социальные функции*, будучи тесно связан с *мелочами существования*. Роль героя внутри советской повседневности ближе к классическому *шуту*, который пытается переиграть, заговорить власть. С этой задачей блестяще справляется уже Федор Кузькин из повести «Живой» (1964–1965) Б. Можаева. В названной парадигме *чудики* В. Шукшина, осваивающие пределы цивилизации, попадающие в трагифарсовые ситуации, вынужденные обживать перекрестки, вокзалы как границы деревенской и городской жизни [Ковтун, 2011].

Парадигма героев-трикстеров традиционализма включает и схему «*король – шут*» в ее устойчивом разрешении, что демонстрируют отношения главы района Подрезова и плута Егорши Ставрова в тетралогии Ф. Абрамова «Братья и сестры» (1958–1978). В этом варианте трагический уход с политической сцены господина обрекает на прозябание, гибель и шуту. Отличительными чертами советского трикстера называют *социальность*, *прагматику*, *умение манипулировать советскими идеологемами и языковыми клише*. Важно, что «деревенская проза» возрождает интерес и к староверческой культуре, к образам *скитальцев* и *юро-*

дов, глубоко укорененным в национальном сознании. Г. П. Федотов подчеркивает: «Юродивый так же необходим для Русской Церкви, как секуляризованное его отражение – Иван-дурак – для русской сказки» [Федотов, 2003, с. 162–163]. В этом ряду интересны фигуры праведников в текстах Ф. Абрамова, матёринский Богодул В. Распутина, насельники легендарного Беловодья в одноименном романе В. Личутина, жители старообрядческих сел в рассказах М. Тарковского. Образ классического трикстера – Сени Позднякова – появляется в поздней прозе В. Распутина, в целом не склонного к поэтике смешного. Автор, осознающий писательский дар как пророческий, стремится угадать нового *культурного героя*, перспективы которого дано испытать ловкачу, плуту. Само появление Сени, чье бездыханное тело сносят с *белого парохода* (символ мечты, будущего) и оставляют в заброшенной деревенской баньке, парадоксально. Образ отличают *витальность, нездешность, связь с природным миром*, вплоть до *оборотничества*, но с задачей сказочного избавителя герой не справляется, отдает девочку-ангела ее мучителям (рассказ «Нежданно-негаданно», 1997). Писатель возвращается к ценностным ориентирам своих ранних текстов, признавая за *бабой-воительницей* искупительную и освободительную функции.

Трикстеры и трикстары эпохи (пред)постмодерна

Целый ряд специалистов называют эпоху постмодерна царством трикстера, стратегия которого отвечает запросам времени. Нам кажется это верным лишь отчасти. Игра, плутовские проделки героя успешны исключительно в перспективе идущего за ним *цивилизатора*, вне этого миссия трикстера обречена. Проза «*потерянного поколения*» демонстрирует богатый спектр возможностей, но и провалов героя-авантюриста как испытателя Будущего. Один из ключевых в данной парадигме – образ Петровича из романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998), за плечами которого угадываются известные *шуты, игроки* русской классики: от Акакия Акакиевича, соблазненного новой шинелью, господина Чичикова, желающего прибрать к рукам «мертвые души», до современных дельцов, легко отправляющих под топор не только «вишневые сады», но и сами усадьбы вкупе с их обитателями. Бытие Петровича на пороге чужих квартир и судеб, где он всегда только гость, превращает его в идеального *Свидетеля*. Позиция профессионального писателя, демонстративно отказавшегося от Слова, уклонившегося от великого литературного Канона, исключительна сама по себе. Игра, зачастую жесткая и опасная, становится стратегией героя, ирония – способом самовыражения. Дорога Петровича, петляющая между новенькими особняками, общежитиями, тоннелями метро, элитными кафе и психушкой, остается единственной нитью, объединяющей разные слои и общественные страты. Движение трикстера есть и путешествие в пределах мировой библиотеки, между строчками великих текстов, чей пророческий статус жестко скомпрометирован. В финале романа в облике героя проступают хищные, волчьи черты, его утонченный двойник-художник – брат Веня – остается в Лабиринте-психушке. Автор иронически примеряет к избранному герою миссию Гоголя, на которой настаивал В. Розанов, – «толкнуть» Россию в XXI в., с чем соотносится философия «толчка», или «удара», структурирующая текст [Ковтун, 2021]. Трикстер в прозе конца XX в. становится *жестче, рациональнее* своих предшественников, он наделен высоким уровнем *саморефлексии, блестящим интеллектом, творческим даром*, что позволяет не просто ориентироваться в ситуации, но брать инициативу в свои руки.

Настоящий апофеоз славы переживает герой-плут в лучших текстах Л. Улицкой: от образов гениальных художников в повестях «Сонечка» (1993), «Веселые похороны» (1992–1997) до великой Медеи («Медея и ее дети», 1996) и мудрого Шурика («Искренне Ваш Шурик», 2003), в судьбе которых очевиден интригующий набоковский код. Трикстер здесь осознает пророческий дар, выступает уже в функции *посвященного, вестника*. Сама писательница апеллирует к его опыту, пытаясь разрешить *проклятые вопросы* бытия: что есть *Бог, вера, любовь*. «Претензии художника состоят в том, чтобы включить “голую жизнь” в сферу своей власти, художественно присвоить ее, наделив формой, значением и смыслом» [Саморукова,

Поздняков, 2020, с. 230]. В контексте драматичных сюжетов произведений *комизм* трикстера нивелируется, его путь онтологизируется, связывается с общей судьбой человечества. Вослед В. Маканину, показавшему в «Андеграунде...» богатый спектр *женщин-трикстеров* (*trickstar*), названных британским литературоведом М. Юрич «сестрами Шехерезады», современные авторы готовы признать за трикстерами исключительные возможности. М. Юрич выстраивает типологические параллели между образами *древних сказочниц* и лукавыми современницами, отстаивающими свои права в мире маскулинных ценностей, умеющих «трансформировать опасную ситуацию в свои преимущества», прибегая к трюку, соблазну [Jurih, 1998, p. 28–65]. В этом ряду хитроумные героини Л. Улицкой, Л. Петрушевской, Т. Толстой, Д. Рубиной, легко решающие сложные вопросы, немногими доступными им средствами. Фигуры трикстар соположены образу Слова, отмечены даром, их стратегия *ситуативна, провокативна*, что открывает неожиданные перспективы, делает героинь неуловимыми для властей и бытовой прозы.

Роман «Кысь» (2000) Т. Толстой в известном смысле завершает эпоху отечественного литературоцентризма. Текст повествует о *мире-балагане*, в котором, кроме шутов и трикстеров, вообще никого нет. Выбор автора соответствует духу барочной литературы «*перевернутого мира*», здесь у персонажей-голубчиков отрастают гребешки, рожки и вымя, ездят на людях-перерожденцах, птицы идут на «каклеты» обитателям Терема – так «низ», желудок, вытесняет и заменяет «верх». Коль скоро в тексте иронизируется структура *романа воспитания*, то его главный персонаж наделен древнейшим признаком трикстера – *ювенальностью*, над площадным словом Бенедикта смеются куда дольше, чем над его проделками. Образ вбирает характерные черты *Ивана-дурака, скомороха и «маленького человека»* русской классики. Одной из архетипических моделей для понимания образа остается «*голый человек*», смешной и жалкий, однако смех над ним – смех сквозь слезы. Голым герой видит себя и в пророческих снах: «И входит Бенедикт в горницу, а там семья. За столом сидят и смотрят... Лаптями елозят. И смотрят так сурово, с осуждением, али гневом на Бенедикта. Бенедикт тоже смотрит – а он голый» [Толстая, 2000, с. 199]. Герой, чье движение определено поиском единой Книги бытия, плутает между книжными завалами Всемирной библиотеки, за пределами которой никого и ничего нет – дикие леса да нечисть. Проводником по этому миру и становится *пушкин-кукушкин*, в образе поэта очевидны трикстерские черты. Имя Пушкина избрано не случайно, символизирует ряд важнейших событий в отечественной истории, с ним связано открытие контракта с *Другим* – культурой Европы. Образ поэта получает множество интерпретаций, оказывается фактически неуловим, выступает одним из механизмов создания литературного Канона. Роман, начавшийся в стилистике анекдота и апокалипсиса одновременно, заканчивается апофеозом *звучащего поэтического Слова*, свободного от тирании письма, ставшего оправданием Бытия в целом.

В высшей степени показательна роль героя-трикстера в романе Е. Водолазкина «Соловьев и Ларионов» (2009). Текст подчеркнуто ориентирован на знаковые произведения как западноевропейских мастеров (от Х. Л. Борхеса, М. Фуко до У. Эко и К. Рансмайра), так и отечественных авторов (от В. Сорокина до Т. Толстой). Роман построен на мотиве «загадки рукописи» белого генерала Ларионова, оставленного красноармейцами в живых после захвата Крыма, обороняемого его армией. По следам *аристократа-интеллектуала* идет *аутсайдер*, новичок-аспирант Соловьев, который пытается собрать все данные о герое, чтобы разгадать его тайну. Само движение вослед генералу, собирание городского фольклора, свидетельств очевидцев о его бытии, превращает Соловьева в *двойника, трикстера*, истинное осуществление которого начинается с момента приобщения к загадочному «проекту» генерала. Кроме аспиранта записки, дневник героя ищут, обсуждают представители научного сообщества (имена которых отсылают к известным историкам, литераторам), его знакомые и близкие. Судьбы персонажей как *толкователей рукописи* объединяет, отражает (иронически или трагически) история мудреца-генерала, из наблюдателей они превращаются в активных участников «проекта». Так переплетаются истории Российской Империи, Советской России и на-

стоящее конца XX в., каждая эпоха становится *зеркалом*, отражающим то иронически, то саркастически прошлое и будущее. Важнейшие проблемы романа – столкновение жизни и смерти, Белой и Красной армий, культуры и разрушительной стихии революции, террора. В единый узор события истории выстраивает путь генерала Ларионова, сумевшего обыграть представителей ЧК и поставить идеальный спектакль, когда эвакуированных жителей южного города заменяют бойцы Белой армии, которым даруется новая жизнь и судьба. Текст разыгрывается по принципам театра, цирка, музея, образы действующих лиц подсвечены персонажами мировой классики (от героев «Мертвых душ», «Вия», «Робинзона Крузо» до представителей булгаковской нечисти). Сюжет разворачивается то на фоне архитектуры городов Крыма, то в отражении древней Спарты или Notre Dame de Paris. Трюк, фокус генерала, восстановившего по памяти картину города своего детства, спасает сотни жизней, обеспечивает ему славу в веках.

Заключение

Итак, сегодня в мировой литературе образ трикстера «востребован прежде всего в силу его амбивалентности и лиминальности», что отвечает условиям «кризисного времени» [Колмакова, 2014, с. 58]. Подчеркнутая актуальность фигуры плута связана в том числе и с усталостью от скептической, «вторичной» культуры постмодернизма, с тем грузом разочарований и бед, который лежит на плечах современного человека и который трикстер может ослабить. Искренний смех приносит облегчение, переживший его «в сознании, во взгляде на мир – изменился, сбросил с души, пусть на время, коросту страха и унылой обреченной серьезности. У подобного праздничного смеха важная терапевтическая функция, сильный катартический эффект» [Назинцев, 1997, с. 37]. Однако в ситуации тотальной игры, бесконечных метаморфоз трикстер погибает, «распадается на множество “симулякров” (Ж. Бодрийяр), пародирующих отсутствующую реальность» [Чернявская, 2004, с. 45]. Потребность в трикстере, очевидная в литературе начала XXI столетия, есть выражение и тоски по *идеалу, культурному герою*, за плечами которого обязательно маячит силуэт в колпаке с бубенцами. «Востребованным в современной прозе оказался пограничный характер образа Чичикова, существующего между функциями спасителя и искусителя, пророка и трикстера» [Баль, 2017, с. 162]. Трикстеру теперь, чтобы остаться, продолжить роковую игру, нужен собственный *остров*, какое бы воплощение он не имел: *фантазия, текст, дневник, осколок затерянной земли*, где он сочинит историю уже собственных приключений, соблазнив в дорогу нового героя-смельчака. Не случайно в паре с Чичиковым по популярности сегодня оказывается Робинзон Крузо!

Список литературы

- Агамбен Д. Номо сасег. Что остается после Освенцима: архив и свидетель [пер. с итал.: И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова]. М.: Изд-во «Европа», 2012. 189 с.
- Ардамацкая Д. А. Варлам Шаламов и поэтика после ГУЛАГа // Вестник Ленинград. гос. ун-та имени А. С. Пушкина. 2013. № 2. С. 137–143.
- Баль В. Образ Чичикова в современной русской прозе // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2017. № 49. С. 147–167.
- Битов А. Перепуганный талант, или Сказание о победе формы над содержанием // Звезда. 2000. № 10. С. 84–88.
- Велижанцева А. Д., Першин Ю. Ю. К определению функциональной роли трикстера // Омские социально-гуманитарные чтения – 2017: Материалы X Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Л. А. Кудринская. 2017. С. 233–240.
- Водолазкин Е. Авиатор: Роман. М.: Издательство АСТ, 2016. 410 с.

- Гиленсон Б. А. История литературы США: Учеб. пособие. М.: Академия, 2003. 706 с.
- Кереньи К. Трикстер и Древнегреческая мифология // Радин П. Трикстер: Исслед. мифов североамер. индейцев с коммент. К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. С. 242–264.
- Ковтун Н. В. Богоборцы, фантазеры и трикстеры в поздних рассказах В. М. Шукшина // Литературная учеба. 2011. № 1. С. 132–154.
- Ковтун Н. «Голый человек» А. Солженицын на фоне «новой лагерной прозы»: pro et contra // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 157–168.
- Ковтун Н. Образ трикстера в романе Владимира Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» // Literatura. 2021. № 63 (2). С. 172–191.
- Ковтун Н. Трикстер как герой нашего времени (на материале русской прозы второй половины XX – XXI века): Монография. М.: Флинта, 2022. 408 с.
- Колмакова О. Художественная концепция кризисного времени в русской прозе рубежа XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. 256 с.
- Кошорке А. К вопросу о принципе действия культурной периферии // НЛЮ. 2012. № 3 (115). С. 31–40.
- Липовецкий М. Трикстер и «закрытое» общество // НЛЮ. 2009. № 6 (100). С. 224–245.
- Лотман Ю. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 703 с.
- Лотман Ю. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллин: TLU Press, 2010. 232 с.
- Назинцев В. В. Смеховая синергетика мира // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. № 1. С. 34–60.
- Отто Б. Дураки. Те, кого слушают короли / Пер. с англ. З. Фиалковского. СПб.: Азбука-классика, 2008. 491 с.
- Прилепин З. Интервью. Российский писатель о романе, Соловках и о том, почему не нужно никого прощать // Ведомости. 2014а. 18 апр. С. 8.
- Прилепин З. Обитель: Роман. М.: Издательство АСТ, 2014б. 745 с.
- Радин П. Трикстер: Исслед. мифов североамер. индейцев с коммент. К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. 286 с.
- Римский В., Римская О. Философская проза В. Шаламова // Наука. Искусство. Культура. 2020. Вып. 4 (28). С. 45–63.
- Саморукова И., Поздняков К. «Голая жизнь» как объект манипуляции в романе Ю. Олеши «Зависть» // Миргород. 2020. № 1 (15). С. 220–230.
- Слезкин Ю. Эра Меркурия: евреи в современном мире / Пер. с англ. С. Б. Ильина. М.: НЛЮ, 2005. 540 с.
- Смола К. Что такое путинский магический реализм? // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2020. № 4. С. 150–157.
- Толмачева О. Правда о «голом человеке» (по роману З. Прилепина «Обитель») // Концепт: Научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 42. С. 83–87. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56960.htm> (дата обращения 17.08.2020).
- Толстая Т. Кысь: Роман. М.: Подкова: Иностранка, 2000. 380 с.
- Чернявская Ю. Трикстер, или Путешествие в Хаос // Человек. 2004. № 3. С. 37–52.
- Шаламов В. Т. Собр. соч.: В 6 т. + т. 7, доп. / Сост., подгот. текста, примеч. И. Сиротинской. М.: Книговек, 2013. Т. 6: Переписка. 603 с.
- Федотов Г. Святые и святость Древней Руси. М.: Издательство АСТ, 2003. 700 с.
- Яхина Г. Зулейха открывает глаза. М.: Издательство АСТ, 2003. 508 с.
- Anzaldúa G. Borderlands / La Frontera: The New Mestiza. San Francisco: Spin-sters / Aunt Lute, 1999. 252 p.
- Hyde L. Trickster Makes This World: Mischief, Myth, and Art. New York: North Point Press, 1998. 417 p.
- Jurih M. Scheherazade's Sisters: Trickster Heroines and Their Stories in World Literature. (Contributions in Women s Studies). Publisher: Praeger, 1998. 312 p.

- Kawiecki P.** Post-modernism – from Clown to Priest // *The Subject in Postmodernism*. 1990. No. 2. P. 100–101.
- Vizenor G.** *The Heirship Chronicles*. Minneapolis: Uni. of Minnesota Press, 1990.

References

- Agamben D.** Homo sacer. Chto ostaetsya posle Osvencima: arhiv i svidetel' [Homo sacer. What remained after Auschwitz: archive and testimony]. Moscow, Evropa Publ., 2012, 189 p. (in Russ.)
- Ardamackaya D. A.** Varlam Shalamov i poetika posle GULAGa [Varlam Shalamov and poetics after the Gulag]. *Herald of Leningrad State A. S. Pushkin University*, 2013, no 2, pp. 137–143. (in Russ.)
- Bal V.** Obraz Chichikova v sovremennoi russkoi proze [The image of Chichikov in modern Russian prose]. *Herald of Tomsk State University, Philology*. 2017, no 49, pp. 147–167. (in Russ.)
- Bitov A.** Perepuganniy talant, ili Skazanie o pobede formy nad sodержaniem [The Frightened Talent, or Tale of the Victory of Form over Content]. *Zvezda*, 2000, no. 10, pp. 84–88. (in Russ.)
- Chernyavskaya Yu.** Trikshter, ili Puteshestvie v Haos [Trickster, or Travelling into Chaos]. *Chelovek (A Man)*, 2004, no. 3, pp. 37–52. (in Russ.)
- Fedotov G.** Svyatye i svyatost' Drevnei Rusi [Saints and sanctity of Ancient Russia]. Moscow, AST Publ., 2003, 700 p. (in Russ.)
- Gilenson B. A.** Istoriya literatury SShA [The history of literature of the USA]. Studies manual. Moscow, Academy, 2003, 706 p. (in Russ.)
- Kerenyi K.** Trikshter i Drevnegrecheskaya mifologiya [Trickster and Ancient Greek Mythology]. In: Radin P. Trikshter. Issled. mifov severoamer. indeicev. Comments by K. G. Yung and K. K. Kerenyi. St. Petersburg, Evrasia Press, 1999, p. 242–264. (in Russ.)
- Kolmakova O.** Khudozhestvennaya kontseptsiya krizisnogo vremeni v russkoi proze rubezha XX–XXI vv. [The Artistic Concept of Crisis Time in Russian Prose of the Turn of the 20–21 Centuries]. Ulan-Ude, Buryat Uni. Press, 2014, 256 p. (in Russ.)
- Koshorke A.** K voprosu o printsipe deistviya kul'turnoi periferii [On the Principle of Cultural Periphery]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literature Review]*, 2012, no. 3 (115), pp. 31–40. (in Russ.)
- Kovtun N.** “Golyi chelovek” A. Solzhenitsyn na fone “novoi lagernoi prozy”: pro et contra [“Naked Man” A. Solzhenitsyn on the Background of the “New Camp Prose”: pro et contra]. *Filologicheskii klass [Philology Class]*, 2019, no. 2 (56), pp. 157–168. (in Russ.)
- Kovtun N.** Bogobortsy, fantazery i trikshtery v pozdnykh rasskazakh V. M. Shukshina [God-Fighters, Phantasers and Tricksters in the Late Stories of V. M. Shukshin]. *Literaturnaya ucheba [Literature Studies]*, 2011, no. 1, pp. 132–154. (in Russ.)
- Kovtun N.** Obraz trikshtera v romane Vladimira Makanina “Andegraund, ili Geroi nashego vremeni” [The Image of the Trickster in Vladimir Makanin’s Novel “The Underground, or the Hero of Our Time”]. *Literatura*, 2021, no. 63 (2), pp. 172–191. (in Russ.)
- Kovtun N.** Trikshter kak geroi nashego vremeni (na materiale russkoi prozy vtoroi poloviny XX–XXI vekov) [Trickster as a hero of our time (on the material of Russian prose of the second half of 20th – 21st centuries)]. Monograph. Moscow, Flinta Publ., 2022, 408 p. (in Russ.)
- Lipovetsky M.** Trikshter i “zakrytoe” obshchestvo [Trickster and “Closed” Society]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literature Review]*, 2009, no. 6 (100), pp. 224–245. (in Russ.)
- Lotman Yu.** Nepredskazuemye mekhanizmy kul'tury [Unpredictable Mechanisms of Culture]. Tallin, TLU Press, 2010, 232 p. (in Russ.)
- Lotman Yu.** Semiosfera [Semiosphere]. St Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2001, 703 p. (in Russ.)

- Nazintsev V. V.** Smekhovaya sinergetika mira [Laughter Synergy of the World]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, 1997, no. 1, pp. 34–60. (in Russ.)
- Otto B.** Duraki. Te, kogo slushayut koroli [Fools. Those Whom Kings Listen to]. St Petersburg, Azbuka-classika Publ., 2008. 491 p. (in Russ.)
- Prilepin Z.** Interv'yu. Rossiiskii pisatel' o romane, Solovkah i o tom, pochemu ne nuzhno nikogo proshchat' [Interview. Russian Writer about the Novel, Solovki and Why There is no Need to Forgive Anyone]. *Vedomosti*, 2014, April, 18, p. 8. (in Russ.)
- Prilepin Z.** Obitel'. Novel [Abode: a novel]. Moscow, AST Publ., 2014, 745 p. (in Russ.)
- Radin P.** Trixster. Issled. mifov severoamer. indeitsev. Comments by K. G. Yung and K. K. Kerenyi. St Petersburg, Evrasia Press, 1999, 286 p. (in Russ.)
- Rimsky V., Rimskaya O.** Filosofskaya proza V. Shalamova [Philosophical prose of V. Shalamov] *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [Science. Arts. Culture]. 2020, iss. 4 (28), pp. 45–63. (in Russ.)
- Samorukova I., Pozdnyakov K.** “Golaya zhizn” kak ob"ekt manipul'yacii v romane Yu. Oleshi “Zavist” [“Naked life” as an object of manipulation in Yu. Olesha’s novel “Envy”]. *Mirgorod*, 2020, no. 1 (15), pp. 220–230. (in Russ.)
- Shalamov V.** Collected Works. In 6 vol.+ vol. 7, add. Ed. by I. Sirotinsky. Moscow, Book Club Knigovek Publ., 2013, vol. 6: Correspondence, 603 p. (in Russ.)
- Shchepacheva I. V.** Traditsii afroamerikanskoi literatury v tvorchestve Persivalya Everetta [The Tradition of African-American Literature in the Work of Percival Everett]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta, Gumanitarnye nauki*. [Scientific Issues of Kazan State University, Humanities Sciences], 2015, no. 2, pp. 254–260. (in Russ.)
- Slezkin Yu.** Era Merkuriya: evrei v sovremennom mire [Era of Mercury: Jews in the Modern World]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005, 540 p. (in Russ.)
- Smola K.** Chto takoe putinskii magicheskii realizm? [What is Putin’s Magical Realism?]. In: *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2020, no. 4, pp. 150–157. (in Russ.)
- Tolmacheva O.** Pravda o “golom cheloveke” (po romanu Z. Prilepina “Obitel”) [The truth about the “naked man” (based on Z. Prilepin’s novel “The Abode”)]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal “Concept”*, 2016, vol. 42, pp. 83–87. (in Russ.) URL: <http://e-koncept.ru/2016/56960.htm>. (accessed: 17.08.2020).
- Tolstaya T.** Kys'. Moscow, Podkova: Inostranka Publ., 2000, 380 p. (in Russ.)
- Velizhantseva A., Pershin Yu.** K opredeleniyu funktsional'noi roli trikster [To the Definition of the Functional Role of the Trickster]. *Omskiye sotsial'no-gumanitarnyye chteniya – 2017* [Omsk Social-Humanities Readings – 2017]. Materials of the X Inter. Scientific-Practical Conf. Ed. by L. A. Kudrinskaya. Omsk, 2017, pp. 233–240. (in Russ.)
- Vodolazkin E.** Aviator. Novel. Moscow, AST Publ., 2016, 410 p. (in Russ.)
- Yakhina G.** Zuleikha opens her eyes. Moscow, AST Publ., 2003. 508 p. (in Russ.)
- Vizenor G.** The Heirship Chronicles. Minneapolis, Uni. of Minnesota Press, 1990.

Информация об авторе

Наталья Вадимовна Ковтун, доктор филологических наук, профессор
Scopus Author ID 57216870941
RSCI Author ID 652259
SPIN 1701-7970

Information about the Author

Natalia V. Kovtun, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Scopus Author ID 57216870941

RSCI Author ID 652259

SPIN 1701-7970

Статья поступила в редакцию 09.08.2023;

одобрена после рецензирования 11.08.2023; принята к публикации 15.08.2023

The article was submitted on 09.08.2023;

approved after reviewing on 11.08.2023; accepted for publication on 15.08.2023

Рецензия

УДК 81`37

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-134-138

На пути к эпистемологии лингвистики: создание терминологического гизауруса

Ольга Георгиевна Щеглова

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
Новосибирск, Россия

scheglova@post.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4358-2680>

Аннотация

Представлен аналитический обзор двухтомной монографии С. В. Лесникова «Метаязык лингвистики» (СПб., 2021). Анализируются инновационные принципы создания гипертекстового тезауруса лингвистической терминологии, отмечается обширная источниковая база оцифрованных словарей лингвистических терминов, комплексный подход к изучению метаязыка лингвистики, что выражается в многоаспектном анализе терминотем различных научных школ и различных национальных традиций. Очевидное достоинство монографии – наличие инфографики, систематического указателя гизауруса, возможность осуществлять поиск не только по ключевым словам, но и по смысловым полям и даже по терминологическим парадигмам. Отмечается значение выполненного исследования для создания эпистемологии лингвистической науки.

Ключевые слова

лингвистика, метаязык, лексикография, гизаурус, термин, информационно-поисковая система, эпистемология лингвистики

Для цитирования

Щеглова О. Г. На пути к эпистемологии лингвистики: создание терминологического гизауруса // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 134–138. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-134-138

Towards the Epistemology of Linguistics: Creating a Terminological Hypertext Thesaurus

Olga G. Shcheglova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

scheglova@post.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4358-2680>

Abstract

An essay on the monograph *The Metalanguage of Linguistics* by S.V. Lesnikov (St. Petersburg, 2021). The author analyses the innovative principles of creating a hypertext thesaurus of linguistics terminology, emphasizes an extensive source base of digitized dictionaries of linguistic terms, and the integrated approach to the study of linguistics metalanguage including a multidimensional analysis of various scientific schools' and national traditions' terminological systems. The study was based on more than 1220 digitized sources – Russian dictionaries of linguistics terminology published from 1755 to 2021. S. V. Lesnikov introduces the concept of hyzaurus into scientific circulation. In fact, it is a digital ideographic dictionary of linguistics terminology providing hyperlinks designed to search for terms by their meanings. The monograph presents infographics, a systematic index of the hyzaurus, and the ability to search not

© Щеглова О. Г., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 9: Филология. С. 134–138

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 134–138

only by keywords, but also by semantic fields and even by terminological paradigms. The author notes the importance of the performed research for the creation of linguistics epistemology.

Keywords

linguistics, metalanguage, corpus lexicography, hypertext thesaurus, term, information retrieval system, epistemology of linguistics

For citation

Shcheglova O. G. Towards the Epistemology of Linguistics: Creating a Terminological Hypertext Thesaurus. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 9: Philology, pp. 134–138. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-9-134-138

Лингвистика как наука прошла долгий путь развития. Сменялись научные парадигмы, изменялись методы исследований, возникали новые термины. Время от времени это требовало осмысления, в результате чего возникали различные лингвистические словари. Все они внесли определенный вклад в формирование метаязыка лингвистики (какие-то больший, как, например, «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой [1966] или «Лингвистический энциклопедический словарь» [1990], какие-то – меньший). В результате в лингвистической науке сложилось и было зафиксировано огромное количество разнообразных терминов: терминов различных лингвистических научных парадигм, направлений исследований и даже научных школ. В 1995 г. Р. М. Фрумкина, задаваясь вопросом «есть ли у лингвистики своя эпистемология?», отвечала на него, что «в современной лингвистике собственная эпистемология пребывает в зачаточном состоянии, а внутринаучная рефлексия развита недостаточно» [Фрумкина, 1995, с. 75]. Незавершенность эпистемологии лингвистики Р. М. Фрумкина объясняла, в частности, отсутствием у исследователей-лингвистов желания и (или) возможности «систематически размышлять о предмете своей науки, т. е. заниматься методологической рефлексией», отсутствием достаточного количества работ, излагающих «общеметодологические основы» проводимых исследований в разных областях лингвистики [Там же, с. 79]. С развитием в конце XX – начале XXI в. новых областей знания на стыке лингвистики с другими гуманитарными и не только науками неизбежно встает проблема определения предмета и методов исследования, формирования соответствующей терминологии. Другими словами, возникает необходимость осмысления, рефлексии ученого-лингвиста над своей наукой.

Одним из средств создания эпистемологии лингвистики является описание метаязыка лингвистики. Заметной вехой на этом пути стала публикация в 2021 г. монографии С. В. Лесникова «Метаязык лингвистики», изданной в двух томах. Целью данной работы была «систематизация терминосистемы метаязыка лингвистики и конструирование гипертекстового информационно-поискового тезауруса (гизауруса)» (т. 1, с. 11)¹. Автором был проделан огромный труд. В течение более 30 лет С. В. Лесников работал в проекте по созданию Машинного фонда русского языка. За это время им было оцифровано и обработано свыше 1 220 источников – русских словарей лингвистической терминологии, изданных с 1755 по 2021 г. Кроме того, исследователем была учтена терминология публикаций журнала «Вопросы языкознания» – авторитетнейшего научного издания, за период с 1952 по 2021 г. Все это составило базу для формирования гизауруса метаязыка лингвистики. В первом томе монографии автор размышляет о специфике лингвистических терминов, описывает методологию их интеграции «в единый информационно-поисковый тезаурус, организованный по системному и тематическому принципам» в разделе «Пролегомены» (т. 1, с. 10). Монография реализует комплексный подход к изучению метаязыка лингвистики, что выражается в многоаспектном анализе терминосистем различных научных школ и различных национальных традиций. Такой комплексный подход необходим для «создания многоязычных

¹ Здесь и далее в круглых скобках указаны том и страницы рецензируемого издания.

терминологических банков данных, а также научно обоснованных методик как образовательного, так и научно-исследовательского характера» (т. 1, с. 12).

Большое достоинство данного издания в наличии инфографики, которая сопровождает рассуждения автора: 210 инфограмм позволяют разместить на небольшом пространстве огромное количество информации, представленной структурно, выразительно и наглядно, что в значительной мере упрощает восприятие материала.

В первой главе «Моделирование гипертекстового тезауруса» С. В. Лесников рассуждает о неопределенности самого термина «метаязык лингвистики», приводит различные его толкования в хронологическом порядке, определяет свойства метаязыка и приходит к выводу о том, что на современном этапе развития метаязыка лингвистики совершенно необходимо упорядочение лингвистической терминологии. Общеизвестно, что существует проблема дублетности и «размытости» лингвистической терминологии, проблема экстенсивности и неадекватности метаязыка лингвистики даже порой в рамках одних и тех же научных школ. Решению этих проблем, по нашему мнению, призвано помочь рецензируемое издание, отражающее результаты работы автора на стыке лингвистики и информатики.

С. В. Лесников вводит в научный оборот понятие *гизаурус*, под которым он понимает «реляционную базу данных с гиперссылками, предназначенными для поиска слов по их значениям. Это цифровой идеографический словарь, отображающий содержание и семантические отношения внутри определенного множества лексических единиц, относящихся к заданной тематике» (т. 1, с. 49). Другими словами, автором создан гизаурус лингвистической терминологии, который охватывает « всю совокупность наук о языке, разделов и направлений лингвистики, включая междисциплинарные области смежных наук, возникающие на стыке с филологией, информатикой, психологией, социологией, этнологией, географией, историей культуры» (т. 1, с. 49).

Вторая глава первого тома монографии показывает ход работы над конструированием гизауруса метаязыка лингвистики, описывает фреймовый принцип организации гизауруса, алгоритм его разработки и создания, основные методы для формализованного анализа гизауруса.

В третьей главе автор рассматривает систематизацию понятий метаязыка лингвистики, рассуждает о классификации лингвистической терминосистемы по различным основаниям, анализирует эпидигматические и парадигматические отношения в терминосистеме.

В главе 4 представлена структура гизауруса метаязыка лингвистики, описываются словари лингвистических терминов, различающиеся по типу словника, способу организации словарного материала, степени информативности; представлены краткие аннотации оцифрованных лингвистических словарей, описаны привлеченные к созданию гизауруса, также уже оцифрованные, академические толковые словари русского языка, библиография исследования на русском и иностранных языках занимает более 100 страниц первого тома (т. 1, с. 377–478).

Большой интерес представляет глава 5, в которой описываются основные характеристики и возможности гизауруса, представлен систематический указатель гизауруса в виде инфограмм. Трудно не согласиться с автором в том, что в современном мире «пополнение информационных ресурсов Интернета происходит высокими темпами <...> надежным способом поиска информации является использование различных поисковых систем» (т. 1, с. 372). Большой плюс гизауруса метаязыка лингвистики, созданного С. В. Лесниковым, в том, что он дает возможность исследователям осуществлять поиск «не только по отдельным ключевым словам, но и по смысловым полям, разделам лингвистики и терминологическим парадигмам» (т. 1, с. 374).

Во втором томе «Лексикон терминосистемы» приведены определения русских лингвистических терминов, использовавшихся в науке в XVIII–XXI вв., а также представлены дефиниции основных понятий «терминосистемы как собственно лингвистики, так и смежных наук» (т. 2, с. 10).

Проведенное С. В. Лесниковым научное исследование и представленные в печатном и электронном виде (www.lsw.ru) результаты формируют уникальный словарь русской лингвистической терминологии, который отличается от существующих значительной широтой охвата терминологической лексики, принципом подачи текстового и иллюстративного материала.

Огромное значение данного исследования видится в том, что гизаурус метаязыка лингвистики может стать частью терминологического и словарного подфонда Машинного фонда русского языка. Но самое главное – труд С. В. Лесникова способен помочь исследователям лингвистики в целом и русского языка в частности задуматься над предметом и методами своей науки, задать себе вопросы об объекте, о задачах, которые действительно требуют решения, о методах познания исследуемого объекта, методах проверки правильности результатов, о систематизации используемых терминов, что необходимо для взаимопонимания и представления результатов своим коллегам в научном социуме. Таким образом, рецензируемое издание вносит значительный вклад в создание эпистемологии лингвистики и будет полезно и уже сложившимся специалистам в области различных наук о языке, и только начинающим исследователям – студентам, магистрантам, аспирантам. И хочется надеяться, что «недостаток» издания, а именно очень небольшой тираж в 300 экземпляров, исчезнет после появления электронной версии издания в свободном доступе в сети Интернет.

Список литературы

- Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.
- Лесников С. В.** Метаязык лингвистики: В 2 т. Т. 1: Проблемы систематизации терминосистемы / Науч. ред. Н. Л. Сухачев. СПб.: Нестор-История, 2021. 512 с. ISBN 978-5-4469-1785-3
- Лесников С. В.** Метаязык лингвистики: В 2 т. Т. 2: Лексикон терминосистемы / Отв. ред. член-корр. РАН С. А. Мызников; науч. ред. Н. Л. Сухачев. СПб.: Нестор-История, 2021. 1024 с. ISBN 978-5-4469-2008-2
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
- Фрумкина Р. М.** Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века / Под ред. академика Ю. С. Степанова. М., 1995. С. 74–117.

References

- Akhmanova O. S.** Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Sov. entsiklopediya, 1966, 608 p. (in Russ.)
- Lesnikov S. V.** Metayazyk lingvistiki: v 2 t. T. 1: Problemy sistematizatsii terminosistemy [Metalanguage of Linguistics. In 2 vols. Vol. 1: Problems of Systematization of the Terms System]. Ed. by N. L. Sukhachev. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021, 512 p. (in Russ.) ISBN 978-5-4469-1785-3
- Lesnikov S. V.** Metayazyk lingvistiki: v 2 t. T. 2: Leksikon terminosistemy [Metalanguage of Linguistics. In 2 vols. Vol. 2: Lexicon of the Terms System]. Ed. by S. A. Myznikov, N. L. Sukhachev. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021, 1024 p. (in Russ.) ISBN 978-5-4469-2008-2
- Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Sov. entsiklopediya, 1990, 683 p. (in Russ.)
- Frumkina R. M.** Est' li u sovremennoi lingvistiki svoya epistemologiya? [Does modern linguistics have its own epistemology?]. In: Yazyk i nauka kontsa XX veka [Language and science of the late 20th century]. Ed. by Yu. S. Stepanov. Moscow, 1995, pp. 74–117. (in Russ.)

Информация об авторе

Ольга Георгиевна Щеглова, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Olga G. Shcheglova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 05.09.2023;
одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 08.09.2023
The article was submitted on 05.09.2023;
approved after reviewing on 07.09.2023; accepted for publication on 08.09.2023*

Вестник Новосибирского государственного университета

Серия: История, филология

Выпуск «Филология»

Редакционная политика выпуска «Филология» направлена на отбор наиболее значимых публикаций, подготовленных по актуальной научной тематике.

К печати в разделе «Языкознание» принимаются работы, в которых на репрезентативном языковом материале, собранном лично автором, решаются актуальные проблемы современной лингвистики, преимущественно русистики, отличающиеся новизной и теоретической обоснованностью.

К публикации в разделе «Литературоведение» принимаются исследования по поэтике русской литературы (сюжет, мотив, жанр, образ человека в литературе, поэтика образа, символа и пр.) с использованием современных научных методов.

Сроки выхода журнала: март (№ 2) и ноябрь (№ 9) каждого календарного года.

Общие требования к оформлению статьи

Авторы присылают в редколлегию выверенную ими рукопись статьи. Объем статьи доктора наук не должен превышать 1 а. л. = 40 тыс. знаков (с пробелами и учетом всех сносок и всех метаданных), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм составляет 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Объем статьи кандидата наук – не более 0,7 а. л., аспирантов и соискателей – не более 0,5 а. л. Объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 12 тыс. знаков.

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором выпуска.

Материалы подаются в электронном виде в формате текстового редактора Word (расширение .doc, .docx или .rtf), шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы (внизу справа).

Обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf).

Подробно с требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии
выпуска «Филология»

Новосибирский государственный университет,
ауд. 1260 нового учебного корпуса
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: philology@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»